

**Военные**  
**Приключения**

# ТАЙНЫЕ ТРОПЫ



**ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ**

Военные приключения

Георгий Брянцев

**Тайные тропы (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1953

**Брянцев Г. М.**

Тайные тропы (сборник) / Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ»,  
1953 — (Военные приключения)

Запутанны, извилисты и опасны тайные тропы невидимой для непосвященных войны. Они идут через моря и границы, по лесам и бескрайним степям. И сколько надо зоркости и упорства, умения и мужества, чтобы обнаружить их и найти на них едва приметные следы... Роман о борьбе советских патриотов с гитлеровской, а потом и американской разведкой был изъят из библиотек в начале 1950-х годов. Сегодня он вновь возвращается к читателю!

© Брянцев Г. М., 1953

© ВЕЧЕ, 1953

## Содержание

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ	5
Часть первая	5
1	5
2	11
3	15
4	18
5	19
6	23
7	31
8	34
9	36
10	38
11	46
12	48
13	51
14	55
15	60
16	63
17	66
18	68
19	70
20	73
21	77
22	79
23	83
24	86
25	90
26	94
27	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

# Георгий Михайлович Брянцев

## Тайные тропы. Клинок Эмира

### ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

#### Часть первая

#### 1

В полночь у подъезда большого каменного дома остановились двое. Ночь была лунная, светлая, но кроны развесистых деревьев бросали густую тень на стену дома, скрывая лица и одежду пришельцев.

– Кажется, здесь, – тихо произнес один из них.

Тонкий луч карманного фонарика забегал по массивным, украшенным причудливой резьбой дверям. С левой стороны их, на уровне глаз, мелькнула кнопка звонка.

Один из спутников – пониже ростом – поднялся на ступеньку, собираясь нажать на кнопку, но в это время дверь бесшумно отворилась, и кто-то спросил из темноты передней:

– Вам кого?

Это было так неожиданно, что посетители на мгновение застыли в молчании.

– Кто вам нужен?

– Господин Юргенс, – ответил высокий и кашлянул. Кашель выдал сдерживаемое им волнение.

– Кто вас послал к нему?

– Господин Брехер.

– Что он просил передать?

– Вещи благополучно отправлены...

– Войдите.

Тяжелая дверь бесшумно закрылась, щелкнул выключатель, и яркий электрический свет ослепил глаза.

В приемной, куда привели посетителей, стояли широкий, обтянутый черным дерматином, диван и большой круглый стол с гладко отполированной поверхностью. Пригласив вошедших сесть, служитель скрылся в двери направо.

Ночные гости остались одни.

Они сидели молча и терпеливо ждали. Одному из них можно было дать лет тридцать. На нем были черный пиджак, серые брюки и стоптанные ботинки. Беспокойные темные глаза смотрели устало.

Другой, помоложе, был в телогрейке, в брюках, заправленных в сапоги. Лицо свежее, с прищуренными насмешливыми глазами.

Прошло несколько томительных минут. Наконец дверь отворилась.

– Прошу, – произнес почти шепотом человек, встретивший их.

Посетители встали и проследовали за ним.

Миновали зал, вошли в кабинет. Первое, что бросилось им в глаза, – огромный абажур настольной лампы. Его шелковый купол закрепили так низко, что лампа освещала лишь стол, а вся комната тонула в полумраке. За столом кто-то сидел, но рассмотреть лицо сидящего было нелегко.

Напряженное молчание длилось несколько секунд. Потом человек встал, протянул руку к выключателю, и на потолке вспыхнула небольшая люстра. Не приветствуя пришедших и не подавая руки, он жестом пригласил их сесть, а сам вышел из-за стола и тщательно осмотрел маскировку на окнах. Убедившись, что свет наружу не проникает, он вновь подошел к столу, сел, привалившись к высокой спинке кресла, и положил руки на подлокотники.

Это был довольно высокий, солидный военный в чине майора, с выхоленным, но энергичным лицом и коротко остриженными светлыми волосами. Он испытующе всматривался в лица гостей своими большими серыми глазами.

– Фамилия? – резко спросил он по-немецки.

– Ожогин! – встав с места, ответил старший.

– Грязнов! – сказал другой.

– Что имеете ко мне? – хозяин жестом пригласил посетителей сесть.

Голос у него был густой, низкий.

Ожогин рассказал, что с ними два раза в поселке Вольном беседовал гауптман<sup>1</sup> Брехер. Когда они приняли все условия гауптмана, тот дал письмо, назвал город, пароль и направил обоих сюда, к господину Юргенсу. Ожогин вынул из кармана и протянул через стол маленький розовый конверт.

– Когда покинули поселок? – спросил Юргенс, вскрывая письмо.

– Пятнадцатого сентября, – ответил Ожогин. – Гауптман Брехер дал нам военную машину, на которой мы доехали до деревни Песчаной. Оттуда добирались пешком.

– Почему пешком?

– Вам, очевидно, известно, господин Юргенс, что пользоваться железной дорогой в этих местах небезопасно. Гауптман Брехер настоятельно рекомендовал нам быть осторожными, и мы последовали его совету.

Юргенс коротко кивнул головой.

– Оба жители поселка?

– Нет, – сказал Ожогин, – мы не здешние.

– Долго жили в поселке?

– Не больше двух недель.

– За это время русская авиация бомбила Вольный?

– Один раз ночью, с неделю назад. Железнодорожный узел.

– Вы русский?

– Да, русский.

– И вы? – обратился Юргенс к Грязнову.

– И я русский, – ответил Грязнов.

– Земляки? Знакомые?

– Ни то, ни другое, – Грязнов покачал головой. – Мы познакомились у гауптмана Брехера. Я дезертировал из Красной Армии в начале сорок третьего года. Тогда же перешел линию фронта. Долго скрывался в деревнях, избегая партизан, а когда начали наступать советские войска, пошел на запад.

Ожогин рассказал, что родился в бывшей Оренбургской губернии, выехал оттуда с родителями вскоре после революции и больше на родину не возвращался. Единственный его брат живет в Средней Азии. Других родственников нет.

– Кто брат?

– Инженер-геолог.

---

<sup>1</sup> Гауптман – капитан.

Юргенс несколько раз стукнул пальцами по столу, достал из кармана пиджака большой серебряный портсигар и, поставив его на ребро, стал рассматривать. Затем вынул сигарету и закурил.

– Специальность? – обратился он к Ожогину.

– Инженер-электрик и связист.

– Образование получили при советской власти?

– Конечно.

– Что же вас заставило стать нашим другом? – Юргенс сомкнул на несколько секунд тяжелые веки.

– Как вам сказать... – криво улыбнувшись, начал Ожогин после небольшой паузы. – Причин к этому много и говорить можно долго, но я скажу самое основное: мой отец умер в тюрьме, мать не перенесла его смерти. Я и младший брат были озлоблены за отца...

– За что его упрятали в тюрьму?

– Он был ярким противником советского режима.

– А вы? – Юргенс перевел глаза на Грязнова.

– Особых причин нет, – ответил тот.

Юргенс встал из-за стола и твердыми, размеренными шагами пересек комнату по диагонали от стола к книжному шкафу и обратно.

– Что же приключилось с вами? – став позади сидящих, снова обратился он к Грязнову.

– Со мной ничего не приключилось. Мой отец родился и живет в Сибири, в Иркутской области. Там же находится младшая сестра. Есть еще дядя по матери, но я не знаю, где он. Я перед войной окончил пединститут. На ваш вопрос, пожалуй, и не отвечу. Я даже не задумывался над тем, чем вы интересуетесь.

Облако дыма поплыло над головами сидящих.

Зазвонил настольный телефон. Юргенс направился к столу и спокойным движением руки снял трубку.

– Слушаю... Да, я. Немного занят... Кто тебе сообщил?.. А... а! Ну что ж, если не спится – приходи.

Юргенс положил трубку на место.

– О чем еще с вами беседовал гауптман? – снова обратился он к посетителям.

Ожогин рассказал. Получив согласие Ожогина и Грязнова сотрудничать с немецкой разведкой, Брехер предупредил их, что «настоящей» работе должна предшествовать длительная подготовка и что работать придется, возможно, после окончания войны.

– Да, вероятнее всего, именно после окончания войны, – подчеркнул Юргенс, – и независимо от ее исхода. Это надо запомнить.

Говорил он с небольшими паузами, но четко и коротко, переводя взгляд с одного на другого.

– Прежде всего – тщательная конспирация, самая тщательная, – поучал Юргенс.

Никто не должен знать о их связи с немцами. С сотрудниками Юргенса они будут встречаться ежедневно, но лишь с наступлением темноты. Юргенс разрешает и даже рекомендует иметь самые широкие связи среди русского населения города, но скрывать от него свои симпатии к немцам. Чем шире и глубже эти связи, тем лучше для дела. Допускается даже высказывать недовольство по адресу немецкой администрации, но осторожно, в меру. Надо также продумать и решить вопрос о том, чем они станут здесь заниматься, так как жить без дела нельзя. Это вызовет подозрения. Свои соображения на этот счет они должны завтра же доложить Юргенсу. Для них уже приготовлена квартира. К себе они могут приглашать кого угодно, кроме лиц немецкого происхождения, связь с которыми может их скомпрометировать в глазах местного населения. О питании заботиться не придется. Это возложено на квартирную хозяйку.

В соседней комнате раздались шаги, и в кабинет вошел худой, высокий немец в чине подполковника. На носу у него было пенсне, из-под которого тускло смотрели маленькие глаза.

– Хайль Гитлер! – приветствовал он хозяина, выбросив вперед руку.

Юргенс ответил тем же.

– Что это за господа? – сделав презрительную гримасу, спросил пришедший. Он развалился в кресле, стоявшем у письменного стола, и вытянул худые, длинные ноги.

– Мои люди.

Подполковник приподнял брови, внимательно всмотрелся в Ожогина и Грязнова, прищурил глаза и отвернулся.

Юргенс вынул из ящика стола две бумажки и подал их Ожогину.

– Это пропуска для хождения по городу в любое время, – объяснил он. – Проставьте свои фамилии по-русски и по-немецки. Сейчас вас проводят на квартиру. Идите и отдыхайте. Обо всем остальном – в следующий раз...

– Ганс, ты помнишь Брехера? – обратился Юргенс к подполковнику, лишь только Ожогин и Грязнов вышли.

– Отлично. И всегда отзывался о нем с похвалой. Этот человек еще сделает себе карьеру.

– Его карьера уже кончилась.

– Не понимаю...

– Прочти – и поймешь, – Юргенс протянул подполковнику Ашингеру листок бумаги, заполненный мелким печатным шрифтом.

«Ставлю вас в известность, что в ночь на восемнадцатое сентября сорок третьего года советская авиация вновь совершила налет на железнодорожный узел и поселок, – прочел Ашингер. – Из батальона СС двадцать человек убито и около восьмидесяти ранено. На резиденцию гауптмана Брехера упала и разрушила все до основания полутонная бомба. Найдены лишь кусок португепи и правая рука гауптмана...»

– Да... нелепо, – медленно произнес Ашингер. – Брехер убит вдали от фронта, а я беспрерывно в районе передовой – и жив.

– Ты недоволен этим?

– Не недоволен, а удивлен, поражен... – Ашингер встал с кресла и, заложив руки за узкую, сухую спину, прошелся по комнате.

На некоторое время воцарилось молчание.

– Да... судьба Брехера печальна, – снова заговорил подполковник, – но я пришел сообщить еще более удручающие известия.

– Именно?

– Пали Новороссийск, Брянск, Бежица... – Ашингер остановился против Юргенса и широко расставил ноги. – Под угрозой падения Чернигов, Полтава, Рославль...

Лицо Юргенса оставалось спокойным. Он продолжал молча смотреть на собеседника.

– Ты не задумывался, Карл, над вопросом, что ожидает нас, если русские придут в Германию? – спросил Ашингер.

– Нет, – ответил Юргенс. – Не желаю забивать себе голову бесплодными размышлениями.

– Ты сегодня не в духе, Карл, – Ашингер обошел стол и, встав позади Юргенса, положил свои тонкие руки с длинными пальцами на его плечи. – А думать надо...

– Не хочу уподобляться крысе, бегущей с корабля, – Юргенс повел плечами, сбросил руки Ашингера и вышел из-за стола.

– Напрасно. Ты отстаешь от жизни, от событий. Не интересуешься новостями...

– К черту новости! – Юргенс зашагал по комнате, глубоко затягиваясь дымом папиросы. – У меня работы по горло.

Ашингер выждал, пока Юргенс вернулся обратно к столу.

– Не будем нервничать и ссориться, Карл, – сказал он тихо, стараясь подавить волнение. – Скажу тебе по секрету одну новость. Генералы, офицеры и солдаты фельдмаршала Паулюса обратились к германской армии и германскому народу с призывом... требовать отставки фюрера и его кабинета. Я слышал это по радио собственными ушами час назад.

– У меня голова трещит от этих новостей! – сказал Юргенс раздраженно. Ашингер обиженно пожал плечами.

Отведенный для Ожогина и Грязнова дом состоял из четырех комнат. Одну занимала хозяйка, три предоставлялись квартирантам.

Спальня с двумя кроватями и книжным шкафом имела два окна, выходивших в сад.

Когда хозяйка оставила квартирантов одних, Ожогин убавил свет керосиновой лампы, открыл окно и молча облокотился на подоконник.

Он хорошо знал этот город. Рядом, за углом, начиналась улица Луначарского; на ней, в доме номер тридцать восемь, Ожогин жили безвыездно пятнадцать лет. Там родились он, его брат...

Ожогин закрыл глаза и, напрягая память, начал восстанавливать знакомый маршрут от дома до школы. Именно в этом квартале жил известный в городе детский врач Доброхотов. Немного дальше стоял дом видного царского чиновника Солодухина, бесследно исчезнувшего в девятнадцатом году. Рядом с солодухинским домом находилась аптека, в которую ему часто приходилось бегать с рецептами, заказывать лекарства для матери и бабушки.

Никита Родионович отошел от окна и посмотрел на кровать Грязнова. Тот крепко спал, измученный долгой дорогой.

Ожогин тихо разделся, потушил лампу и лег.

...Первым проснулся Грязнов. В открытое окно глядело сентябрьское солнце. Из сада доносилось беспокойное птичье щебетанье. Осторожно поднявшись, чтобы не разбудить Ожогина, юноша бесшумно подошел к окну. В кустах сирени с яркими, еще не тронутыми желтизной, листьями шумно копошились воробьи. На ветвях развесистой яблони резвились какие-то краснобрюхие пичужки.

– Как хорошо! – вслух сказал Грязнов.

Измерив расстояние между подоконником и землей, он выпрыгнул в сад. Воробьи с криком разлетелись.

В саду было прохладно. Босые ноги сразу стали мокрыми от обильной росы. Юноша прошел до самого забора. Сад был запущен, все его дорожки и аллеи густо заросли травой.

– Андрей! Куда ты запропастился? – послышался из окна голос Ожогина.

– Тут, Никита Родионович, иду! – отозвался юноша.

Он вернулся к дому, положил руки на подоконник и, легко подтянувшись, спрыгнул на пол.

Когда Ожогин и Грязнов умылись и оделись, в комнату, постучав, вошла хозяйка. Она сказала, что идет в город, и выдала жильцам ключи от парадного входа и дверей, непосредственно ведущих в комнаты.

Друзья решили осмотреть дом.

Прежде всего обследовали чердачное помещение. Оно было сплошь завалено хламом: развалившейся мебелью, битой посудой, каким-то тряпьем и круглыми картонными коробками из-под шляп.

Внизу, в комнате хозяйки, стояли кровать, ветхий комод, платяной шкаф и старое, облезлое зеркало в бронзовой раме. Эта комната отделялась от спальни жильцов толстой, фундаментальной стеной. Задержавшись здесь, Ожогин попросил приятеля пройти в спальню. Грязнов громко произнес из спальни несколько слов – разобрать их Никита Родионович не мог. Выходило – в их комнате можно разговаривать свободно, не опасаясь быть услышанными.

В большой столовой были только стол и стулья. В гостиной, устланной пестрым паласом, стояли два шкафа, наполненные книгами, диван с высокой спинкой и расстроенное пианино, издававшее такие тягостные, рвущие душу звуки, что до него страшно было дотронуться. Над пианино на стене висела гитара.

– Кажется, нам здесь будет неплохо, – сказал Грязнов и провел пальцем по струнам гитары. Они отозвались звонко, мелодично.

– Совсем неплохо, – с усмешкой согласился Ожогин. – Как на курорте.

– Полная свобода действий – вот что странно.

– Ничего странного нет. Юргенс отлично знает, что люди, близко стоящие к гитлеровцам, находятся под наблюдением партизан, и если он начнет чрезмерно заботиться о них, то...

В гостиную тихо вошла хозяйка со свертком в руках.

– Сейчас будем кушать, – угрюмо бросила она и скрылась.

Завтрак состоял из мясных консервов, жареной картошки, салата.

Завтракали вместе с хозяйкой. Это была женщина лет сорока пяти с крупным невеселым лицом, испещренным морщинами. Ела она молча, опустив голову, и ее молчание немного смущало квартирантов.

Наконец Грязнов не вытерпел.

– Как же называть вас, хозяйюшка? – любезно спросил он.

Женщина перестала есть, подняла голову и посмотрела на Грязнова угрюмыми глазами.

– Так и зовите, – отвечала она.

– Это неудобно.

– Кому неудобно?

– И нам и вам.

– Мне ничего.

Она встала из-за стола, вышла и через минуту появилась с чайником, который молча поставила на стол.

Друзья поняли, что дальше задавать вопросы бесполезно, и принялись за чай.

Ночью Ожогина и Грязнова вызвал Юргенс. Заполнили анкеты, написали подробные биографии, долго беседовали о предстоящей учебе. Юргенс сказал, что по ночам их будут обучать радиотехнике и разведывательному делу два инструктора – Кибиц и Зорг. Днем можно ходить куда угодно, отдыхать, заводить друзей. Все это, однако, не должно отражаться на учебе.

Договорились, что Ожогин будет принимать заказы на изготовление вывесок и надписей по стеклу, а Грязнов, играющий на аккордеоне, – давать уроки музыки.

– А инструмент у вас есть? – поинтересовался Юргенс.

Ожогин ответил отрицательно.

– Но мы не считаем это проблемой, – пояснил он. – Стоит объявить о желании приобрести аккордеон – и предложений поступит достаточно. Мы в этом уверены.

После беседы Юргенс приказал служителю проводить Ожогина и Грязнова к инструкторам.

Дом, в котором жили Кибиц и Зорг, примыкал задней стеной к особняку Юргенса, а фасадом выходил на другую улицу. Двор был общим.

В комнате Кибица царил беспорядок. На столе, сплошь заваленном бумагами и деталями к радиоаппаратуре, лежали куски хлеба, яичная скорлупа, кости от рыбы, огрызки колбасы. Второй стол, притиснутый к плите, был завален кулками и свертками. В простенке между двух окон красовался большой портрет Гитлера, густо засиженный мухами. Большая, на длинном шнуре, электрическая лампочка была подтянута шпагатом к маленькому столу у окна. Из раскрытого платяного шкафа выглядывали портативные радиостанции, лампы различных конструкций и размеров, мотки проволоки и электрошнура, плоскогубцы, маленькие и большие ножовочные пилы.

Кибиц, хрипловатый голос которого раздался из другой комнаты, вышел не сразу. Когда он появился, Ожогин и Грязнов невольно поморщились. Он был весь какой-то узкий, плоский, с большой, совершенно лысой, головой, с настороженными, колючими глазами.

– Не смущайтесь! – Кибиц изобразил нечто вроде улыбки. – Я тут сам хозяйничаю. Проходите.

Вторая комната мало отличалась от первой. На письменном столе царил хаос, кровать не была убрана, одежда валялась на стульях. На одном из подоконников лежали мыло, бритва, осколок зеркала.

Не приглашая вошедших сесть, Кибиц объявил, что занятия по радиodelу начнутся завтра, потом обратился к служителю Юргенса и предложил отвести учеников к господину Зоргу.

В половине Зорга кто-то играл.

«Турецкий марш Моцарта», – отметил про себя Грязнов.

Зорг оказался высоким, стройным, со спортивной фигурой, немцем в штатском костюме. Лицо у него было белое, сухошавое. Он пригласил гостей в комнату и закрыл дверь, чтобы приглушить звуки музыки.

– Это играет моя супруга. Прошу садиться, – сказал он, усаживаясь рядом с Ожогиним. – Вы от господина Кибица?

Зорг отличался общительностью, говорил быстро и много. Он объяснил, что занятия по разведке и топографии будет проводить после уроков Кибица.

Из второй комнаты неожиданно вышла молодая белокурая немка. Она мельком взглянула на гостей, взяла с письменного стола ноты и снова ушла к себе.

Провожая гостей, Зорг поинтересовался, найдут ли они дорогу домой, и когда Ожогин заверил, что найдут, сказал на прощанье:

– Рад иметь дело с культурными людьми. Вы оба прекрасно владеете немецким языком, и надеюсь, что дела у нас пойдут успешно.

Вернувшись домой, друзья увидели в зале два чемодана, а на диване – ворох одежды и обуви.

– Это вам принесли, – коротко объяснила хозяйка.

Закончив с примеркой и разложив все вещи по своим местам, Ожогин присел к столу и начал писать объявления. Грязнов, прохаживаясь по комнате, изредка останавливался около стола и смотрел, как Никита Родионович старательно и в то же время легко и быстро выводит четкие печатные буквы.

– «Ищу аккордеон фирмы «Гонер». С предложением обращаться по адресу: Административная, 126», – наконец прочел он и усмехнулся: – Я думаю, что трех объявлений, вывешенных в центре города, будет достаточно: кто имеет аккордеон, быстро явится.

## 2

Денис Макарович Изволин проснулся от мучительной боли в ногах – одолевал застарелый ревматизм. Спустив ноги с кровати, он долго растирал больные суставы, пока не почувствовал некоторого облегчения. Потом подошел к окну, сдернул с него байковое одеяло и выглянул на улицу.

– Так и есть, – вздохнув, произнес он: – не зря всю ночь ноги крутило.

Небо было затянуто густой серой пеленой. Свинцовые облака плыли низко над крышами домов.

Денис Макарович поежился, повел плечами и протер запотевшее стекло концом одеяла. Теперь стало видно, что за окном моросит мелкий осенний дождь.

Березы, росшие у дома, печально роняли пожелтевшие листья. Вот один из них ударился в стекло, прилип к нему, потом оторвался и упал на землю.

Город медленно, будто нехотя, пробуждался. Прошла с брезентовой котомочкой Фокеевна, соседка. У нее трое малышей; надо их прокормить, добыть кусок хлеба. Каждое утро видит ее Денис Макарович, торопливо идущую к рынку, согнутую, тощую, с лицом, ничего не выражающим, кроме болезненной усталости, с глазами, горящими неестественным, лихорадочным огнем. Денис Макарович никогда не слышал, чтобы Фокеевна что-либо говорила, – все делает без слов, без шума.

Вот трое нищих – не идут, а тянут ноги. И тоже молча. За ними плетется мальчишка в большой кепке, сползающей на глаза. Он без конца кашляет и плюет на мостовую. Сквозь запотевшее от дождя стекло Денису Макаровичу видно его исхудавшее, маленькое лицо; кажется, оно состоит лишь из больших серых глаз и полуоткрытого рта.

Появляются два немецких солдата, видимо, возвращающиеся с ночного обхода, – поднятые воротники шинелей, нахлобученные фуражки. Прошли мимо и скрылись.

Начало обычного дня. Все так знакомо!

Поеживаясь от холода, Денис Макарович подошел к печи и начал выгребать золу. С первых дней оккупации города печь была приспособлена к топке подсолнечной лузгой. Денис Макарович высыпал из ведра шелуху, полил ее керосином и чиркнул спичкой. Огонь занялся быстро, печь сразу загудела. Приятная теплота потянулась к телу. Денис Макарович с минуту наблюдал, как играет пламя в печурке, потом отошел к столу. Надо было побриться. Усы Денис Макарович берёт уже много лет, изредка лишь подравнивая ножницами, а вот бороду брил старательно через каждые два дня. Сегодня очередная процедура. Он поставил зеркальце, развел мыло.

На постели застонала Пелагея Стратоновна. Жена часто болела во время войны: организм пожилой женщины ослаб от бесконечных лишений и невзгод.

Стараясь двигаться как можно тише, Денис Макарович умылся и надел пальто. Предстояла утренняя прогулка, ставшая традиционной. Закрыв за собой дверь, Денис Макарович вышел на улицу. Было уже совсем светло. По-прежнему моросил дождь. Даль улицы скрывалась в тумане.

Изволин шел не спеша, останавливаясь на перекрестках, где обычно вывешивались приказы комендатуры, объявления и афиши.

Целые кварталы были разрушены. Сейчас эти руины, окутанные сизой дымкой, казались особенно мрачными.

Денис Макарович добрался до центра города. Около большого, окрашенного в коричневый цвет здания полиции уже толпился народ. Здесь жители города по приказу коменданта еженедельно проходили регистрацию. Несмотря на дождь, народу сегодня было особенно много: вероятно, объявили повторную регистрацию. Не заметив в толпе никого из знакомых, Изволин пошел дальше. Через четыре дома было расположено городское управление, на углу – биржа труда. Пестрели знакомые надписи на русском и немецком языках: «Пасиршейн форцайген!» – «Предъяви пропуск!», «Дурхфарт ферботен!» – «Проезд воспрещен!», «Эйнтриг ферботен!» – «Вход воспрещен!»

Навстречу, под конвоем немецких автоматчиков, брела большая группа горожан. Куда их веди? В тюрьму? На гитлеровскую каторгу? Сколько таких несчастных видел за это время Денис Макарович!

После разгрома немецких войск под Орлом и Белгородом в городе усилились репрессии. Ежедневно проводились аресты и облавы, шла насильственная вербовка рабочей силы для отправки в Германию. Солдатам выдавались премии за каждые десять человек, доставленных на сборный пункт, и солдаты усердно старались заслужить премию – право на отсылку домой десятикилограммовой продовольственной посылки. Но самым надежным средством оккупанты считали зондеркоманды, которые устраивали облавы и сгоняли жителей к сборному пункту.

За последнее время фашисты проявляли чрезмерную нервозность. На улицах появились зенитные батареи, на крышах высоких зданий торчали спаренные и строенные пулеметные установки. Одну такую установку Денис Макарович увидел сегодня даже на колокольне разрушенной церкви. В городе ходили слухи, что в девяти километрах от вокзала строится мощный оборонительный рубеж. Слухам можно было верить, потому что ежедневно за город угонялись толпы горожан с лопатами.

Проявление беспокойства со стороны гитлеровцев доставляло Изволину огромное удовольствие.

Вот еще один приказ. Денис Макарович с любопытством пригляделся к большому серому листу – «Ко всем жителям города».

Неожиданно тишину нарушили выстрелы – один, другой, третий... Стреляли где-то рядом, за углом. Денис Макарович инстинктивно прижался к стене. С соседней улицы доносились крики, слышался топот ног. Прохожие устремились к месту происшествия. Изволин тоже побежал на шум, но толпа, вначале запрудившая тротуар, начала быстро таять. Люди спешили убраться подальше. Денис Макарович увидел у самой мостовой человека, лежавшего в луже крови. Это был гитлеровец в форме эсэсовца. Подоспевший патруль метался по тротуару. Высокий, костлявый офицер с пистолетом в руке резким, крикливым голосом отдавал команду солдатам и полицейам.

Офицер поднял руку и остановил проходившую легковую машину. «Бенц», глухо урча, покатил в сторону комендатуры.

Патруль и сбежавшиеся полицейские начали поспешно оцеплять улицу. Офицер хватал проходивших горожан и проверял документы. Встреча с патрулем не предвещала ничего приятного. Денис Макарович осторожно оглянулся, ускорил шаг, завернул за угол и торопливой походкой направился по улице Луначарского к городскому скверу.

На углу Садовой, как и вчера, висело несколько объявлений. Денис Макарович пробежал их глазами и хотел было уже удалиться, но заметил на стене, повыше почтового ящика, аккуратно наклеенный небольшой листок. На листке было написано: «Ищу аккордеон фирмы «Гонер». С предложением обращаться по адресу: Административная, 126».

– Мать моя родная! – прошептал взволнованный Денис Макарович.

Он снова прочел объявление и отошел в сторону. Сердце его учащенно забило. Он шагал по тротуару, глядя на сумрачную, залитую холодным осенним дождем улицу, не замечая луж. Усталый от быстрой ходьбы, но возбужденный и улыбающийся, Изволин вернулся домой.

Пелагея Стратоновна уже хлопотала около печурки, стряпая незамысловатый завтрак из картошки.

– Полюшка, пойді Игорька позови. До зарезу нужен.

– Что с тобой? – жена удивленно посмотрела на возбужденное лицо мужа. – Слово именник...

– Больше чем именник! – смеясь, ответил Денис Макарович. – Беги за Игорьком!

Пелагея Стратоновна натянула на себя стеганку и, укутавшись в старую шаль, бесшумно вышла из комнаты.

Вот знакомый полуразрушенный дом. Темным, сырым коридором Пелагея Стратоновна добралась до каморки под лестничной клеткой и постучала в фанерную перегородку.

– Да-да! – отозвался изнутри голос.

– Можно к вам?

– Заходите.

Каморка была до того мала и тесна, что в ней едва помещались деревянная койка, маленький столик и железная печь. В углу комнаты сидел на деревянном ящике молодой мужчина без одной ноги и прилаживал к сапогу подметку.

– Мне Игорек нужен, – сказала Пелагея Стратоновна, не переступая порога.

– Сейчас появится малец, – с улыбкой ответил сапожник. – Бегают где-нибудь... Да вы проходите, присаживайтесь...

Пелагея Стратоновна прошла к койке, села и стала терпеливо ждать.

Одиннадцатилетний Игорек жил в этой каморке вместе с безногим сапожником вот уже два с лишним года. Большая человеческая дружба накрепко соединила этих людей разного возраста. Мальчику сапожник был обязан многим – Игорек спас ему жизнь. Пелагея Стратоновна хорошо знала эту не совсем обычную историю.

В последние дни перед приходом фашистов город подвергался частым налетам бомбардировщиков. Игорек жил с матерью. Отец был на фронте. Однажды ночью, во время очередного налета, начались пожары. Жители покидали объятый огнем город. Мать Игорька положила чемодан на заваленную вещами подводку, усадила на нее девятилетнего сына, а сама уселась на заднюю подводку. В это время почти рядом упала бомба. Задней подводки не стало, и только едкий черный дым, тяжелый, непроницаемый, полз с того места в стороны. Взрывом перевернуло проезжавший мимо грузовик. Из кузова вывалились люди и мгновенно разбежались. Только один остался на месте. Он тяжело стонал. Оглушенный Игорек машинально спрыгнул с подводки и подбежал к стонавшему. Это был боец из госпиталя.

– Хлопчик, – проговорил боец, – уходить надо, а ноги нет. Хотя бы лошаденка какая захудалая попалась...

Игорек оглянулся по сторонам, бросился назад в темноту – и заплакал. Лошадь, впряженная в его подводку, подобрал под себя передние ноги и уткнувшись головой в мостовую, оставалась недвижимой. Громко рыдая, мальчик возвратился к раненому.

– А ты чей, хлопчик? – тяжело дыша, спросил калека.

– Я вон из того дома.

– А плачешь чего?

– Все уехали... И мама тоже... Я один теперь.

– Слезам горю не помочь. Крепись, малыш! Как тебя звать-то?

– Игорьь.

– Давай, Игорьь, поползем в твой дом, а там разберемся. Веди!..

Калеку-бойца и мальчика приютила каморка под лестничной клеткой, где до войны жил дворник.

На рассвете в город вошли немцы.

Игорек ни на шаг не отходил от своего друга. Он добывал для него куски хлеба, пищу, а когда Василий Терещенко – так звали бойца – окончательно окреп и взялся за знакомое ремесло сапожника, Игорек обеспечил его заказчиками. Вскоре Василий вошел в группу Изволина и стал подпольщиком.

Сейчас, глядя на Василия, Пелагея Стратоновна с грустью думала о тяжелой судьбе этого человека.

– Трудно вам? – тихо спросила она.

– Ничего... Страшное прошло. Осталось немного ждать... – Василий шутиливо подмигнул. – Скоро хлеб-соль готовить надо и хозяев настоящих встречать.

Звонко чихнули в коридоре, и в каморку вбежал худенький белоголовый мальчуган.

– Вот! – сказал он с гордостью и высыпал на кровать кучу мелких медных гвоздей.

– Ай да молодец! – похвалил Василий. – Таких гвоздей днем с огнем не сыскать. Вот мы их сейчас и вгоним в подметку!

– Ты что же не здороваешься со мной? – Пелагея Стратоновна притянула мальчика к себе и несколько раз поцеловала его взлохмаченную головку.

– Пойдем, – сказала она, – Денис Макарович ждет.

Шагая рядом с Пелагеей Стратоновной, Игорек оживленно рассказывал новости, которые он услышал на рынке. Женщина молча кивала головой, но не вдумывалась в слова мальчика: она была занята своими мыслями.

– И чего я жду? Сегодня же поговорю с Денисом, – проговорила она вслух.

Игорек остановился, удивленный:

– Что вы оказали, тетя Поля?

– Я? – смутилась женщина. – Я говорю, что вот мы и пришли.

### 3

Светало. Легкий ветерок шевелил макушки деревьев. Лесная чаща, еще окутанная ночной мглой, медленно, как бы нехотя, расставалась со сладкой дремой.

Над озером таяло голубоватое облачко тумана, а на вершинах могучих сосен, гордо раскинувших свои шатры, уже заиграли первые лучи солнца. Всюду стоял приторный аромат папоротника, мха, прели, перестоявшихся грибов.

Где-то за озером закричала иволга, закричала громко, тревожно.

Иннокентий Степанович Кривовяз вздрогнул и очнулся от забытья.

– Фу, черт! – с досадой выругался он. – Неужели уснул?

Машинально застегнув кожанку, Кривовяз встал с замшелого пня и оглянулся.

– Нехорошо! – с укоризной в голосе сказал он, как бы осуждая родившийся день за его золотистую россыпь лучей, за ясную синь неба и крики иволги.

Иннокентий Степанович был недоволен тем, что утро застало его врасплох. Всю ночь бодрствовать, бороться с дремотой – и перед самым рассветом уснуть! Кривовяз передернул плечами от холода, засосал с раздражением трубку и вдруг заметил, что чубук ее еще тепловат. Это успокоило и даже развеселило его – значит, он только задремал, может быть какие-нибудь десять минут и спал-то.

Он распалил трубку, с наслаждением затянулся и почувствовал едва уловимое опьянение не то от табака, не то от чистой утренней свежести. Пройдясь несколько раз твердо и крупно по поляне от пня до ближайшего куста и обратно, он окончательно вышел из полусонного состояния.

Холодок вызывал легкий озноб. Кривовяз подошел к костру и протянул руки к теплу. Костер еще горел, огонь лениво долизывал поленья.

Кривовяз долго, с доброй улыбкой наблюдал за спящими партизанами, вслушиваясь в их ровное, спокойное дыхание.

Легкий дымок от костра поднимался над поляной, вился к небу тонкой, ровной струйкой. День ожидался хороший. Это было кстати. Впереди лежало еще много километров пути – без дорог, без троп. Группа партизан во главе с Кривовязом после тяжелого двухдневного боя уже третьи сутки пробивалась лесами к стоянке бригады. Солнце вставало над лесом – по-осеннему ясное, но не горячее. Пора было поднимать ребят.

– Сашутка! – громко окликнул он своего ординарца. – Как дела с рыбой!

Разбуженные окриком партизаны поднимались, жмурили ослепленные светом глаза и молча принимались складывать свои нехитрые походные постели: плащ-палатки, маскхалаты, пальто, шинели, стеганные ватники.

Из-за кустов показалась голова Сашутки. Он лукаво улыбнулся и крикнул:

– Одну минутку, товарищ комбриг!

И действительно, не больше как через минуту он вышел из зарослей, держа в руках четыре шомпола с густо нанизанными на них карасями, зажаренными на огне костра.

Вытянув вперед шомполы, Сашутка направился к Кривовязу. Ходил он быстро, мелкими шажками, вперевалочку, носками внутрь. Небольшого роста, широкий в плечах, он напоминал

медвежонка. Ему было уже под тридцать, но льняные вьющиеся волосы и открытые васильковые глаза придавали его лицу ребячье выражение. С первого взгляда Сашутка казался подростком. Все в бригаде, по почину Кривовяза, звали его просто по имени, а Александром Даниловичем Мухортовым он числился только в списках партизан.

До войны Сашутка возил на «эмке» секретаря райкома партии Кривовяза. Вместе с ним ушел в лес и уже более двух лет был его бессменным ординарцем. Сашутка сопровождал своего командира всюду, куда бросала их суровая война. Бывали дни, когда они расставались: Сашутка, хорошо знавший здешние места, ходил в разведку. Но случалось это редко.

– Как рыбка на вид? – спросил с лукавой улыбкой ординарец и положил шомполы на специально насланную хвою, поодаль от костра.

Караси издавали приятный запах, возбуждавший аппетит.

– Попробуем – тогда скажем, – ответил Кривовяз и опустился на траву.

Партизаны последовали примеру своего командира. Из вещевых мешков и противогазовых сумок извлекались сухари, черствые ржаные лепешки, недоеденная накануне печеная картошка.

– Про ребят не забыл? Оставил? – спросил Кривовяз.

– Оставил, – ответил Сашутка.

Речь шла о партизанах, несших круговую дозорную службу.

Ели молча.

Солнце поднималось все выше. Желтеющие листья звенели от легкого ветерка. Едва уловимая прохлада тянулась с озера.

Кривовяз поднялся с травы и, вынув из кармана трубку, стал набивать ее табаком.

– Что ж, будем собираться, хлопцы, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Погостили, пора домой...

Иннокентий Степанович нагнулся к костру, чтобы раскурить трубку, но, не дотянувшись до него, замер. Казалось, что кто-то бежит по лесу. Кривовяз поднял голову. Теперь ясно доносились топот ног и треск сухого валежника. Видимо, человек бежал торопливо, не разбирая дороги.

Через секунду из чащи выскочил самый молодой из бойцов бригады. Он был встревожен, задыхался.

– Товарищ командир, происшествие! – боец глотнул воздуха. – Зюкин-старший утек!

Кривовяз вздрогнул.

– Что?! – не то спросил, не то прокричал он со злостью.

– Ночью... Когда шли болотом, – пытался объяснить партизан. – Стреляли, да разве в такую темь попадешь!

Кулаки у Иннокентия Степановича сжались, косточки пальцев побелели от напряжения.

– Ротозей! Шляпы!.. – он выругался зло, грубо. – Кого упустили!.. Эх!..

Партизан рассказал, что Зюкина искали до утра, но не нашли.

– Прочистить немедленно весь участок, – распорядился Кривовяз, – до самой дороги к городу! Каждый куст обшарить и найти!.. Сашутка! – крикнул он. – Быстро ко мне начальника разведки!

Весь день партизаны бродили по лесу. Но поиски оказались безрезультатными: Зюкин словно в воду канул.

Приближалось время выступления. Кривовяз и начальник разведки бригады Костин сидели вдвоем на берегу озера. В воде билась, оставляя круги, крупная рыба. Нежно-голубое небо было спокойно и перламутром отражалось в водах озера.

Кривовяз пососал потухшую трубку, скривился и сплюнул – в рот попала горечь. Он осторожно выбил табак, поднялся с земли и, закинув голову, всмотрелся в небо, пытаясь найти в нем хоть единое облачко.

Костин смотрел на ладную, массивную фигуру Кривовяза и любовался им. Выше среднего роста, плотный, с широким, немного скуластым лицом, он казался олицетворением силы и здоровья. Как командир Кривовяз отвечал, по мнению начальника разведки, всем необходимым требованиям. Делал он все не торопясь, взвесив и обдумав, делал так, что переделывать не приходилось. В проведении уже принятых решений был неумолим. Мог простить и часто прощал подчиненным одну ошибку, за вторую заставлял дорого расплачиваться.

– Больше некого посылать, Иннокентий Степанович, – нарушил долгое молчание начальник разведки.

– Так уже и некого? – Кривовяз вновь опустился на траву, достал кисет и начал набивать трубку.

– Вы меня не так поняли, – Костин снял очки и протер их чистым кусочком бинта. – Именно на этот раз посылать кого-либо другого явно нецелесообразно.

Речь шла о посылке в город надежного, расторопного партизана: надо было предупредить об опасности друзей, находящихся в городе. Задание ответственное, и требовался способный исполнитель.

– Ну, и как же решим? – снова заговорил Костин, видя, что Кривовяз молчит.

– О-хо-хо... – протяжно вздохнул Иннокентий Степанович. Он снял кепку и погладил свою бритую голову. – Давай еще подумаем... На, закури!

Костин взял протянутый кисет, свернул неуклюжую цыгарку и, затянувшись, зачихал, закашлял. Он был некурящий, но когда угощал Кривовяз, – не отказывался.

– Ну, если вы ни за что не хотите отпустить Сашутку, – отдышавшись, тихо произнес Костин, – есть еще одна кандидатура...

– Нет другой кандидатуры! – с досадой произнес Кривовяз и отвернулся. – Зови-ка лучше Сашутку.

Начальник разведки поднялся с земли и ушел.

... Через минуту Сашутка уже сидел против командира бригады и начальника разведки.

– Значит, ты хорошо помнишь, у кого мы ели в последний раз вареники с вишнями? – спросил Кривовяз.

– Помню отлично. Это на той улице, где была автобаза Потребсоюза.

– Правильно.

– А угощал варениками ваш родич, музыкант...

– Не музыкант, а настройщик музыкальных инструментов.

– Понятно.

– Документы у тебя будут хорошие, нарядишься под полицаю... Особенно опасаться нечего.

– А я не из робких, – уверенно произнес Сашутка. Кривовяз склонился к карте, которая лежала на траве, повел пальцем.

– Выйдешь на большак, по большаку – до железной дороги, а потом опять лесом и лесом до самого города. Так ближе.

– Точно, – подтвердил Сашутка и внимательно взглянул на карту.

– Придешь к Изволину, спроси: «Когда будут вареники с вишнями?» Понял?

– Понял.

– Если будет возможность, принеси оттуда письмо. Если нет – заучи и запомни хорошенько все, что скажет Изволин. Иди одевайся, время не ждет.

## 4

Завтрак уже окончился, хозяйка молча собирала со стола посуду, но Ожогин и Грязнов не поднимались со своих мест. Андрей просматривал газеты, изредка позевывая. Вчерашнее занятие у Зорга затянулось допоздна, и Андрей чувствовал усталость. Ожогин наблюдал за хозяйкой и выжидал, когда она, наконец, удалится.

Непогожие дни, говорившие о приближении зимы, наводили на Никиту Родионовича грусть. Он чаще и чаще чувствовал тоску по людям, которых недавно оставил. Тяготило неопределенное положение, в котором они оказались. Удивляло, что Юргенс не проявлял никаких признаков нервозности, хотя война шла к концу.

– Просто непонятно! – произнес уже вслух Ожогин, когда хозяйка наконец вышла из комнаты.

– Что непонятно, Никита Родионович? – спросил, не отрываясь от газеты, Грязнов.

– Почему майор Юргенс равнодушен ко всему?

– К чему?

– Армия гитлеровцев терпит поражение, а господин Юргенс спокоен. Больше того: он проявляет заботу о нас с тобой – о своих будущих кадрах, – словно никакая опасность Германии не грозит.

Грязнов внимательно посмотрел на Ожогина. Действительно, чем объяснить поведение Юргенса?

– Может быть, у немцев есть какое-нибудь секретное оружие, на которое они возлагают надежды? – нерешительно высказал свое предположение Грязнов.

– Едва ли! – бросил Ожогин и зашагал по комнате. – Если бы оно было, они давно применили бы его. Тут что-то другое.

Ожогин остановился и посмотрел на Грязнова долгим взглядом, будто на лице его друга был написан ответ на возникший вопрос.

– Зачем им нужны сейчас мы и подобные нам? Зачем? Это необходимо понять: нельзя идти с закрытыми глазами.

– Нельзя, конечно, – согласился Андрей и стал снова просматривать первую страницу немецкой газеты.

– Мне думается, – заговорил опять Ожогин, – что здесь дальний прицел...

Андрей отложил газету и вопросительно посмотрел на Ожогина.

В это время в передней раздался звонок.

– К нам? – удивился Грязнов.

– Сейчас узнаем.

Никита Родионович встал и вышел из комнаты. У парадного стоял мальчик лет одиннадцати в стеганом ватнике.

– Я по объявлению... Аккордеон вам, что ли, нужен?

– Да, нужен. А ты кто такой?

– Я сведу вас к дяденьке одному. У него есть хороший аккордеон. Пойдете?

– Что ж, сведи, – согласился Никита Родионович и оглядел паренька.

На голове у него была падающая на глаза кепка, на ногах – большие солдатские ботинки; ватник тоже был, видимо, с чужого плеча. Заметив на себе любопытный взгляд взрослого, мальчик смутился и опустил глаза.

– Тогда одевайтесь, я сведу вас, – сказал он и шмыгнул носом.

– Я сейчас, погоди минутку...

Когда Ожогин вышел, паренек стоял на тротуаре.

– Идите прямо, прямо по этой улице, – пояснил он. – Когда надо будет остановиться, я скажу.

Никита Родионович зашагал по тротуару, не оборачиваясь. Миновал один квартал, другой, третий... Мальчик шел сзади; изредка раздавался его тихий кашель. Наконец, приблизившись к Ожогину, он произнес:

– Вот около стены дедушка читает газету. Подойдите к нему.

Ботинки дробно застучали по мостовой – паренек перебежал на противоположную сторону улицы.

Никита Родионович увидел метрах в пятидесяти от себя мужчину, который, вытянув шею, внимательно читал вывешенную на стене газету. Ожогин подошел к нему и остановился.

– Вы, кажется, продаете аккордеон? – спросил он через некоторое время.

Незнакомец оглянулся, посмотрел Ожогину в лицо:

– Да, фирмы «Гонер».

– Размер?

– Три четверти.

– Исправный?

– Нет. Немного западают два баса.

– Я могу его посмотреть?

– Приходите в пять часов на улицу Муссолини, номер девяносто два. Я вас встречу.

– Хорошо.

– Всего доброго!

Старик чуть наклонил голову и зашагал в сторону парка. Ожогин еще некоторое время постоял около газеты, делая вид, что читает ее. Потом медленно направился к дому. Из-за угла появился Грязнов.

– Аккордеон найден, Андрюша! – глядя в взволнованное лицо друга, произнес Никита Родионович и, улыбаясь, хлопнул Грязнова по плечу. – Теперь начнем играть...

## 5

Денис Макарович бежал домой, почти не чувствуя ног. Давно так учащенно не билось сердце, давно он не испытывал такого прилива радости. У дверей дома Денис Макарович остановился, чтобы отдышаться, придал лицу обычное сосредоточенное выражение и, глубоко вздохнув, открыл дверь.

– Ну и погодка! – сказал он, сбрасывая пальто и усаживаясь на излюбленное место возле печи. – В такой день только кости греть у огня.

Пелагея Стратоновна подбросила подсолнечной лузги в печь и с шумом захлопнула дверцу.

– Рано от холода прячешься, еще зимы нет.

– Ничего не поделаешь, старость одолевает! Рад бы не жаловаться, да не выходит, – Денис Макарович принялся растирать колени ладонями рук.

– Не так уж стар, как наговариваешь на себя.

– Стар, стар! – улыбаясь, возразил Изволин. – Что ни говори, а шестой десяток пошел – полвека со счету долой.

Пелагея Стратоновна слушала мужа и улавливала в его голосе волнение. Лицо Дениса Макаровича светилось радостью, морщины у глаз, всегда такие глубокие, казалось, разгладились, и на губах притаилась чуть заметная улыбка. «Сам все расскажет», – подумала она, вглядываясь в лицо мужа. Но Денис Макарович молчал. Пелагея Стратоновна отвернулась и начала сосредоточенно наблюдать за пламенем в печи. Изволин понял настроение жены.

– Ну что ты, Полюшка? – он встал и нежно взял жену за плечи.

Пелагея Стратоновна посмотрела на мужа, и ей вдруг захотелось рассказать ему о том заветном, о чем думала много дней одна, что волновало ее материнское сердце:

– Может, возьмем Игорька к себе, усыновим? Жаль ведь мальчонку.

Денис Макарович давно заметил, как тянется жена к Игорьку, как горячо ласкает его и заботливо хлопчет о нем. Он и сам привязался к смышленому, расторопному пареньку. Но жить было трудно. Изволин едва перебивался с женой, и мальчику, конечно, придется несладко. Осторожно объяснил это жене.

– Понимаю, – взволнованно ответила та, – сама знаю, но люблю его, как родного...

Денис Макарович привлек к себе седую голову жены, погладил:

– Я тоже люблю его, но есть и другая причина, Полюшка...

– Какая же?

– Василия жаль. Хороший он человек, привык к Игорьку, полюбил его. Возьмем мы к себе мальчонку – останется Василий как без рук.

Пелагея Стратоновна задумалась. Муж сказал правду: она забыла о Василии. Действительно, ему одному будет очень тяжело. Трудно даже сказать, кто из них в ком больше нуждается: Игорек в Василии или наоборот.

– И как же быть? – Пелагея Стратоновна нерешительно поглядела на мужа.

– А так и быть, Полюшка: заботиться надо и о том и о другом, а разлучать их не следует. Пусть Игорек у нас почаще бывает... Подбери ему что-нибудь из Лёниной одежки – он совсем пообтрепался, а зима на носу...

На комодѣ звонко тикали часы. Денис Макарович поднес их к свету – стрелки показывали без пяти пять. Он вышел на крыльцо. На улице было еще довольнолюдно, но Денис Макарович сразу отметил приближающегося к дому покупателя аккордеона: «Не терпится, видно. Раньше времени пришел». И, открыв наружную дверь, он пригласил гостя следовать за собой.

В голове Дениса Макаровича еще копошились сомнения: «Может, не от Иннокентия? Может, что худое стряслось, а я, дурень, радуюсь...» На Ожогина смотрели внимательные и немного близорукие голубые глаза. Седые обвисшие усы придавали лицу Изволина выражение мягкости.

Никита Родионович бросил взгляд на стоявшую в дверях второй комнаты Пелагею Стратоновну. Денис Макарович заметил это:

– Моя жена. Говорите свободно... От кого вы?

– От Иннокентия Степановича...

– Родной вы мой! – Денис Макарович бросился целовать смущенного и не менее его взволнованного Ожогина. – Родной вы мой! Значит, жив Иннокентий Степанович?

– Жив, здоров и бьет фашистов.

– Тише! Тише! – Изволин подошел к двери и потянул на себя ручку. – У нас тише надо говорить – соседи не того... – Он сделал рукой какой-то неопределенный жест.

– Денис! – с укором в голосе сказала Пелагея Стратоновна. – Да ты раздень, усади человека...

– Пелагея Стратоновна... Знакомьтесь, – торопливо проговорил Изволин, стягивая с плеч Ожогина пальто.

Никита Родионович поклонился и пожал руку Пелагее Стратоновне.

– Садитесь... Садитесь... – суетился Денис Макарович. – Есть хотите?

– Нет, спасибо, сыт, – ответил Никита Родионович, с интересом наблюдая за хозяином, которого так всполошил его приход.

– Когда от Иннокентия Степановича?

– Пятнадцатого сентября.

...Изволин слушал рассказ Ожогина о боевой жизни Кривовяза и его партизан, и перед ним вставал Иннокентий Степанович таким, каким он видел его в последний раз в тревожную

июньскую ночь. Обняв на прощанье друга, Кривовяз сказал тогда: «Не падай духом, старина. Поборемся с фашистами. Я там, в лесу, ты – тут. Еще посмотрим, кто кого! Придет наш день – встретимся. Пусть Полюшка тогда такие же вареники сготовит. Покушаем и вспомним боевые дни».

Ожогин подробно объяснил, с каким заданием появились он и его друг Грязнов у Юргенса. Рассказал все без утайки, как и рекомендовал сделать Кривовяз.

...Началось все с того, что партизаны Кривовяза одиннадцатого сентября наткнулись на двух людей, направляющихся в город. Их допросили, и оказалось, что они имеют письмо к некому Юргенсу. В письме было сказано следующее:

*...Болеe надежных людей (назовут они себя сами) у меня сейчас нет. Оба знают немецкий язык, имеют родственников в далеком тылу и готовы служить фюреру. Здесь их никто не знает, они не местные, а теперь о них совсем забудут. Ваши Брехер.*

Иначе говоря, два брата-предателя Зюкины шли в услужение к фашистам, и их характеризовали как надежных людей. Партизаны решили использовать этот случай и послать к гитлеровцам Ожогина и Грязнова.

Денису Макаровичу понравился план Кривовяза.

– Но положение ваше опасное, – предостерег он Никиту Родионовича. – Тут надо иметь и выдержку и смекалку, день и ночь прислушиваться и обдумывать, что к чему...

Спускались сумерки.

– Кстати, – вспомнил Ожогин, – как же быть с аккордеоном? Ведь он нам и в самом деле нужен.

Денис Макарович лукаво подмигнул и вышел в другую комнату.

Ожогин подошел к окну. Его взгляд остановился на двух людях, стоявших у ступенек дома. Один был горбатый, маленького роста, другой – упитанный, рослый.

– Что это за люди? – спросил Ожогин.

– Где? – отозвался Изволин из другой комнаты.

– Около вашего дома.

Осторожно приблизившись к стеклу, Изволин поглядел на улицу:

– Плохие люди... Горбун – агент гестапо, а второй – мой сосед, тоже предатель. Приятели. На их совести много замученных советских людей.

Горбун и сосед Изволина поднялись на крыльцо. Когда их шаги стихли в коридоре, Денис Макарович раскрыл принесенный футляр и вынул аккордеон.

– Вот вам и музыка! – сказал он, рассмеявшись. – Нас на мякине не проведешь.

Никита Родионович увидел красивый, белый с черными клавишами, инструмент.

– Фирма «Гонер», размер три четверти, – продолжал Денис Макарович. – И басы не западают, совершенно новенький. Его привез мне сын из Риги в сороковом году.

– У вас есть сын?

– Тсс... – Денис Макарович приложил палец к губам и, оглянувшись, добавил: – Есть, есть... Расскажу как-нибудь и о нем. Не всё сразу.

Ожогин не настаивал. Отстегнув ремешок, он стал осматривать аккордеон. В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел сосед, которого Никита Родионович только что видел в окно в компании горбуна.

– У вас гость, оказывается? – произнес он и развел руками.

– Да, покупатель.

Никита Родионович вложил аккордеон в футляр, встал и подал вошедшему руку.

– Тряскин, – отрекомендовался тот.

– Ожогин.

Рука у Тряскина была горячей и липкой.

– Я за табачком, Денис Макарович, – потирая руки, заговорил он. – Одолжите немного.

Гость пожаловал, а у меня весь вышел.

Никита Родионович вынул портсигар, наполненный сигаретами, открыл его и подал Тряскину:

– Прошу.

– Батюшки мои! – воскликнул Тряскин. – Настоящие сигареты... Мне даже неудобно.

– Берите, берите, у меня есть еще. И знаем, где взять.

– Смотрите! – растянув красное лицо в улыбку, удивился Тряскин. – Премного благодарен... Приятное знакомство! – Он захватил с десятка сигарет. – Надеюсь, еще увидимся... Спасибо.

Неуклюже повернувшись, Тряскин вышел.

– Пройдемте в ту комнату, – предложил Изволин, – поторгнемся за аккордеон.

Вошла Пелагея Стратоновна.

– Темно уже, – проговорила она. – Окна завесить, что ли?

– Завесь, завесь, – согласился Изволин. – Придется при коптилке посидеть: в наш район света не дают.

Пелагея Стратоновна принесла коптилку, сделанную из консервной банки, и зажгла фитилек. Коптилка светила тускло, неприветливо: комната сразу потеряла свой уют.

Денис Макарович заговорил о своем соседе – Карпе Тряскине. Он рассказал, что коридор разделяет их дом на две одинаковые двухкомнатные квартиры. Тряскин занимает вторую половину. Он столяр-краснодеревец. До прихода немцев квартиру занимала жена райвоенкома из того же района, где до войны работал и жил Тряскин. Райвоенком ушел в партизаны, а жену с дочерью оставил здесь. Тряскин, появившись в городе, пронюхал об этом, донес, и в декабре сорок первого года мать и дочь арестовали. Управа передала квартиру Тряскину. У Тряскина есть жена и дочь – переводчица гестапо.

– Опасное соседство... – покачал головой Ожогин.

– Нисколько!

Ожогин удивленно поднял брови.

Денис Макарович еще раз подтвердил, что соседство нисколько не опасное. После того как Тряскин вселился в квартиру, совершенно прекратились визиты немцев и полицейских, и Изволин стал жить спокойно. До знакомства с Тряскиным он ходил на регистрацию в комендатуру еженедельно, а теперь раз в месяц. Тряскин ни в чем Изволина не подозревает.

Вот друг Тряскина – горбун – более опасен. Он давно живет в городе, примечает каждого нового человека, наблюдает за ним, а результаты сообщает в гестапо. Он предал уже несколько человек.

– Да, кстати, вам не казалось, что за вашим домом кто-нибудь наблюдает? – спросил вдруг Денис Макарович.

Ожогин не обратил внимания на тон, каким задан был этот вопрос, и не подметил лукавых огоньков в прищуренных глазах Дениса Макаровича.

– Разве уже наблюдают? – в свою очередь, спросил Никита Родионович, считая слезку, организованную Юргенсом, вполне естественной и закономерной.

Денис Макарович рассмеялся и положил руку на плечо гостя.

– Смотря кого вы имеете в виду, – сказал он. – Если фашистов, то не знаю; а если наших – то наблюдали, а теперь уже не будем. Дом, где вас поселили, – продолжал Денис Макарович, – нам хорошо известен. Мы знаем, что гитлеровская военная разведка использует его под конспиративную квартиру. В нем со времени оккупации города по два, по три месяца, иногда и

больше, жили разные лица, а мы за ними поглядывали. Когда вас вселили, мне доложили, что появились новые квартиранты. Ясно?

...За беседой просидели часа полтора. Когда Ожогин вышел из дома, на улице было уже темно. Луч поискового прожектора прочертил по небу огненную полосу, осветил на мгновение улицу и погас. Никита Родионович повесил через плечо аккордеон и зашагал по затемненному городу.

## 6

Вечер складывался, как обычно. Приближалось время занятий: путешествие по грязи сначала на квартиру Киблица, а затем Зорга. Никита Родионович уже собрал разложенные на столе детали радиоприемника и хотел одеваться, как неожиданно услышал за окном торопливые шаги. Шаги замерли у крыльца, и через минуту раздался сильный стук. Кто-то немилосердно бил кулаком в дверь.

Друзья переглянулись. В такой поздний час, когда город уже спал, появление гостей было неожиданным. Да и никто к ним, кроме Игорька, еще ни разу не заходил.

Стук становился все настойчивее. Запалив о свечку маленький огарок, Андрей пошел в переднюю.

– Кто? – спросил он громко.

– Откройте! Спасите, если вы честные люди... за мной погоня! – отозвался умоляющий голос за дверью.

Грязнов, не раздумывая, повернул ключ, откинул цепочку. На него навалился маленький человек с бледным, окровавленным лицом.

– Спасите... спасите!.. – хрипел он исступленно. – Я коммунист...

Едва сделав шаг, человек упал навзничь.

Андрей растерялся. Незнакомец лежал на полу и глухо стонал.

На улице вновь послышались торопливые шаги нескольких человек. Андрей быстро захлопнул дверь и накинул цепочку.

– Никита Родионович! – позвал он. – Идите скорее сюда!

Увидев лежащего на полу передней человека, Никита Родионович остановился.

– Коммунист... просит спасти... – сказал Грязнов.

Никита Родионович взял из рук Андрея свечной огарок, наклонился над лежащим и осветил лицо. Что-то знакомое припомнилось ему. Он где-то уже видел этого человека... А-а, да ведь это тот самый горбун, гестаповский агент, который стоял возле дома Изволина! Гестаповский агент – и вдруг коммунист! Предатель, погубивший, со слов Дениса Макаровича, много советских людей, ищет спасенья?.. Нет, тут другое...

– Что будем делать? – растерянно спросил Андрей. – Что мы стоим?

Да, Андрей прав. Действительно, стоять нечего. Андрей не знает, кто пришел к ним в дом под видом коммуниста. Никита Родионович забыл сообщить ему, что познакомился у Изволина с Тряскиным и видел там горбуна.

– Бери, понесем... – угрюмо бросил Никита Родионович и открыл дверь в комнату. Горбун не шевелился.

– Он, кажется, умер, – тихо сказал Андрей, когда горбуна внесли и положили на пол в зале.

– Возможно, – согласился Ожогин. – Но, так или иначе, его надо припрятать. А куда?

В зал вбежала перепуганная хозяйка. Увидев лежащего на полу окровавленного человека, она вскрикнула, перекрестилась и, закрыв лицо руками, бросилась в свою комнату.

«Куда спрятать? Куда?» – думал Ожогин. Взгляд остановился на диване. Никита Родионович быстро подошел и поднял пружинный матрас. Открылся пустой вместительный ящик.

– Правильно, только сюда, – проговорил Грязнов, еще не пришедший в себя от волнения. Горбуна опустили в ящик. Он не издал ни стоана, ни вздоха. Водворили на место матрац.

– А сейчас я придумаю, как нам получше упрятать его, – громко сказал Ожогин.

Он подошел к вешалке, набросил на себя пальто, надел шапку и пальцем поманил к себе Грязнова. У самых дверей он сказал Андрею:

– Это предатель, агент гестапо. Подробности расскажу после. Сейчас нельзя терять ни минуты. Юргенс хочет проверить нас – я постараюсь оставить его в дураках.

Он открыл наружную дверь и чуть не бегом бросился в сторону кинотеатра. Там, у кассы, висел телефон общего пользования, а он как раз и нужен был Ожогину.

В голове толпились беспокойные мысли. Юргенс в нем и Андрее не уверен. Это уже плохо. Будет еще хуже, если Ожогин не успеет осуществить то, что задумал, прежде чем к ним в дом явятся люди Юргенса. Что они явятся, в этом у него сомнений нет. Вопрос – когда?

Вот и кинотеатр. Ожогин пробежал расстояние в три квартала так быстро, что сам удивился. Набирая номер, Никита Родионович желал только одного – застать Юргенса.

– Есть чрезвычайно срочное дело! – задыхаясь от быстрой ходьбы, выпалил Ожогин, как только в трубке послышался голос Юргенса.

– Что такое? Говорите.

– Не могу... Необходимо ваше вмешательство.

– Хм... Ну и что же вы хотите?

– Чтобы вы немедленно приехали к кино, я вас здесь буду ждать... Вы слышите меня?

– Слышу... слышу... Чрезвычайное, говорите?

– Да-да-да...

– Сейчас приеду.

Никита Родионович облегченно вздохнул, вытер влажное лицо, закурил.

Из зрительного зала доносились звуки музыки, голоса. Ожогин посмотрел на часы. Прикинул, что ранее чем через пять-семь минут Юргенс, при всей его оперативности, не придет. Значит, сигарету можно выкурить здесь, в вестибюле. Юргенс, наверно, уже догадался, что провокация сорвалась. Возможно, рад этому; возможно, огорчен. Судя по его голосу, он не ожидал звонка... А ведь провокация могла бы достигнуть цели, если бы он, Никита Родионович, не увидел горбуна ранее и не узнал его теперь.

Когда Ожогин вышел из кинотеатра, на противоположной стороне улицы остановился автомобиль. За рулем сидел Юргенс.

– Что случилось? – спросил он подбежавшего Ожогина.

Никита Родионович коротко доложил о происшествии.

Юргенс молчал. Трудно было сказать, какое впечатление произвело на него сообщение Ожогина, так как лицо шефа скрывала темнота. После длительной паузы Юргенс вновь спросил:

– Он сам сказал, что коммунист?

– Да, сам.

– Вы его раньше не встречали?

– Никогда.

– Садитесь...

А в это время перед Грязновым стояли два гестаповца и переводчик. Они явились в дом в тот момент, когда Ожогин, стоя у машины, докладывал Юргенсу о происшествии. И сейчас Андрей не знал, как поступить. Поспешно ушедший Никита Родионович не успел сказать, что надо делать Грязнову.

– В вашем доме укрылся коммунист, – сказал переводчик.

Грязнов пожал плечами и выразил на лице удивление. Его не было дома. Он только что пришел и вообще не понимает, о ком идет речь. Если об отсутствующем его друге, то он не коммунист. Если о нем, Грязнове, то он тоже не коммунист.

– Врешь! Где спрятал? – взвизгнул один из гестаповцев.

Грязнов вторично пожал плечами. Ему непонятно, что от него хотят. Ни о каком коммунисте он не имеет ни малейшего понятия. Господа, по-видимому, ошиблись, попали не по тому адресу.

– Молчать!.. Пес! Паршиванец! – гестаповец замахнулся автоматом, но не ударил. – Искать... Верх... низ... искать...

Переводчик и второй гестаповец, мигая карманными фонариками, начали шарить по всему дому, а когда вернулись в зал, там уже стояли Юргенс и Ожогин. На Юргенсе была тяжелая форменная шинель.

Гестаповцы вытянулись, замерли в неподвижных позах.

– Где? – коротко бросил Юргенс, не вынимая рук из карманов.

Ожогин посмотрел на Грязнова и кивнул головой в сторону.

Андрей быстро поднял матрац, из ящика со стоном вылез горбун.

– Вы кто? – спросил его Юргенс на чистом русском языке.

– Я коммунист... бежал из тюрьмы... Хотел спастись, а они... они... – он поочередно посмотрел на Ожогина и Грязнова.

Лицо Юргенса скривила брезгливая гримаса.

– Уберите эту дрянь! – приказал он гестаповцам и, пожав руки Ожогину и Грязнову, вышел.

Вслед за ним гестаповцы вывели под руки обескураженного горбуна.

...Юргенс ехал домой, и злясь, и торжествуя одновременно. Он был абсолютно уверен, что провокацию организовал начальник отделения гестапо Гунке. Какого дьявола этот Гунке лезет к людям Юргенса! Ему нечего совать нос в дела военной разведки. Разберутся и без него. Он хочет доказать, что он умник, а остальные дураки, хочет скомпрометировать Юргенса, подложить ему свинью, донести кому следует, что агентура Юргенса не проверена и способна на предательство. Юргенс злобно покусывал губы. Хотелось явиться сейчас к Гунке и смазать его по физиономии. Нет, Юргенс не держит около себя всякую шантрапу, вроде этого горбуна. И ничего он, Гунке, умнее не придумал, как подослать под видом коммуниста такого идиота! Из тюрьмы бежал... Дурак, дурак! Да кто из здравомыслящих людей поверит, что из немецкой тюрьмы можно убежать? Где это видано? Ну, уж теперь этому горбуну не сдобровать! Гунке с него три шкуры спустит.

Вернувшись домой, Юргенс решил было позвонить Гунке по телефону и «поздравить его». Но потом раздумал: пусть он узнает о провале от своих сотрудников. Юргенс принял и второе решение: Ожогину и Грязнову сказать, что они действительно изловили коммуниста. Зачем им знать, что между гестапо и военной разведкой идет грызня?..

...Перед самым сном Андрей полез в свой чемодан – достать чистый платок – и, приподняв крышку, тихо свистнул: на белье лежала дамская шпилька. Как она могла оказаться здесь?

Он взял шпильку, повертел и подал Ожогину, который лежал в постели.

– Что это? – удивился тот.

– По-моему, шпилька.

– А как она к тебе попала?

Грязнов рассказал.

– Ладно, – заключил Ожогин. – Ложись и туши свет. А шпильку, видимо, уронил тот, кто интересовался твоим чемоданом.

На этом инцидент со шпилькой был исчерпан.

Через несколько дней утром Никита Родионович открыл свой чемодан и заметил, что вещи в нем лежат не так, как укладывал их он.

– Ты ко мне в чемодан не лазил? – спросил он Грязнова.

– Это зачем же?

– Хм... интересно... Ведь он был закрыт на замок.

Чемоданами друзей снабдил Юргенс. Запасные ключи от замков он, видимо, оставил у себя, и теперь, с ведома Юргенса, кто-то проверяет, нет ли в их чемоданах чего-либо подозрительного.

– Вот что, Андрюша, – обратился Никита Родионович к Грязнову: – полезь в печь и наскреби немного сажи.

Грязнов поднял брови.

– Да-да, – подтвердил Никита Родионович, – немного, с чайную ложку, а для чего – увидишь.

Андрей, недоумевая, исполнил просьбу друга.

Никита Родионович положил поверх всех вещей черную сатиновую сорочку, посыпал ее сажой, закрыл чемодан и запер его на замок.

– Понял? – подмигнул он Грязнову.

Тот рассмеялся.

На густой вековой лес спустилась ночь. Глухо, беспокойно шумели деревья. По небу, которое стало темнее земли, бродили сполохи, тревожные блики. Жутко. Тягостно. Мрак до того густ, что кажется, будто что-то тяжелое давит на грудь...

Преодолев чащу, Сашутка вышел на шоссе, остановился и тяжело перевел дух. С минуту он всматривался в виднеющийся между деревьями прорез дороги, прислушивался к тишине, потом зашагал дальше. Пройдя с километр по шоссе, и не встретив ни души, Сашутка сошел на пересекавший дорогу большак.

Четвертый день брел он лесом; измученный трудной дорогой, медленно передвигал ноги. Все бы шло хорошо, не случись накануне вечером беды: обходя краем болота, Сашутка в потемках угодил в трясину и едва-едва выбрался. Сам выбрался, а мешочек с продуктами потерял.

Целые сутки он не ел. Голод давал о себе знать – Сашутка чувствовал все усиливающуюся тошноту.

Большак вывел к пролеску, а потом к зимнику, сплошь поросшему увядшей травой. Но вскоре пришлось расстаться и с ним. Сашутка свернул на едва заметную извилистую тропку. Часто она терялась, и он вынужден был нагибаться и отыскивать ее чуть не на ощупь. Тропка привела к небольшому озеру. На его темной поверхности отражались редкие звезды. Озеро наглухо отгородилось от леса черной осокой. Слышался гомон птиц, готовящихся к перелету.

Увидев отяжелевшую от красных гроздьев рябину, Сашутка подошел к ней и, срывая ягоды, начал класть их в рот целыми пригоршнями. Во рту стало горько и терпко. Сашутка опустился на землю. Потом, преодолевая усталость, поднялся и сделал несколько шагов. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Он протянул руку к тоненькой надломленной сосенке и оперся на нее. Стало немного легче.

«Надо идти, надо идти...»

Путь преградила гадюка, переползавшая дорогу. Сашутка вздрогнул и, не двигаясь, начал наблюдать, как змея торопливыми, судорожными движениями уползает в заросли.

Сашутка пересек овражек и спустился к журчавшему на дне его ключу. Пить не хотелось – мучил голод. Ягоды почти не помогли, но надо было чем-нибудь наполнить желудок, сжимающийся от коликов. Сделав несколько жадных глотков студеной воды, Сашутка поднялся и

посмотрел на руки. Они были покрыты грязью, изодраны в кровь. Он помыл их в прозрачной воде, вытер о траву.

Сашутка прошел еще немного и остановился перед большим болотом, покрытым ковром кувшинок. Затем вынул из-за пазухи кусок карты-пятиверстки и всмотрелся в нее. Болото должно было остаться в стороне, а он приблизился к нему вплотную. Тут гибель. Стоит только шагнуть вперед – и неминуема смерть.

«Вот глухомань!»

Отойдя в сторонку, Сашутка потоптался на одном месте, потом лег на влажную траву и сжался в комок.

Утомленное, ослабевшее тело требовало отдыха, и Сашутка быстро уснул. Его разбудил предрассветный холод. Сашутка встал и снова зашагал по лесу. Утренние тени покрывали тропинку. Вся она была густо усеяна опавшими сосновыми иглами. Роса капельками искрилась на одиноких осенних листьях. Сашутка глубоко вдыхал в себя студеной воздух, наполненный терпким ароматом хвои. Вот и большая поляна, помеченная на карте. Но обозначенной рядом с ней маленькой деревеньки нет: от нее остались только одинокие печные трубы. Деревню спалили гитлеровцы. Не останавливаясь на пепелище, Сашутка снова углубился в лес, отыскивал теряющуюся тропку и зашагал быстрее, хотя отяжелевшие, точно налитые свинцом, ноги не хотели слушаться.

Тропка привела к протоке. В темно-зеленой воде бились рыбы. Сашутка наклонился над водой и стал следить за игрой рыб. Они вились у берега, едва уловимые взглядом. Сашутке казалось, что он сможет поймать одну из них рукой. Нацелившись, он окунул пальцы в воду и с сожалением вздохнул: рыбы исчезли. Повторив попытку несколько раз, Сашутка встал, безнадежно махнул рукой и двинулся дальше.

Он ступил на колеблющийся мостик, неизвестно кем и когда перекинутый через протоку. Прогнившие жердочки под его тяжестью готовы были сломаться. Теперь стало видно, где протока соединяется с болотом. Болото было безмятежно спокойно. Не хотелось верить, что под его манящим бархатистым покрывалом таятся страшные зыби.

Сашутка осторожно ступил ногой на край болота. Почва заколыхалась, точно живая.

«Кругом лес, в середине – болото, а в болоте – бес», – мелькнула в голове старая лесная поговорка.

Сашутка совсем выбился из сил. Боролись два противоположных желания: идти в обход болота – и лечь, лечь хоть на пять-десять минут...

Лес, болота, протоки, озера, поляны с большими проплешинами, золотистые березовые рощицы, опять лес, лес и лес...

Идти скорее, как можно скорее, чтобы опередить бежавшего предателя Зюкина и раньше него появиться в городе! Сашутка шел уже неровной, тяжелой походкой и упрямо твердил одно:

– Вперед... вперед...

Вдруг нестерпимая боль полоснула желудок. Сашутка сморщился, застонал и, упав на колени, уткнулся головой в землю. Мозг заволкло туманом, мысли спутались в беспорядочном клубке. Хотелось плакать, кричать. Он чувствовал, что слабеет и перестает понимать окружающее.

Сашутка протянул вперед руки, чтобы ухватиться за какой-нибудь предмет, но встретил пустоту. Показалось, что он падает в бездну. И он забылся...

А Ожогин и Грязнов в это время сидели в гостях у Изволина.

Пелагея Стратоновна разливала чай. На столе появились мед и маленькие пшеничные булочки. Никита Родионович получил три килограмма муки за изготовление вывески, Грязнов

заработал уроками музыки кувшин меду. Все это они принесли Изволиным и передали Пелагее Стратоновне.

Когда Пелагея Стратоновна ушла в другую комнату, Денис Макарович подсел поближе к Ожогину.

– Ваша помощь в одном деле нужна, – сказал он.

Друзья узнали, что в городе находится на нелегальном положении сын Дениса Макаровича – Леонид, переброшенный Большой землей для налаживания связи с подпольем. Леонид спустился на парашюте с рацией месяца три назад и удачно пробрался в город. Друзья укрыли его, но при приземлении был поврежден передатчик, и сейчас работает только приемник.

– Вас Юргенс обучает радиоделу, – добавил Денис Макарович. – Может быть, посмотрите рацию и выручите нас из беды? Леня долго сам копался, но наладить передатчик не мог. Помогал ему еще один парень – и тоже толку никакого.

– Попытаемся. Обязательно попытаемся, – пообещал Никита Родионович.

– Только об одном прошу, – предупредил Денис Макарович: – при Пелагее Стратоновне о Леониде ни слова. Она не знает, что он здесь. А узнает – захочет повидать, волноваться начнет... В общем, вы меня понимаете.

– Тряскин сына вашего знал? – поинтересовался Андрей.

– Не мог он его знать. До войны Тряскин здесь не жил. Ведь я как-то говорил об этом Никите Родионовичу...

Друзья собрались уже уходить, как вдруг дверь открылась, и в комнату вошел Тряскин. Он был навеселе и не совсем уверенно держался на ногах.

– Вот вы где замаскировались! – засмеялся он, подавая руку Ожогину и в то же время разглядывая Грязнова. – А этого молодого человека я не знаю...

– Это мой друг, – представил Андрея Никита Родионович.

– Грязнов, – назвал себя Андрей.

– Очень рад, очень рад! – Тряскин поздоровался с Грязновым и обратился к Изволину: – Прошу всех ко мне... на обед... Твои гости – мои гости.

Ожогин и Грязнов попытались отказаться от приглашения, ссылаясь на отсутствие свободного времени, но Тряскин не захотел слушать никаких объяснений. Он-де человек простой, сам не стесняется и всем так советует.

Друзья остановились в нерешительности. Из затруднительного положения их вывел Изволин. Он пообещал зайти к Тряскину через несколько минут и привести с собой своих гостей.

– Ну, смотри, Денис Макарович! – Тряскин погрозил пальцем. – Сроку тебе десять минут, – и вышел.

– С волками жить – по-волчьи выть, – тихо сказал Изволин. – Отношений портить не следует. Пойдем посидим.

Доводы Дениса Макаровича были резонны: отказываться от дружбы с Тряскиным не следовало – мало ли что могло случиться впереди!

В квартире Тряскина играл патефон. На большом столе, покрытом белой скатертью, стояли спиртные напитки, закуска.

Кроме самого Тряскина, в комнате было еще четыре человека: жена его Матрена Силантьевна, дочь Варвара Карповна, подруга дочери и, наконец, к удивлению Ожогина и Грязнова, – горбун, тот самый горбун, который явился на квартиру друзей под видом коммуниста. Друзья не подали виду, что узнали его.

Матрена Силантьевна пригласила всех к столу.

Варвара Карповна, окинув взглядом Ожогина и Грязнова, заявила, что Никита Родионович будет сидеть рядом с ней, а Грязнов – с ее подругой.

Матрена Силантьевна разместила свое огромное тело на стуле и громко вздохнула.

– Ну, чего глаза вылупил? – обратилась она к мужу. – Угощай гостей!

Тряскин засуетился – потянулся к водке, зацепил рюмку, та ударилась о тарелку и разбилась. Тряскин растерялся и виновато посмотрел на грозную супругу.

Матрена Силантьевна выдержала небольшую паузу, как бы собираясь с духом, и выпалила в сердцах:

– Руки тебе повыкручивать, непутевому, надо! Чем ты смотришь только! Слякн-то хоть убери...

– Можно немного повежливее? – не сдержалась Варвара Карповна. Ей не хотелось, чтобы новые знакомые сразу определили нравы этого дома.

– А твое дело – сторона! – огрызнулась мать. – Тоже, кукла!

Горбун, привыкший, видимо, к подобным сценам, громко сказал:

– Только без ссор... только без скандалов.

– А тут никто и не скандалит! – обрезала Матрена Силантьевна. – Разливай-ка лучше водку.

– Водка – наиприветливее зло, – начал горбун, беря бутылку, – страшнее и нет ничего... Со знакомством! – объявил он, обращаясь к гостям и поднимая рюмку.

Матрена Силантьевна умело опрокинула содержимое рюмки, крикнула по-мужски, рассмеялась:

– Так-то лучше! – и принялась за еду.

Горбун говорил громко. По тому, что он часто употреблял выражения вроде: «это отнесем в дебет», «сальдо сюда, с ним после разберемся», «получите по аккредитиву», «подведем баланс», – можно было судить, что по профессии он бухгалтер или экономист.

– Ну как, разобрал, что пил? – спросил горбун Тряскина после очередной рюмки.

Тот отрицательно покачал головой.

– А она тебя разобрала? – закатился горбун булькающим смешком.

– Разобрала, – сокрушенно ответил Тряскин.

Матрена Силантьевна заколыхалась и раскатисто захохотала. От выпитой водки она покраснела и стала как будто еще толще. Взяв со стола пустой графин, Тряскина вышла в соседнюю комнату. Оттуда раздались звуки вальса. Это Матрена Силантьевна завела патефон и, появившись в дверях, объявила, хлопнув в ладоши:

– А ну, гости, плясать!

– Пойдемте? – пригласила Варвара Карповна Никиту Родионовича, привстав со стула.

– Не танцую.

– Совсем?

– Совсем.

– Как жаль! Ну, ничего, – успокоила она Ожогина, – со временем я вас выучу. Приличный мужчина обязательно должен танцевать.

– А вас, Варвара Карповна, – язвительно заметил горбун, – выучил танцевать обер-лейтенант Родэ? А?

– Кто такой Родэ? – поинтересовался Никита Родионович.

– А вы его не знаете?

Ожогин отрицательно покачал головой.

Варвара Карповна объяснила:

– Родэ – следователь гестапо, пользующийся большим расположением самого начальника гестапо Гунке. Гунке – замечательный человек, а вот Родэ... Родэ – это...

Опьяневший горбун вдруг расхохотался и погрозил пальцем Ожогину:

– Вы думаете, я вас не узнал? И вас тоже? – он сделал кивок в сторону Грязнова. – Обоих узнал, как вы только вошли... Господа! – обратился он ко всем. – Эти джентльмены предали меня. Да! Буквально-таки предали и отдали с рук в руки гестаповцам. (Все с недоумением

и любопытством посмотрели на Ожогина и Грязнова.) Своя своих не познаша, как говорит древняя славянская поговорка. А вы, конечно, удивились, встретив меня здесь? Думали, что я и вправду коммунист?

– Я и не подозревал, что это вы, – нашелся Ожогин.

– И я бы никогда не подумал, – добавил Грязнов, понявший тактику друга.

– Это возможно. Мне тогда так обработали физиономию, что, взглянув в зеркало, я сам испугался. Но я вас запомнил.

– В чем дело? Что произошло? – раздался голоса.

Горбун добросовестно рассказал обо всем случившемся.

– Молодцы! – одобрительно сказал Изволин, и все согласились с ним.

– Ничего не понимаю, хоть убейте! – сказала Матрена Силантьевна.

Горбун махнул рукой и, воспользовавшись тем, что Варвара Карповна вышла из комнаты, подсел к Ожогину.

– А ведь здорово получилось! – он достал портсигар, закурил и положил его на стол. – Не спохватись вы вовремя и не притащи этого Юргенса – не выкрутились бы у Гунке. Ей-богу! Он не любит Юргенса, а тот – его. Они на ножах. И Юргенс бы вас не отбил. Нет-нет, уж поверьте мне... – Горбун прижал руку к груди, закивал головой и перешел на шепот: – Вам я могу кое-что сказать – я теперь понимаю, кто вы, но только никому об этом ни слова. Варвара Карповна просто боится обер-лейтенанта Родэ. Очень боится. А Родэ – это сила. Родэ держит ее при себе как переводчицу, кроме того, ухаживает за ней, ну а ей это не совсем, видите ли, приятно, потому что Родэ пристрашенный...

– Карп! – раздался вдруг резкий голос Матрены Силантьевны.

Опьяневший Тряскин спал, положив голову на стол.

Гости, не прощаясь, потянулись к двери. Варвара Карповна успела сказать Ожогину, что скоро будут ее именины и что Ожогин должен прийти обязательно.

Попрощавшись в коридоре с Денисом Макаровичем, друзья вышли на улицу. Сразу стало легче, словно с сердца свалилось что-то тяжелое и грязное.

Надо было решить, сообщить ли о встрече с горбуном Юргенсу или нет. Ожогин и Грязнов пришли к выводу, что гестаповского доносчика следует основательно проучить.

За час до занятий Ожогин позвонил по телефону Юргенсу и доложил, что есть необходимость видеть его лично. Юргенс разрешил зайти.

– Опять чрезвычайное происшествие? – встретил он вопросом Никиту Родионовича.

– Продолжение чрезвычайного происшествия... – ответил Ожогин.

– Вторая серия? – уже не скрывая иронии в голосе, спросил Юргенс.

– Что-то вроде этого.

– Слушаю. Выкладывайте.

– Коммунист, оказавшийся в нашем доме и арестованный по вашему приказанию как опасный преступник, сейчас на свободе...

– Что-о?! – взревел Юргенс, и кровь прилила к его лицу. – Где вы могли его видеть?

Ожогин рассказал, что встреча с горбуном произошла совершенно случайно в доме знакомого им столяра городской управы Тряскина. Выяснилось, что горбун не коммунист, а сотрудник какого-то Гунке, по заданию которого и действовал.

– Идиоты! – буркнул Юргенс.

Ожогин добавил, что о своей связи с гестапо горбун говорил в присутствии Тряскина, его жены, дочери и подруги дочери. Ожогина и Грязнова горбун теперь считает своими, и нет никакой гарантии, что не будет болтать о них на стороне. Ожогин и Грязнов не могут быть уверены в том, что сумеют при таких обстоятельствах сохранить в тайне свои отношения с Юргенсом.

– Ясно! Довольно! – прервал Юргенс Никиту Родионовича.

– Мы полагаем, что поступили правильно, решив тотчас доложить об этом вам... – вновь начал Ожогин.

– И впредь делайте точно так же, – одобрил Юргенс. – Кстати, вы не знаете хотя бы фамилии этого мерзавца?

– К сожалению, не поинтересовались.

Когда Ожогин готов был покинуть Юргенса, тот спросил:

– Аккордеон нашли?

– Да.

– Отлично. Я видел мельком ваше объявление, но не особенно верил в его успех. А у кого купили?

– У соседа Тряскина.

– У этого Тряскина вы встретили мерзавца горбуна?

– Совершенно верно.

## 7

С утра неожиданно запорошил мелкий снежок. Он ложился ровным тоненьким покрывалом на грязную, усыпанную бурями листьями мостовую, на крыши домов. Город стал неузнаваем: он будто помолодел, преобразился.

Рассматривая в окно улицу, Грязнов радостно потирал руки. Вот она, долгожданная зима! Неожиданно в окне показалась знакомая фигура Изволина, и мальчишеский задор у Андрея сразу пропал. Он стремглав выскочил на крыльцо.

– К нам, Денис Макарович?

– А то куда же еще! – ответил улыбающийся Изволин. – Конечно, к вам.

Андрей помог ему отряхнуть с шапки и пальто снег и раздеться.

Приход Изволина вызывал удивление. Денис Макарович еще ни разу не бывал у них – боялся, что это может навлечь подозрения.

– Вздумалось посмотреть, как мой аккордеон тут поживает, – шутливо объяснил свой приход Изволин. – А ну, покажите.

– У хороших хозяев ему не скучно, – ответил Грязнов и вынул аккордеон из футляра.

– Вижу, вижу – не жалуется, – продолжал Денис Макарович, любовно оглядывая инструмент. – Славная штучка! Слов нет, славная. Берегите ее, ребята... – Он оглянулся на дверь, ведущую в соседнюю комнату.

– Не беспокойтесь, Денис Макарович, – перехватил его взгляд Ожогин: – хозяйка выехала по разрешению Юргенса в деревню и возвратится через неделю, не раньше.

– Если бы она была дома, – улыбнулся Денис Макарович, – то я бы и не пришел к вам. Понятно?

Расположились в столовой за круглым столом.

– Есть дело, и дело безотлагательное, – после некоторого молчания заговорил Денис Макарович.

Ожогин понимающе кивнул головой.

– Нашу подпольную организацию интересует дом, в котором живет и работает Юргенс. Нужно знать: и кто посещает Юргенса, и о чем разговаривает Юргенс со своими людьми, и какие готовит планы. Задача не из легких, что и говорить, но выполнить ее надо во что бы то ни стало.

Денис Макарович изложил свой план. Он был прост, но смел. В дело, кроме Ожогина и Грязнова, вводились еще три товарища. За всех можно было ручаться головой.

На следующий день в здание городской управы вошли три совершенно различных по внешнему виду и одежде человека. Они молча поднялись по лестнице на второй этаж, прошли по длинному коридору в самый конец, где находилась приемная бургомистра, и присоединились к группе посетителей, ожидающих приема.

Самый старший из вошедших, он же самый маленький по росту, был одет в поддевку, перешитую из венгерской шинели. На голове у него была меховая шапка, на ногах – валенки. Лицо посетителя было нахмурено. Тоскливыми глазами смотрел он себе под ноги и, казалось, что-то упорно обдумывал.

Самый молодой и самый высокий, в засаленной тужурке поверх шерстяного свитера и таких же засаленных спортивных брюках, заправленных в сапоги, был невероятно худ. Казалось, он только что поднялся с постели после долгой, изнурительной болезни. Огромные глаза неестественно ярко блестели. Он заметил последнего из сидящих на длинной скамье в ожидании приема и внимательно следил, чтобы никто не прошел вне очереди.

На третьем посетителе было основательно потертое кожаное пальто, на ногах – новые хромовые сапоги. Фетровая, синего цвета шляпа натянута до самых ушей. Добродушный на вид, он с любопытством разглядывал окружающих, и казалось, что его лицо вот-вот ни с того ни с сего расплывется в улыбке.

Бургомистр, видимо, торопился – в его кабинете никто не задерживался более чем на две-три минуты. Вот вышла оттуда, всхлипывая и держа платок у глаз, пожилая женщина, и трое посетителей торопливо вошли в кабинет.

– Почему сразу все? – строго спросил бургомистр.

Он сидел за огромным столом, откинувшись на высокую спинку кресла. Тонкий, совершенно прямой пробор делил его голову на две равные части.

Серо-зеленые глаза с прищуром смотрели в упор, не мигая.

– Мы все по одному делу, – ответил самый высокий, теребя в руках мохнатый заячий трюх.

– Так, слушаю... – серо-зеленые глаза стали совсем маленькими.

– Покорнейше просим, господин бургомистр, вашего разрешения сдать нам в аренду подвал под сгоревшим домом по Садовой, номер сорок два. Вот... – и высокий подал лист бумаги.

– Это... – бургомистр закрыл один глаз и посмотрел в потолок, что-то вспоминая. – Это насчет пекарни?

– Совершенно справедливо. Пекарню хотим соорудить, вроде как компаньоны...

– А справитесь? – бургомистр взял поданное заявление и, отдалив его от себя на расстояние вытянутой руки, стал читать.

Посетители молчали.

– Справитесь? – повторил бургомистр.

– Нас трое, а потом, может, еще прибавится.

– Кто из вас Тризна?

– Я! – отозвался высокий.

– Пекарь по профессии?

– Да. Шесть лет на хлебозаводе работал.

– А я Курдюмов, – старик в поддевке вышел вперед. – Вы знаете меня?

– Откуда мне вас знать! – брезгливо поморщился бургомистр. – Тут вот говорится, что вы раньше на Кавказе кондитерскую держали.

– Точно, точно, держал, и сейчас неплохо бы...

– Ладно! – резко прервал бургомистр. – Третий! Вы – Швидков?

– Да, я.

– Предприимчивые люди нам нужны. Если вы построите пекарню и хорошую печь, мы вам окажем поддержку, – он размашистым почерком наложил резолюцию и встал. – Идите!

Юргенс подошел к окну, раздвинул занавески и внимательно посмотрел на противоположную сторону улицы. Там стоял остов двухэтажного, когда-то красивого кирпичного дома, уничтоженного огнем. Крыша, переборки – все сгорело. Сохранились только эмалевая дощечка с надписью: «Садовая, 42» и железобетонное основание, отделяющее подвальное помещение от первого этажа.

Вот уже который день сряду у дома и во дворе хлопотали какие-то люди. Завозили кирпич, глину, доски, аккуратные березовые и дубовые поленья...

Юргенс постоял у окна несколько минут, пожал плечами и, подойдя к телефону, набрал номер.

– Эдуард?

– Да.

– Это я, Юргенс.

– Слушаю.

– Что за строительство начинается против моего дома?

– Против твоего? На Садовой?

– Да-да, на Садовой, сорок два.

– Обыкновенное строительство. Можешь не волноваться.

– А все же?

– Пекарню будут строить в подвале.

– Это дело далекого будущего?

– Пожалуй, нет. Тут частная инициатива.

– Строители подозрений не внушают?

– С какой стороны?

– Так... вообще...

– Как будто нет.

– Ну, вот и все.

– Пожалуйста.

Юргенс положил трубку и вновь подошел к окну. Высокий парень в грязном пиджаке и спортивных брюках разгружал подводу. Он быстро сбрасывал кирпичи, покрытые засохшим известковым раствором. В одном из черных провалов подвального окна появился кусок кровельной жести с маленьким круглым отверстием. Через минуту из него вылезла железная труба. Второе окно закрыли изнутри фанерой. Высокий парень разгрузил подводу, уселся на передок и, дернув вожжами, выехал со двора.

В доме под номером сорок два по Садовой улице кипела работа. В подвале неутомимо трудились три человека. День здесь начинался с рассвета и кончался поздно ночью. Старик Курдюмов уже сложил печь, оставалось лишь вывести трубу. Было готово и корыто для теста. Недоставало только стеллажей, столов, форм. Пол очистили, вымели. Навесили три двери с прочными замками. На потолке закрепили две «летучие мыши», освещающие небольшой подвал. Сегодня будущие пекари собрались раньше обычного. Тризна закрыл изнутри двери и объявил:

– Ну, пошли!

Он взял фонарь и направился в дальний угол подвала. За ним двинулись Курдюмов и Швидков, неся маленькие ломы и саперные лопаты.

Деревянное творило<sup>2</sup> было хорошо замаскировано землей и различным мусором. Тризна осторожно снял верхний слой земли и поднял творило за кольцо.

---

<sup>2</sup> Творило – подъемная дверь.

Дохнуло сырым холодом. Тризна смело опустился в лаз и, став прочно на ноги, потребовал фонарь. За ним последовал Швидков. Курдюмов остался снаружи. В его обязанность входило охранять вход. При малейшем намеке на опасность он обязан был опустить творило и засыпать его землей.

Тоннель имел в высоту не более метра, а в ширину едва достигал пятидесяти сантиметров. Лишь в двух местах – в середине и в конце – он расширялся и давал человеку возможность сесть, а если надо, то и встать во весь рост. Отсюда в разные стороны шли три лаза.

Вчера ночью здесь пришлось много поработать. Тризна и Швидков тщательно расчистили тоннель в том месте, где он проходил через прочный каменный фундамент дома Юргенса. Проход надо было прорыть бесшумно, чтобы звуки не дошли до жильцов дома, и друзья, сбивая руки в кровь, часами выдирали скованные цементом куски бутового камня, прежде чем добрались до небольшого подполья дома.

...Тризна и Швидков проползли в самый конец тоннеля, где он, расширяясь, увеличивался, и замерли. Над головой были слышны шаги, отдельные слова и шум передвигаемого стула.

На лице у Швидкова появилась улыбка: слышимость хорошая, работу можно считать законченной.

Прождав несколько минут, они повернули обратно и снова ползком проделали весь путь, приведший их в подвал пекарни.

Подкоп был готов. Задание подпольной организации – выполнено.

## 8

Юргенс сидел в своем кабинете, просматривая газеты и делая пометки на листе бумаги. Изредка он поглядывал на часы, проявляя видимое нетерпение. Юргенс ждал свояка – подполковника Ашингера. Ашингер завтра уезжал на фронт и перед отъездом хотел переговорить с ним. Время обусловленной встречи истекло, а подполковник опаздывал. Это раздражало пунктуального Юргенса.

Наконец в передней раздался мелодичный звонок, и вошел Ашингер. Он молча пожал руку Юргенсу и опустился в кресло.

– У тебя много работы? – спросил Ашингер, поглядывая на пачку газет, лежащую посреди стола.

Юргенс оторвался от чтения и бросил карандаш.

– Нет, сегодня немного. Между прочим, в английском еженедельнике есть занимательная статья: «Германия в 1950 году». Какой-то Стронг высказывает любопытную мысль о необходимости сохранения Германии для создания равновесия между Востоком и Западом.

Ашингер поднял брови:

– Барьер? Не ново и не завидно. Наши цели...

Юргенс иронически улыбнулся:

– Наши цели – это не цели сорок первого года...

Ашингер поднялся с кресла и заходил по комнате. Наконец-то он услышал из уст Юргенса откровенные мысли! Каждому немцу, пожалуй, уже ясно, что большая игра проиграна. Все трещит по швам, и прежде всего терпит бедствие идеально слаженная и испытанная на западе Европы военная машина, созданная фюрером.

Юргенс не только коллега Ашингера, он его близкий родственник. Их жены – родные сестры. Значит, у Юргенса и Ашингера одна судьба. Ашингер не может сбросить со счетов такой важный фактор, как наследство, которого они ждут с нетерпением от своего тестя. Разве это не сближает их, не объединяет интересов, не заставляет сообща думать о своем завтра перед лицом грозящей катастрофы?

Юргенс предложил поужинать. Гость согласился, и они направились в смежную с кабинетом комнату и уселись за круглый стол, покрытый белой скатертью.

Вино выпили молча. Юргенс, занятый едой, не был расположен к беседе. Ашингер начал искать удобный предлог для задуманного разговора.

– Что ты собираешься делать с двумя русскими, которых я как-то застал у тебя? – поинтересовался Ашингер.

– Пригодятся для будущего – для новой, послевоенной обстановки.

– Кому?

– Конечно, не большевикам.

– Ты оптимист, Карл.

– Разве это плохо?

– Возможно, что и не плохо, – ответил Ашингер, – но в такое время, когда на фронте поражение следует за поражением, не все выглядит так весело, как хочется и кажется.

Он поднес к глазам бокал и поглядел сквозь вино на свет. Потом, после паузы, спросил, как давно Юргенс имел письмо от жены. Последнее письмо от Гертруды Юргенс получил с полмесяца назад.

– Как она?

– Хвалиться нечем.

– Надо действовать, Карл.

– Именно?

– Необходимо выехать из Германии – ради Гертруды, ради Розы. Сейчас выезд не составит особых затруднений, но может настать время, когда он будет исключен. Ты спросишь: куда? И на это можно ответить. Пока еще есть выбор: Испания, Португалия, на худой конец – Южная Америка. Там можно устроить жизнь.

Юргенс откинулся на спинку стула и громко расхохотался.

Этот смех обидел Ашингера. Почему смеется Юргенс, когда смешного ничего нет? Юргенс не хуже его знает Робертса, знает отлично, что «абвер» людьми не бросается и что уйти от доктора Грефе не легче, чем от полковника Шурмана, и все-таки Робертс ушел. Он сидит себе спокойно в Барселоне и ест апельсины. Чем же Юргенс и Ашингер хуже Робертса?

– Надо иметь деньги, чтобы поселиться за пределами Германии, – произнес Юргенс, – а где они у нас?

Теперь рассмеялся Ашингер. С несвойственной ему быстротой он встал и подошел к Юргенсу:

– Деньги? Они будут. Надо только потрясти тестя. Мы никогда его не трогали. Пока тесть еще не выжил окончательно из ума, он должен понять, что лучше, если его денежки попадут зятям, его единственным законным наследникам, нежели большевикам...

После третьего бокала Ашингер раскис. Редкие волосы на его голове сбились в одну сторону. Пенсне он снял и положил на тарелку. Без пенсне его глаза сильно косили.

Ашингер разболтался. Он выкладывал сейчас все, что уже с давних пор вынашивал в себе, не решаясь никому рассказать. Он не скрывал своих опасений относительно завтрашнего дня и считал, что пора произвести переоценку ценностей.

...В эту ночь Юргенс ворочался с боку на бок, подолгу, не мигая, смотрел на синюю ночную лампу, стараясь утомить глаза, плотно сжимал веки, но сон не приходил. Мысли одна назойливее другой лезли в голову и не давали покоя.

Юргенс принадлежал к категории тех людей, которые не разбираются в средствах ради достижения своих целей. Так, в девятьсот четырнадцатом году, во время Первой мировой войны, он спас себе жизнь тем, что при удобном случае сдался в плен русским. Возвратившись из плена, он, по примеру большинства кадровых офицеров, записался в полулегальную

военную организацию «черный рейхсвер», объединявшую реакционные силы прусской армии, мечтавшей о реванше за поражение в проигранной войне. Но пребывание в рейхсвере не могло обеспечить растущие потребности Юргенса. Тогда еще он не имел богатого тестя, а старик-отец, отставной военный, сам жил на пенсию. Юргенс вскоре устроился на службу в американскую комиссию, возглавляемую неким Гольдвассером, приехавшим из США для оказания экономической помощи Германии по плану Дауэса.

Но и эта служба не могла серьезно изменить материальное положение Юргенса. Гольдвассер знал это. Как-то в беседе американец намекнул Юргенсу, что может одолжить приличную сумму, которая позволит его подчиненному стать на ноги. От Юргенса потребуется только оказание небольших услуг Гольдвассеру.

После некоторого раздумья Юргенс согласился. Что он терял, приобретая американских друзей? Деньги – всегда деньги. К тому же Юргенс намеревался устроить свою семейную жизнь – надо было жениться, а без денег разве подберешь себе невесту с солидным приданым, из хорошего дома?

За первым вознаграждением Гольдвассера последовали другие. Так Юргенс стал сотрудничать с секретной службой США. Ни приход Гитлера к власти, ни другие события в жизни Германии не помешали Юргенсу превосходно чувствовать себя «службой двух господ». Только новая мировая война и стремительный «марш на Восток» на некоторое время оборвали его связи с американцами. Как «преданному» члену нацистской партии и кадровому офицеру Юргенсу посчастливилось попасть в состав армейской военной разведки «абвер». Эта служба вполне устраивала: здесь Юргенса ценили и поручали весьма деликатные операции.

Сейчас он думал о другом: над тем, как удалить с пути Ашингера, такого же, как и он, претендента на наследство тестя. Мысль эту заронил в его сознание сам Ашингер сегодняшним разговором.

Часы пробили три удара.

Юргенс поднялся с кровати, налил полный бокал вина и поднес его ко рту. На губах заиграла улыбка. Он вспомнил встревоженное лицо Ашингера и его слова: «Надо действовать, Карл!» Идиот! Он думает, что Юргенс будет с ним заодно. Как бы не так! Юргенс не имеет желания беспокоиться о ком-то другом. На земле слишком мало места, и плохо, когда все тянется к одному лакомому куску.

Юргенс крупными глотками выпил вино, снова лег в постель и, натянув на себя одеяло по самую шею, закрыл глаза.

## 9

Перед рассветом в окно к Денису Макаровичу кто-то постучал – постучал тихо, одним пальцем. Изволин проснулся и, не двигаясь, стал прислушиваться. Через несколько секунд стук повторился. Денис Макарович осторожно поднялся с постели и на цыпочках подошел к окну. Оно, по обыкновению, было завешено одеялом. Отодвинув край одеяла, Изволин всмотрелся в темноту. У окна кто-то стоял. Денис Макарович разобрал очертания шапки.

– Кто? – приглушенно спросил Изволин.

Человек за окном приложил лицо к стеклу и ответил:

– Свой...

Голос показался Изволину знакомым.

– Кто свой-то? – переспросил Изволин.

– Впустите – узнаете.

Денис Макарович медленно опустил одеяло, зажег коптилку и пошел к двери. Волнение усиливалось с каждым шагом. «Кто? Зачем?» – беспокоила тревожная мысль. На секунду Изволин задержался у порога, потом решительно откинул крючок и раскрыл дверь.

С улицы пахло холодом. Изволин машинально застегнул ворот рубахи и выглянул наружу. Из темноты выплыла неясная фигура. Человек приблизился к двери. Денис Макарович ясно разглядел его. Он был одет в немецкую шинель с нарукавником полицейского, на голове – шапка-ушанка. «Что за черт! – подумал Изволин. – Что надо полицаю?»

– Не узнаете, Денис Макарович? – устало проговорил незнакомец, поднимаясь на крыльцо.

– Нет, – ответил Изволин.

– А я вас сразу признал по голосу.

Изволин промолчал. Он безуспешно пытался вспомнить, где мог встречаться с этим человеком.

– Пройдите, – сухо сказал Денис Макарович и прислонился к косяку двери, пропуская гостя в комнату.

Когда дверь захлопнулась, незнакомец вздохнул и попросил воды. Изволин вернулся в переднюю и принес ковш с водой. Гость жадно припал к нему и, не отрываясь, осушил.

– Ну вот, теперь можно и разговаривать...

Денис Макарович принял пустой ковш и остановился у стола.

– Я пришел с вопросом... Один человек интересуется: когда будут вареники с вишнями?..

– Когда привезешь Иннокентия, – медленно, стараясь подавить волнение, ответил Изволин, подошел к гостю и крепко пожал ему руку: – От самого?

– От самого... Сашутку помните, шофера, вместе с Иннокентием тогда приезжал? Ну, это я и есть... – гость погладил рукой обросшее лицо. – Дело есть, – добавил он тихо, – серьезное дело.

Денис Макарович пододвинул стул, сел рядом с Сашуткой и наклонил голову:

– Можешь говорить, чужих – никого.

Гость не торопясь стал объяснять причину своего появления в городе. Он говорил полупшепотом. Изволин слушал внимательно, и чем больше подробностей узнавал он от Сашутки, тем серьезнее становилось его лицо.

– Меня уж, видно, Иннокентий Степанович в расход списал. Скоро полтора месяца будет, как я с ним распрощался. Рассчитывал дней за десять обкрутиться, да не вышло, – проговорил Сашутка.

Вести он принес невеселые: из рук партизан вырвался предатель Зюкин, и его появление в городе грозило провалом Ожогина и Грязнова. Сашутка должен был явиться значительно раньше, но неожиданные обстоятельства заставили его изменить маршрут.

– Не бывать бы счастью, да несчастье помогло! – и Сашутка с горечью усмехнулся: – На полпути в болото влез. Сам-то кое-как выбрался, а мешочек с харчишками похоронил. Пришлось крюку дать и зайти в деревню Сосновку, там ведь наш связной Пантелеич в старостах ходит. И хорошо, что зашел, – Зюкин тоже в Сосновке оказался. Не добрался до города: сыпняк свалил его. В общем, зверь и охотник в одном месте собрались. Я пораскинул мозгами, посоветовался с Пантелеичем и решил не торопиться: ведь все дело в Зюкине, а он у меня перед глазами. Прикидывал там с ним рассчитаться, но не вышло: в Сосновке никого из наших, кроме Пантелеича, нет, а Зюкин хитер и осторожен. Видно, боится второй раз в наши руки попасть – знает, что уже не вырвется. Живет в хате старшего полицая и без него никуда носа не кажет. После болезни только два раза выходил на прогулку.

– Значит, ты в лицо этого Зюкина хорошо знаешь?

– Конечно.

– Почему же ты покинул Сосновку и не дождался ухода из нее Зюкина?

Сашутка объяснил. Он и Пантелеич пришли к выводу, что дольше ждать ухода Зюкина нет смысла: во-первых, неизвестно, когда он оставит Сосновку; во-вторых, долгое пребывание

в ней Сашутка может навлечь подозрения на него и Пантелеича. Договорились, что как только Зюкин направится в город, Пантелеич постарается опередить предателя, попасть к Изволину и предупредить Сашутку...

На дворе уже рассвело. Из-под одеяла, висевшего на окне, узкими полосками просачивался бледный утренний свет. Денис Макарович снял маскировку, погасил коптилку. Занялось утро, хмурое, туманное.

...Рано утром к дому, где жили Ожогин и Грязнов, подошел нищий подросток в истрепанной одежде, с брезентовой сумкой через плечо и настойчиво постучал тоненькой хворостинкой в окно.

Подойдя к окну, Грязнов узнал Игорька.

– Никита Родионович, – тихо позвал он Ожогина, – Игорек пришел.

С Изволиным была договоренность, что если ему срочно понадобится Ожогин, он пришлет Игорька, который, чтобы не навлечь на себя подозрения, будет одет в нищенское платье.

– Вынеси ему кусок хлеба и скажи, что через полчаса я приду, – попросил Никита Родионович Андрея.

Отпустив Игорька, Грязнов вошел в комнату. Никита Родионович стоял над чемоданом, держа в руках носовой платок со следами сажи.

– Андрей!

– Что?

– Иди посмотри...

Сажа была рассыпана по белью. Не было сомнений в том, что осмотром чемоданов на сей раз занималась возвратившаяся из деревни хозяйка.

...Сашутка спал так сладко, что ни Изволин, ни Ожогин не решились его тревожить.

Никита Родионович долго стоял над спящим и вспоминал партизанский лагерь и боевых друзей. Как они живут? Какие провели операции? Где стоят? Побывать бы у них, наговориться вдоволь с Кривовязом, побродить по лесу, посидеть у костра... Лес... Еще живы в памяти все события, еще не забыто ни одно лицо. Каким близким и родным кажется спящий Сашутка! А время бежит. Изменился и Сашутка. На его добром, лукавом лице залегли морщинки.

Вести, которые принес Сашутка, вызывали тревогу. Как можно было упустить предателя? Кто повинен в преступной халатности?

Тут же подкрадывалось и другое чувство – тревога. Как предотвратить угрозу? Сумеет ли Пантелеич опередить предателя? Сумеют ли они вовремя убрать Зюкина с дороги? Сашутку отпускать нельзя: он может пригодиться. Он третий человек, кроме Ожогина и Андрея, который знает предателя в лицо.

Никита Родионович и Изволин составили план действий и решили установить слежку за домом Юргенса.

## 10

Морозное утро висело над городом. Снег не падал, но в воздухе блестели, переливаясь в лучах негреющего солнца, мириады серебристых звездочек.

Ожогин шел по усыпанному снегом тротуару, не теряя из виду Игорька. Мальчик шагал быстро и уверенно, не оглядываясь, не останавливаясь. Он вывел Никиту Родионовича на окраину города. Здесь уже не было тротуаров, мостовая с протоптанными пешеходами тропинками вела на выгон. Вдали чернели контуры соснового бора. Небольшие деревянные дома с палисадниками, обнесенные заборами, стояли поодаль друг от друга.

Большинство деревьев было вырублено на топливо. Из-за заборов сиротливо выглядывал молодняк.

Игорек остановился возле небольшого, выходящего тремя окнами на улицу домика, присел на лавку у ворот и поднял края своей ушанки. Это был условный сигнал. Ожогин замедлил шаг. Игорек встал с лавки, прошел несколько домов и повернул навстречу Никите Родионовичу – он проверял, нет ли за Ожогиным «хвоста». Убедившись, что улица пуста, Игорек юркнул во двор. Его примеру последовал Никита Родионович.

Во дворе их встретил звонким лаем небольшой лохматый пес. Он рвался с привязи и бросался к калитке.

На лай из дома вышел высокий, худой мужчина. Судя по описанию Изволина, это был Игнат Нестерович Тризна. Он был в поношенном шерстяном свитере и спортивных брюках, заправленных в сапоги. Большие глаза его горели каким-то внутренним жаром.

– Верный! На место! – крикнул Тризна и, схватившись рукой за грудь, закашлялся. (Пес послушно завилал кудлатым хвостом и полез в деревянную будку.) – Проходите в дом, а то он не успокоится.

Дом состоял из двух комнат и передней. Внутри было чисто, уютно.

Тризна усадил гостей в первой комнате и заговорил. У него был приятный, грудной голос.

– Товарищ Ожогин?

– Да.

– Говорил мне о вас Денис Макарович... – Тризна посмотрел на Ожогина долгим, внимательным взглядом. – Обещали передатчик наладить?

– Попытаюсь.

– Что ж, раз знание в этом деле есть, наладите. Мы с пекарней тоже попытались – и получилось...

Игнат Нестерович рассказал, что пекарня уже начала работать и выпекает раз в сутки хлеб по нарядам городской управы. Тризна в ней на правах главного пекаря и заведующего. Помогают ему два человека.

– Подкоп под одной комнатой? – поинтересовался Никита Родионович.

– Под тремя. Я там везде норы сделал. И слышно все слово в слово. Правда, пол старый, скрипит сильно, когда ходят.

Снова начался приступ мучительного кашля. Лицо Игната Нестеровича исказилось, потемнело. Он придержал рукой грудь, как бы пытаясь облегчить боль.

«Таёт парень на глазах», – говорил о Тризне Денис Макарович. Сейчас, наблюдая за Тризной, Ожогин понял страшный смысл этих слов.

Наконец кашель стих. Тризна тяжело вздохнул и покачал головой.

– Вы слышали что-нибудь о гестаповце Родэ? – неожиданно спросил он Ожогина.

– Да, кое-что слышал.

– Родэ – бешеная собака, – мрачно продолжал Тризна. – Никто из подпольщиков не вышел живым из его рук. На допросах он жестоко истязает свои жертвы, глумится над ними. Он задушил собственными руками дочь патриота-коммуниста Клокова, отказавшуюся открыть местонахождение отца. От его рук погибли верные сыны Родины: Ребров, Мамулов, Клецко, Захарьян. Кто попадал к Родэ, тот уже не выходил на свободу. Подполье решило с ним покончить и нуждается в вашей помощи.

– Какую же помощь могу вам оказать я? – удивленно спросил Никита Родионович.

– Мне известно, что вы познакомились с Тряскиной, а она работает у Родэ переводчицей.

Игнат Нестерович посмотрел на сидящего тут же Игорька.

– Пойди-ка, хлопчик, к тете Жене и Вовке. Они там скучают без тебя, – попросил он мальчика.

Тот положил книжку на подоконник и направился во вторую комнату.

Игнат Нестерович прикрыл за Игорьком дверь и, откашлявшись в кулак, вновь сел против Никиты Родионовича.

– Надо использовать ваше знакомство, – продолжил он свою мысль.

– Каким образом?

– Тряскина ненавидит Родэ: он издевается над ней, всячески ее унижает, – Тризна встал и прошелся по комнате. – Вам, товарищ Ожогин, надо через Тряскину разузнать, какие дома в городе посещает Родэ, где он ночует, узнать расположение комнат в его квартире... Это просьба подполья.

Никита Родионович в знак согласия кивнул головой.

– Ну вот и договорились... Теперь я сведу вас на радиостанцию.

Игнат Нестерович позвал из второй комнаты жену и познакомил ее с Никитой Родионовичем. У Евгении Демьяновны было бледное, болезненное лицо, продолговатые глаза, губы с поднятыми уголками, мягкий овал лица.

– Мы пойдем, Женя, – коротко сказал Игнат Нестерович, – а ты с ребятами посмотри за улицей.

Видимо, уже не раз приходилось Евгении Демьяновне выполнять обязанности дозорного. Не задавая никаких вопросов, она кивнула головой, оделась и вместе с сыном – мальчиком лет пяти – и Игорьком вышла из дома.

– Мучается со мной, бедняга! – с глубокой грустью сказал Тризна, глядя вслед ушедшей жене, и начал свертывать цыгарку из махорки.

– Зачем вы курите?

– Какая разница! – Игнат Нестерович безнадежно махнул рукой.

В комнату вернулся Игорек и сообщил, что на улице никого не видно.

Игнат Нестерович повел Ожогина во двор, огороженный с одной стороны кирпичной, а с другой – деревянной стеной. В глубине двора стоял большой, позеленевший от времени и покрывшийся мхом рубленый сарай с лестницей, ведущей на сеновал.

Тризна подошел к собачьей будке. Увидев постороннего, пес зло зарычал.

– Свой, Верный, свой, – успокоил пса Игнат Нестерович и отодвинул в сторону будку.

Под ней оказалось деревянное творило, замаскированное сеном.

– Когда-то погреб был, а теперь мы его для других целей приспособили, – пояснил Игнат Нестерович и поднял творило. – Лезьте, а я подержу.

Деревянная лесенка в восемь-десять ступенек круто повела вниз. Ожогин сделал несколько шагов и остановился перед деревянной стеной. Оказалось, что это дверь, ведущая непосредственно в погреб.

Игнат Нестерович открыл ее, и Ожогин увидел освещенного двумя коптилками человека. Он сидел в углу погреба за небольшим столом и слушал радио.

– Знакомьтесь: Леонид Изволин.

Бросив взгляд на вошедших, молодой человек поправил наушники, продолжая что-то записывать на листке бумаги.

– Сейчас новости узнаем, – сказал Тризна и пододвинул Никите Родионовичу пустой ящик.

Ожогин сел, осмотрелся. В погребе было тепло. Позади стола, вплотную к задней стене, стоял широкий дощатый топчан с матрацем и подушкой. Топчан был велик, и Никита Родионович подумал, что склотили его, видимо, здесь – пронести топчан через творило было невозможно. В стенах виднелись глубокие квадратные ниши, а в них – прессованный тол, аммонит, капсулы, детонаторы, мотки запального шнура, ручные гранаты, зажигательные шарики. На деревянном кольшке, вбитом в стену, висели два дробовых ружья, русская полуавтоматическая винтовка и немецкий автомат.

– Наша святая святых, – сказал Игнат Нестерович и сдержал просившийся наружу кашель.

– А не опасно? – спросил Ожогин, кивнув в сторону ниш.

Игнат Нестерович пожал плечами. Конечно, опасно, соседство не особенно приятное, но ничего другого не придумаешь, приходится мириться.

Леонид Изволин сбросил наушники и, подойдя к Никите Родионовичу, протянул руку:

– Здравствуйте! Давно вас поджидаю.

Леонид, как и отец, был, видимо, спокоен по характеру, нетороплив в движениях и чуточку близорук. Леонид попросил Ожогина посмотреть рацию. Сколько времени он бьется над ней, а ничего не получается.

Марка рации была знакома Никите Родионовичу. Он вынул лампы, детали, разложил их на столе и принялся осматривать аппаратуру.

– Вы тут безвыходно? – спросил Ожогин.

Леонид развел руками:

– Что ж поделаешь! Я в городе вырос, появляться на улицах опасно – сразу опознают...

Ты говорил с товарищем Ожогиным насчет Родэ? – неожиданно обратился он к Тризне.

Тот коротко кивнул головой.

– Ну и как?

– Как будто договорились. Попробуем, – ответил за Тризну Никита Родионович.

– Это задание руководства подполья, – уточнил Леонид.

– Я уже говорил, – вставил Тризна. – Он согласен.

Копаясь в рации, Никита Родионович думал о том, что нужно благодарить случай, приведший его сюда. Если бы передатчик был исправен и рация работала, то Ожогину вряд ли довелось бы сейчас сидеть в компании смелых патриотов Изволина и Тризны.

Повреждение было невелико, и через час связь с Большой землей была налажена. На лице Леонида появилась широкая улыбка. Энергично потирая руки, он произнес:

– Замечательно! Как вас благодарить, Никита Родионович!

– Вы не должны огорчаться, что передатчик не работал до сих пор, – проговорил Ожогин и тут же пояснил: – Вас запеленговали бы после второго же сеанса передачи: приборы показали бы точно местонахождение рации. В условиях городского подполья работать со стационарной радиоустановкой и не быть выловленным – почти невозможно. Надо или проводить каждый сеанс с нового места, или изобрести что-нибудь другое.

– Я все это знаю, меня обучали. Изобрести что-либо другое трудно, но я постараюсь соблюдать осторожность: передачу буду вести не более одного раза в две недели, и она будет занимать самое минимальное время – минуту-полторы.

Ночью, когда занятия Ожогина и Грязнова у Кибица подходили к концу, неожиданно явился служитель Юргенса.

– Господин Ожогин, прошу за мной, – сказал он сухо.

Никита Родионович вздрогнул. Вызов с занятий был делом необычным. Друзья переглянулись: после прихода Сашутки они жили в постоянной тревоге.

Кибиц, отрицательно относившийся к срыву занятий, на этот раз не проронил ни слова и как-то странно хихикнул.

Никита Родионович начал не спеша надевать пальто. Андрей стоял рядом и смотрел другу в лицо, ища ответа на тот же вопрос.

«Неужели они пропустили Зюкина и он уже виделся с Юргенсом?» – думал Никита Родионович, шагая по двору. Меры предосторожности, принятые группой Изволина, еще не снимали угрозы появления предателя Зюкина в доме Юргенса: ведь Зюкин мог связаться с Юргенсом через другое лицо или по телефону. И если это так, провал неизбежен. Надо принимать

меры. Бежать сейчас, пока он еще не вошел в дом Юргенса! Пропуск в кармане, и пока хватятся – можно надежно укрыться. Никита Родионович окинул взглядом шедшего рядом служителя. Сбить с ног, пожалуй, не удастся – он слишком крупный. Единственный способ – остановиться, закурить, отстать на несколько шагов, а потом махнуть через забор на улицу. Но что будет с Андреем? Он в руках Кибица – а оттуда не уйдешь. Спасти самому и погубить товарища?..

Поднялись на крыльцо. Служитель открыл дверь.

В приемной, как обычно, господствовала тишина. Сразу же прошли в кабинет майора. В кабинете за своим письменным столом сидел Юргенс, а за приставным столиком – незнакомый человек в штатском.

Лицо у незнакомца было рыхлое, белое, с двойным подбородком.

– Садитесь, – сказал по-немецки незнакомец, не сводя глаз с Ожогина.

Ожогин опустил в кресло.

– Когда в последний раз вы видели своего брата?

Никита Родионович посмотрел на Юргенса, как бы спрашивая, отвечать ли на вопрос.

Юргенс догадался о причине беспокойства Ожогина и объяснил:

– Полковник Марквардт.

Ожогин встал, загремев креслом.

Марквардт жестом вновь пригласил его сесть, достал из бокового кармана авторучку и начал что-то чертить на лежавшем перед ним листочке бумаги.

Ожогин сказал, что в последний раз он видел брата Константина в сороковом году.

– Где?

– В Минске.

– Зачем он попал в Минск?

– Приехал повидаться со мной перед отъездом в Ташкент.

– Его назначили в Среднюю Азию?

– Нет, он поехал туда по собственному желанию.

– А разве в центре он не мог устроиться?

– С пятном в биографии – арест отца – это не так просто.

– Профессия брата?

– Инженер-геолог.

– Где он сейчас?

Ожогин пожал плечами:

– Скорее всего, там же, в Средней Азии.

– А не на фронте?

– Нет. Он инвалид и от военной службы освобожден.

– А точное его местожительство?

Ожогин ответил, что, судя по письму, которое он получил перед самой войной, Константин имел намерение обосноваться в Ташкенте. Удалось ему это или нет – неизвестно.

– Он писал из Ташкента?

– Да, из Ташкента.

– Обратный адрес указывал?

– Главный почтамт, до востребования, если это можно считать адресом.

Беседа с самого начала приняла форму допроса. Марквардт быстро ставил вопросы и изредка поднимал голову, бросая на Ожогина короткие взгляды. Юргенс в разговор не вмешивался. Он казался безучастным ко всему, что происходило, – сейчас не он был здесь старшим.

– Если вы попросите брата оказать помощь вашему хорошему другу, он это сделает? – спросил Марквардт.

– Полагаю, что сделает.

– Даже если он и не знает этого человека?

– Даже и в этом случае.

Полковник протянул руку через стол. Юргенс подал ему фотографию, Марквардт на несколько секунд задержал на ней свой взгляд, затем положил на стол перед Ожоговым. Это была фотография Никиты Родионовича.

– Пишите, я буду диктовать, – он подал Ожогову свою авторучку. – «Дорогой Костя! Посылаю свою копию с моим лучшим другом. Помогите ему во всем. Ему я обязан жизнью». – Марквардт навалился грудью на стол, всматриваясь в то, что писал Никита Родионович, потом добавил: – «Как я живу, он расскажет подробно»... Поставьте свою подпись...

Лишь только Ожогин покинул кабинет, служитель пропустил туда рослого, широкоплечего мужчину.

Остановившись посреди кабинета, вошедший вытянул руки по швам и представился:

– Ибрагимов Ульмас – Саткынбай.

Марквардт молча показал на кресло. Вошедший сел. Это был уже немолодой, лет за сорок, но без единой седины в блестящих черных волосах, человек. Уставившись неподвижным взором в пол, он ожидал начала разговора.

– Когда вы покинули родину?

– В двадцать четвертом году.

Юргенс пояснил:

– Его отец был ханским советником, а затем басмаческим курбаши и погиб от рук красных.

– Кур-ба-ши... кур-ба-ши... – поглядывая на потолок, произнес полковник. – Это...

– Командир самостоятельного басмаческого отряда, – подсказал Юргенс.

– Сколько вам было лет, когда вы покинули родину? – спросил Марквардт.

Саткынбай потер рукой лоб, подумал, потом сказал:

– Должно быть, двадцать.

– Сейчас вам тридцать девять?

Саткынбай утвердительно кивнул.

– Готовы вернуться на родину?

– Готов, – Саткынбай ответил без особого энтузиазма, и это заметил наблюдавший за ним Марквардт.

– Где жили всё это время?

Саткынбай не торопясь рассказал, что с тридцать четвертого года он живет в Германии, до этого три года был в Турции, откуда его вывез немецкий капитан Циглер, а в Турцию попал из Ирана. В Турции остался его старший брат – сотрудник эмигрантской газеты.

Опять заговорил Марквардт. Он предупредил Саткынбая, что ехать придется надолго и осесть прочно. То, что предстоит сделать, требует не одного года. Надо освоиться с новой обстановкой, восстановить старые связи, обзавестись новыми. Подробно с ним будет говорить господин Юргенс, а он хочет обратить внимание на главное. Главная задача Саткынбая – подыскать надежных людей, способных выполнить любое задание.

– Друзья у вас в Узбекистане есть? – спросил Марквардт.

– Есть, – ответил за Саткынбая Юргенс. – В конце ноября были выброшены два человека.

– Хорошо. Дадим еще связь, которую надо использовать. На вашей родине живет русский инженер Ожогин, брат которого служит Германии, как и вы. Надо найти его и передать эту фотокарточку...

– Ожогин и Грязнов вами проверены? – обратился Марквардт к Юргенсу, когда Саткынбай вышел.

Юргенс потер пальцем переносицу.

– Особой проверки, по-моему, не требуется – ведь они явились с собственноручным письмом Брехера. Не верить Брехеру я не имею оснований...

– Это еще ничего не значит, – прервал его Марквардт.

– Я понимаю, – склонил голову Юргенс, – а поэтому подчеркиваю, что особой проверки не требуется. Но то, что элементарно необходимо, я предпринял. Слежка показала, что они поддерживают связь с лицами, не внушающими подозрений. И слежку я снял. Просмотром их вещей и карманов регулярно занимается квартирная хозяйка. Попытка вмешаться в это дело Гунке, но осрамился.

– Как это понимать?

Юргенс рассказал историю с горбуном.

Марквардт рассмеялся.

– Все же не будет лишним еще что-либо предпринять, – посоветовал он. – Сложного ничего не затевайте, а так, легонькую провокацию, что-нибудь вроде письмеца от патриотов города. Интересно, как они поступят...

– Хорошо, – согласился Юргенс....

В половине второго был подан лимузин для полковника.

Проводив шефа до машины, Юргенс вернулся в кабинет. Верный своему постоянному правилу, он перед сном позвонил коменданту города и осведомился, не произошло ли чего-либо чрезвычайного. С такой же целью последовал звонок начальнику гарнизона. Затем Юргенс проверил замки ящиков и сейфа. Когда рука его уже потянулась к выключателю, чтобы погасить настольную лампу, он заметил исписанный Марквардтом листок бумаги. На нем красовались скрипичный ключ, маленькая церквушка с колокольнями, парусная лодка, названия различных городов, женская головка... Юргенс улыбнулся и, намереваясь бросить листок в корзину, взял его в руки. На уголке листка рядом с вопросительным знаком стояло дробное число «209/902». Юргенс вздрогнул. Что это такое? Нелепое совпадение цифр или умысел? Неужели полковник знает?.. Кто мог рассказать ему эту тайну, и тем более сейчас, во время войны? Чем это все может закончиться для него, Юргенса?

Под номером 209/902 он был записан как тайный сотрудник американской разведывательной службы. Никто, кроме Гольдвассера, не знал его номера.

Юргенс нервно зашагал по комнате. Возникали бесчисленные догадки, однако ни одна из них не давала убедительного ответа на вопрос. Он открыл стенной шкаф, налил бокал вина и залпом выпил.

Потом вернулся к столу, взял листок, намереваясь уничтожить его, но задумался и, аккуратно сложив, спрятал во внутренний карман...

Примерно в это же время из пекарни вышел Грязнов, пробравшийся в подполье тотчас после окончания занятий у Кибица. Он постарался запомнить из услышанного главное: на родину пробирается враг и имя его Ибрагимов Ульмас – Саткынбай.

Спустя несколько дней, утром, на условном месте в городе, где посменно, круглые сутки несли дежурство патриоты, Сашутка увидел жену Пантелеича. Она приближалась верхом на мохнатой низкорослой лошаденке. Оказалось, что Зюкин с рассветом покинул Сосновку. Предатель, как Сашутка и предполагал, один не решился проделать путь от деревни до города, а взял в провожатые старшего полицая и старосту Пантелеича. Они втроем выехали на санях. Пантелеич проинструктировал жену и наказал ей кратчайшим путем мчаться в город.

Сашутка поблагодарил женщину и бросился к Изволину. Как быть? Встречать предателя в пути рискованно. Днем на этой дороге оживленное движение, да и присутствие такого провожатого, как старший полицай, осложняет дело. Решили усилить наблюдение за домом Юргенса. Сашутка, совершенно не спавший в прошедшую ночь, вынужден был весь этот день провести на ногах. Но предатель не показывался. К вечеру Сашутка, промерзший и проголо-

давшийся, решил спуститься в пекарню, обогреться и пообедать. За себя он оставил на дежурстве Игорька.

...Солнце медленно опускалось за крыши домов, холодные лучи его косо падали на макушки обледенелых деревьев, на трубы домов. Улица погружалась в полумрак. Мороз все крепчал.

Игорек с тревогой поглядывал на дверь дома Юргенса – его пугала близость темноты. Мальчик все чаще тер руки и дул на них, но это мало помогало. Пришлось пустить в ход снег. Жесткий, колючий, он вызывал боль в пальцах, но зато руки разогрелись.

На правой ноге у Игорька был конек «снегурочка», и мальчик принялся с азартом кататься по утоптанному пешеходами тротуару Садовой улицы. Маршрут у Игорька был невелик – от угла до пекарни и обратно. Отталкиваясь левой ногой, он ловко скользил по снегу.

Улица пустела. Шедшая мимо пожилая женщина с ведрами посмотрела на Игорька и покачала головой:

– Шел бы домой, обмерзнешь ведь...

Игорек приуныл и, прислонившись к холодному стволу дерева, стал прислушиваться. Улица замерла в тревожной тишине.

Руки стали коченеть. Уже не хотелось их тереть обжигающим до боли снегом... «Где же застрял Сашутка?» – с тоской подумал мальчик и огляделся.

Прямо на него шел, не торопясь и вглядываясь в номера домов, человек. Одет он был в потрепанный полушубок и валенки с короткими голенищами. Около домов, номера которых разглядеть в темноте было трудно, он мигал карманным фонариком.

«Вдруг это тот?!»

Незнакомец перешел на противоположную сторону улицы, где стоял дом Юргенса, и направился к нему.

«Медлить нельзя, – решил Игорек, – так можно и прозевать». Игорек докатил до пекарни и юркнул во двор. Сашутка, привалившись к столу, спал с зажатым куском хлеба в руке.

– Саша, а Саша! Скорее – там ходит какой-то...

Сон отлетел мгновенно. Сашутка вскочил, оправил шинель, нарукавник и уже на ходу бросил товарищам:

– На всякий случай веревку приготовьте...

Когда Сашутка показался во дворе пекарни, незнакомец уже стоял недалеко от дома Юргенса. В его позе чувствовалась нерешительность. Он один раз уже прошел мимо особняка, присматриваясь к нему.

Сашутка медленно направился к незнакомцу и, не доходя метров десяти, узнал Зюкина. Сердце начало отчаянно прыгать. Стоит предателю сделать несколько шагов, поднять руку к кнопке звонка – и совершится страшное, непоправимое. Но Сашутка этого не допустит! Не напрасно он почти на два месяца потерял покой, не напрасно тонул в болоте, бродил по лесу, голодал, не напрасно его боевые друзья подпольщики ни днем, ни ночью не смыкали глаз, наблюдая за особняком Юргенса. Справедливость восторжествует, и предатель получит по заслугам.

Зюкин, увидевший перед собой человека в полицейской форме, принял его за часового, охраняющего дом.

«Часовой» деликатно поднес руку к головному убору.

– Вы что здесь прохаживаетесь? – спросил он.

– Я... я... мне надо... – забормотал Зюкин.

– Вам надо к господину Юргенсу?

– Совершенно верно! – обрадовался предатель.

– Отойдите в сторонку. Здесь стоять не разрешается.

И, взяв под руку Зюкина, Сашутка отвел его от окон дома Юргенса.

– Какое время вам назначили?

– Мне назначили на полночь, но я хотел бы попасть сейчас. У меня дело очень важное. Для степенности Сашутка выдержал небольшую паузу.

– Важное? Ну что ж, попробую устроить вам свидание. Идите за мной.

– Буду вам несказанно благодарен, – сказал Зюкин и последовал за полицейским.

Они пересекли улицу и вошли в пекарню.

Оказавшись в пекарне, предатель почувствовал инстинктивно что-то недоброе и, остановившись на мгновение, оглянулся назад, но было уже поздно.

Перед рассветом Сашутка покинул город и отправился в лес, в партизанскую бригаду.

## 11

О решении подпольной организации взорвать городскую электростанцию Ожогину сообщил Денис Макарович Изволин. При отступлении советских войск оборудование станции было выведено из строя, но взорвать ее не успели.

Немцы только недавно восстановили станцию. Она снабжала энергией завод по ремонту танков, созданный на базе МТС, мельницу, паровозное депо. Кроме того, свет получали аэродром, железнодорожный узел, концентрационный лагерь, комендатура и различные учреждения оккупантов, а также несколько кварталов города, заселенных преимущественно немцами и их ставленниками. Подпольной организации было известно, что перед отходом из города советских войск станция была минирована. Схему минирования знали два человека. Один погиб в первые же дни оккупации, а второй, электромонтер Повелко, долго скрывался в деревне, в двадцати километрах от города. Он должен был связаться по условному паролю с подпольщиками только в том случае, если станция вступит в строй. Когда Повелко узнал, что станция действительно заработала, он направился в город, но по дороге был схвачен гестаповцами: документы оказались не в порядке. После следствия Повелко бросили в концентрационный лагерь.

Патриоты, узнав об этом, стали думать, как связаться с пленником. Были перепробованы десятки способов, пока не натолкнулись на один, который показался наиболее верным и надежным.

В лагере существовал ассенизационный обоз, имевший ночные пропуска для беспрепятственного выезда за город.

Среди рабочих этого обоза подпольщики нашли подходящего человека – старика Заломина. После проверки его привлекли к работе.

В течение недели Заломин установил с пленником связь. С помощью старика был разработан и план освобождения Повелко из гитлеровского лагеря.

Ежедневно в помощь ассенизаторам администрация лагеря снаряжала команду заключенных, куда попадали те, кто нарушал чем-либо лагерный распорядок. Стоило не вовремя подняться при появлении коменданта в бараке, задержаться на полминуты в столовой, присесть отдохнуть без разрешения во время работы, закурить там, где не разрешалось, запеть песню – и виноватого включали в «оздоровительную» команду.

Такое название дал команде заключенный француз: «ассенизация» происходит от французского слова «оздоровление».

Чтобы иметь возможность встречаться с Заломиным, Повелко стал частенько попадать в число «оздоровителей».

Морозный декабрьский день угасал. Стущавшийся сумрак смягчал резкие тона и, разливаясь по городу, затягивал все вокруг густой вечерней синевой. Тени расплывались, теряли свои очертания.

Обоз, громыхая бочками, тянулся по заснеженной улице. Заломин сидел на передке старой одноконной телеги, упираясь ногами в оглобли, а спиной – в большую обледенелую бочку. Остальные три телеги с такими же бочками двигались следом – лошади были привязаны к задкам передних телег.

Старик не без волнения вглядывался в тусклые, неверные очертания домов.

На небе заиграла первая звездочка. Стало еще морознее. Снег под колесами скрипел звонко, резко. Лошадь трусила бодрой рысцой, и Заломину казалось, что сегодня она бежит увереннее, чем обычно.

Обогнув заброшенный кирпичный завод, Заломин поехал в сторону лагеря.

В морозном воздухе поплыли звуки лагерного колокола, отбивавшего время.

Вот и лагерь, затянутый морозной дымкой, обвитый тремя рядами колючей проволоки, через которую пропущен электрический ток. Заломин въехал на разбитую, ухабистую мостовую, загремели бочки. Часовой, еще издали услышав знакомые звуки, покинул свою будку и открыл ворота. Ассенизационный обоз был единственным видом транспорта, не подвергавшимся задержке и осмотру со стороны вымуштрованной и придиричивой охраны лагеря.

Заломин на рысях вкатил во двор и, придержав лошадь, перевел ее на шаг. Миновав бараки, сквозь оконные щели которых узенькими полосками просачивался тусклый свет, он пересек смотровую площадку, где всегда выстраивались заключенные, и направил лошадь к выгребным ямам.

Часовой у ворот, пропустив обоз во двор лагеря, нажал электрическую кнопку звонка. Сигнал был хорошо знаком заключенным.

Всех, кто был назначен в команду, быстро выгнали на смотровую площадку, и охранник повел их к месту работ.

Поставив подводы и отбросив откидные крышки бочек, Заломин стал ожидать. Через несколько минут подошли четверо рабочих. Охранник остановился на почтительном расстоянии. Большой воротник тулупа закрывал его лицо. Мороз не позволял стоять на месте, и охранник двигался взад и вперед, то приближаясь, то отдаляясь от дышащего зловонием места.

– Берись за работу, ребята! – громко сказал Заломин, увидев Повелко.

Порядок был установлен раз и навсегда: две наполненные бочки без задержки выезжали за ворота, а в это время команда принималась наполнять остальные.

Подойдя к Повелко, Заломин тихо спросил:

– Готов?

– Нормально.

– А эти трое?

– Верные.

– Тогда давай, – заторопил Заломин.

– А не задохнусь? – усмехнулся Повелко.

– Что ты! Бочка чистая... в ходу не была.

Повелко приблизился к передней телеге. Выждав момент, когда охранник начал удаляться от телеги, он быстро нырнул в отверстие бочки.

Заломин захлопнул откидную крышку и, усевшись на передок, тронул.

– Ну, я пошел, поторапливай тут! – крикнул он охраннику.

– Гут, гут, – отозвался тот и махнул рукой.

У ворот все прошло без задержки. Нахлестывая лошадь, Заломин объехал кирпичный завод, потом привстал и отбросил крышку бочки. Сердце его выстукивало частую дробь. Несмотря на мороз, старик не ощущал холода и только на полпути заметил, что держит вожжи голыми руками, а рукавицы торчат за поясом.

– Спас... спас! – шептал Заломин и нещадно подгонял лошадедку.

Увидев справа от себя развалины коммунхозовского дома, старик остановил подводку и стукнул локтем в днище бочки.

– Знакомое ли тебе место? – спросил он тихо у высунувшего голову Повелко.

– Знакомое.

– Беги прямо до беседки в саду. Там ребята ждут с одежкой и документами.

Повелко ловко соскочил с телеги и крадучись побежал к разрушенному дому. Через минуту он скрылся в развалинах.

## 12

На именины Варвары Карповны друзья попали только вечером. Их ждали с нетерпением. Это можно было заключить по тому, как засуетились хозяева и как тепло приветствовала Никиту Родионовича сама именинница.

В столовой было шумно.

Именинница представила гостей. Первым от двери сидел пожилой немец в штатском, маленький, с большим животом и индюшечьей шеей – он назвал себя Брюнингом. Рядом с ним был немец в солдатской форме, с забинтованной рукой – его именовали Паулем. Около Пауля примостилась светловолосая девица, новая подруга Варвары Карповны. С другой стороны стола расположились краснолицый кладовщик городской управы Крамсалов с женой. Хотя Крамсалов говорил мало, Ожогин заметил, что он сильно заикается.

Варвара Карповна поставила стул для Никиты Родионовича около своего и тихо заметила, что раз горбуна в числе гостей нет, то ей никто не испортит настроения.

– Почему же вы его не пригласили? – спросил Ожогин. – Он очень забавный человек.

– Родэ за какие-то грехи далеко упрятал его. Больше он, кажется, вообще не появится.

Варвара Карповна поставила перед Ожогиним стакан, наполненный вином.

– Всем, всем наливайте и поздравляйте именинницу! – зычным голосом отдала команду Матрена Силантьевна.

Тряскин принялся поспешно разливать вино по стаканам.

– Развеселите нас, Никита Родионович, – обратилась Матрена Силантьевна к Ожогину, – а то сидят все носы повесив и только про политику трезвонят.

– Мотенька, Мотенька! – молящим голосом обратился к жене изрядно выпивший Тряскин.

– Что? Ну что? – огрызнулась Матрена Силантьевна и строго взглянула на мужа.

– Господи, – залепетал Тряскин, – я хотел рассказать новость...

– Мадам Тряскин, – обратился к хозяйке на ломаном русском языке Брюнинг, – ваша супруг имеет сказать новость. Это... это гут, зер гут, мы любим сенсаций, мы просим господин Тряскин...

– П-п-правильно... п-просим, – дергая головой, с трудом произнес Крамсалов. – П-пусть...

Жена ущипнула его за руку, он скривился и смолк.

Захмелевший Тряскин вылез из-за стола и неуверенными шагами направился в другую комнату.

– Сейчас вытворит какую-нибудь глупость, – заметила Варвара Карповна. – Кушайте, не обращайтесь внимания. – И она положила Ожогину на тарелку кусок рыбы.

Брюнинг, сидевший по правую сторону от Ожогина, переводил солдату Паулю с русского на немецкий. От Брюнинга пахло нафталином, и Никита Родионович немножко отодвинул свой стул.

– Кто они? – кивая в сторону немцев, тихо спросил Варвару Карповну Ожогин.

Она шепотом рассказала: Пауль – солдат, лечится в госпитале. Брюнинг – знакомый отца. Он, кажется, экспедитор какой-то немецкой фирмы, занимающейся сбором и отправкой в Германию антикварных вещей. Тряскин упаковывает картины, посуду, мебель, различные ценности в ящики, а Брюнинг их отправляет.

– Вот! Вот! – объявил вернувшийся Тряскин, помахивая двумя листками. – Хотите знать, что пишут коммунисты?

– Черт непутевый! – не сдержалась Матрена Силантьевна.

– П-п-рок-ламации? – побледнел Крамсалов.

– Да! – твердо сказал Тряскин и сунул бумажки Грязнову. – В нашей уважаемой компании это можно прочесть... Как вы находите, господин Брюнинг?

– Пожалуйста, господин Тряскин, ми есть интерес к этим чепуха, ми вас слушайте, – прошамкал беззубым ртом Брюнинг и посмотрел на всех, ожидая одобрения.

– А ну, прочти-ка, Андрей, – попросил Денис Макарович. – Что это за ерунда?

– Где ты их взял? – поинтересовалась Варвара Карповна.

– Где? В управе. Для интересу. Их принесли туда с полсотни, – ответил Тряскин.

Андрей держал в руках листовку и обводил всех вопросительным взглядом. Казалось, он спрашивал: «Читать или не читать?»

– Давай, Андрейка! Раз просят, так читай, – сказал Денис Макарович и, перегнувшись через стол, пододвинул к Грязнову лампу.

– «Дорогие товарищи, томящиеся под игом немецких фашистов! – прочел Андрей, и голос его слегка дрогнул. – Каждый день приближает освобождение нашей Родины и победу над врагом. Инициатива на всех фронтах перешла окончательно в руки Советской Армии. Германский фашизм и его вооруженные силы стоят перед катастрофой. Близится час суровой расплаты. Не уйти поджигателям войны от неумолимого суда народов, не уйти палачам и убийцам, грабителям и насильникам от карающей руки советских людей, не уйти их пособникам и предателям Родины от заслуженной кары!

Неодолимо, сокрушая все преграды, движется Советская Армия вперед, освобождая от фашистской погани деревни, села и города, – Андрей, прервав чтение, взглядывался в истертые строки. На его бледном лице выступили пятна. – Товарищи! – Голос Андрея зазвучал сильнее. – Все, кто имеет силы, поднимайтесь на борьбу со смертельно раненым, но еще не добитым зверем! Помогайте героической Советской Армии и доблестным партизанам добивать врага! Приближайте час победы! С Новым годом, дорогие друзья! Смерть фашистским захватчикам! Советские патриоты».

Все молчали. У Тряскина вздрагивал подбородок. Крамсалов сидел бледный, точно призрак; жена его судорожно вцепилась ему в плечо. Подруга Варвары Карповны молча отодвинулась от солдата Пауля. Тот удивленно поглядывал на всех, и его лицо готово было растянуться в глупой улыбке. Матрена Силантьевна тяжело дышала. Она свирепо, не моргая, смотрела на мужа.

Люди замерли, будто в комнату влетела бомба, готовая взорваться с секунды на секунду.

– Ужас! – нарушила тишину Варвара Карповна.

– А во второй что? – спросил Изволин.

Грязнов прочел вторую листовку. Она была короче первой. В ней сообщалось, что с пятнадцатого по восемнадцатое декабря в Харькове Военный трибунал Четвертого Украинского фронта рассматривал дело трех фашистских палачей и их пособника и приговорил всех к повешению.

– Это есть невозможно, – прошамкал Брюнинг. – Слушайте, я вам будет говорить. – Он встал и разместил часть живота на столе. – Большевицкие басни. Патриот? Блеф, нет никакой патриот. Есть провокация... – И уже менее уверенно добавил: – Завтра провокация

будет капут. Не надо, мадам Тряскин, нос вешайт. Прошу лючше бутылку вина. Это очень карашо. Хайль Гитлер!

– Хайль! – рявкнул и подвыпивший Пауль.

И без того невеселое настроение компании испортилось окончательно. Не улучшили его и вновь распитые бутылки вина.

Крамсалова начала уговаривать мужа идти домой. Подруга Варвары Карповны испуганно поглядывала на Пауля. Тот по-немецки разговаривал с Брюнингом, расспрашивал о содержании листовок.

– Пойдемте в другую комнату, – предложила Варвара Карловна Ожогину.

Никита Родионович молча направился вслед за именинницей.

– А ведь в самом деле плохо, – сказала Варвара Карповна, усаживаясь на маленький низкий диванчик. – Кто бы мог подумать, что все так обернется! Мы просчитались...

– Кто – мы?

– Ну, я, отец, хотя бы вот Люба, Крамсаловы, да и вы... И кто бы мог подумать! В то время, в сорок первом году, все было так ясно, а сейчас, кажется, опять советская власть вернется. Я вот только боюсь, что начнутся преследования, аресты... Я за последние дни потеряла сон, аппетит. Все из рук валится, не хочется ни за что браться, все опротивело. Хожу как луна-тик, как скотина, ожидающая, что вот-вот стеганут или сволокут на бойню... Что же делать?

Чувство брезгливости овладело Ожогиным, захотелось встать и уйти. Но он сдержал себя и сказал:

– О том, что делать, надо было думать много раньше. И мне, и вам.

– Мне никогда так не хотелось жить, как сейчас, никогда! Вы хоть совет дайте...

– У вас есть советчик получше меня.

– На кого вы намекаете?

– На Родэ, конечно.

– Не называйте этого имени! – Варвара Карповна резко поднялась на ноги. – Он принес мне столько горя, столько горя...

– Значит, вы его ненавидите?

Варвара Карповна молча заходила по комнате. За последнее время отношение Родэ к ней изменилось. Невежливый и раньше, Родэ теперь стал откровенно грубым. Ни о какой Германии она уже не мечтала, хотя еще совсем недавно говорила о предстоящей поездке как о решенном вопросе. Нет, в Германию не возьмут, но и живой не оставят. Родэ она боялась даже больше, чем возвращения Советской власти. Советская власть не простит предательства – накажет, осудит; а Родэ – уничтожит. Слишком много знает Варвара Карповна как переводчица гестапо, как живой свидетель. На карту ставится жизнь, а посоветоваться не с кем. Мысль поделиться с Ожогиным, который, по словам горбуна, был близок к военной разведке и который Варваре Карповне показался умным человеком, возникла у нее недавно. Но чем может помочь Ожогин, находящийся в таком же, как она, положении?

– Он меня убьет! – вырвалось у Варвары Карповны, и она оглянулась на дверь, за которой слышались голоса гостей. – Он мне однажды сказал: «Вы знаете слишком много для живого человека». Я чувствую себя обреченной... Как быть? Где найти выход?

Никита Родионович молчал, внимательно рассматривая свои ногти. Он колебался: поставить вопрос ребром или сделать только намек, пробный шаг, разведку?

– Найти выход, конечно, можно, но сделать это нелегко, – сказал он.

– Неужели можно? – с надеждой в голосе спросила Варвара Карповна.

Он утвердительно кивнул.

– Что же для этого требуется, по-вашему?

– По моему мнению, многое.

– Именно?

– Смелость, решительность, желание...  
– И только? – облегченно вздохнув, сказала Варвара Карповна, как будто тревожившие ее сомнения сразу же разрешились.  
– Это не так мало, на мой взгляд.  
– Вы думаете, у меня нет желания?  
– Желание, возможно, и есть, а вот...  
– Вы имеете в виду смелость и решительность? – перебила Варвара Карповна.  
– Да-да. Именно это.  
– Вы не знаете меня... Но как? Как? – спохватилась вдруг она, вспомнив, что главного так и не выяснила.

Ответить Никите Родионовичу не удалось. В комнату вошел Брюнинг. Увидев беседующую пару, он растерянно пробормотал:

– Ах! Извиняйт! – и быстро удалился.

На смену Брюнингу явился Тряскин. Он еле держался на ногах.

– Чему быть, того не миновать, – едва выговорил он заплетающимся языком. – Червь есть червь... Рожденный ползать летать не может...

– Я хорошенько все обдумаю и дам вам совет, как действовать, – тихо сказал Никита Родионович, чтобы окончить разговор.

Тряскина кивнула головой.

## 13

После побега из лагеря Повелко спрятали у Заболотько. Дом Заболотько, стоявший на окраине, не вызывал подозрений у оккупантов. Мать Бориса Заболотько – вдова Анна Васильевна – работала уборщицей в комендатуре оккупантов, а сам Борис – электромонтером в управе.

В пятницу вечером в дом Заболотько пришел Тризна. Обсуждали все тот же вопрос – о взрыве электростанции. Осуществление намеченного плана срывалось по не зависящим от подпольщиков обстоятельствам. Повелко никак не мог попасть днем во двор станции, а без него обнаружить место выхода шнура не удавалось. Борис Заболотько как монтер управы бывал на станции и дважды пытался разыскать условное место, но безуспешно.

Дело в том, что от взрывной массы, заложенной глубоко под площадки и фундаменты основных агрегатов станции, в свое время был протянут детонирующий шнур. Его уложили в не подвергающуюся порче изоляционную трубу и вывели наружу сквозь глухую стену электростанции на высоте полуметра от земли. Этот-то конец шнура и надо было найти.

– Сами поймите, – оправдывался Заболотько, хотя его никто и не думал обвинять, – не совсем удобно получается: два раза появлялся на станции. Могут заметить...

– Не годится, – качал головой Тризна.

– Ну, первый раз я еще смог на стену посмотреть, а второй раз не удалось: народ ходит. Если бы ночью, тогда другое дело.

– Значит, ничего не заметил? – спросил Повелко.

– Ничего. Отмерил от угла, как говорили, ровно восемь шагов, осмотрел все кирпичи в стене...

Повелко обеими руками поскреб остриженный затылок. Нет, он не ошибся – ровно восемь шагов от угла и восьмой кирпич от земли...

– Может быть, там снегу намело? – высказал предположение Игнат Нестерович.

– Снегу много. Очень много, – заметил Заболотько, как бы ища оправдания.

Повелко в раздумье покачал головой:

– Снегу действительно всюду навалило уйма. От земли, возможно, шнур на уровне восьмого ряда кирпичей, а вот от снежного сугроба...

Игнат Нестерович, как обычно шагавший по комнате, остановился перед сидящими, скрестил на груди руки и после небольшой паузы медленно сказал:

– Заболотько больше на станцию посылать нельзя. Надо придумать что-то другое.

Что «другое», Тризна так и не сказал.

Наступила тишина. Ветер сердито завывал в трубе, пробивался с дымом через горящую печь в комнату. Слабенькое пламя двух свечных огарков колебалось, по лицам плясали тени.

– Не может быть! – Повелко стукнул кулаком по столу. Пламя вздрогнуло. – Неужели откажемся от плана? Выбрался из лагеря, а помочь делу не могу!

Неожиданно в окно кто-то постучал.

Переглянулись. Заболотько дал знак Повелко, и тот мгновенно скрылся в кухне. Стук повторился.

– Пойду, – сказал Заболотько. – Не волнуйтесь, – добавил он, надевая пальто и шапку.

Игнат Нестерович сел за стол.

В передней послышались шаги, громкий разговор, и в комнату вошел, весь запорошенный снегом, старик Заломин.

У Тризны невольно вырвался вздох облегчения. Но он сказал, недовольно покачав головой:

– Носит тебя нелегкая! Ведь предупреждали, что надо отсидеться, а ты бродишь.

Тотчас после освобождения Повелко Заломин перешел на нелегальное положение.

– А я осторожно, с оглядкой, – ответил Заломин, старательно сбивая рукой снег с изодранного полушубка. – Что я, не понимаю, что ли!

Вернулся Повелко. Он радостно обнял старика:

– Что слышно про лагерь?

Заломин рассказал, что все бочкари получили отставку. Допросам их не подвергали, но именно это обстоятельство вызывало подозрения. Возможно, фашисты затевали что-то.

Заломин сел за стол и достал из кармана кисет.

– Я сегодня постараюсь внешность себе подпортить. Так лучше будет, – усмехнулся он.

– Как это – подпортить? – поинтересовался Повелко.

– А так... Обрею начисто голову, усы, бороду, да и брови за компанию. Бог даст, со временем отрастут.

Он медленно крутил цыгарку. Большие, обветренные, в шрамах и ссадинах пальцы его действовали уверенно.

Помолчав, он спросил:

– Ну, а ваши дела как?

– Плохи дела, – коротко бросил Игнат Нестерович.

– Чего так?

Тризна вкратце обрисовал создавшееся положение.

– Выходит, все дело в Повелко? Попадет он во двор электростанции, так и дело совершится?

– Да, выходит так.

– Ну ладно, совещайтесь, а я пойду, – Заломин неожиданно встал и начал одеваться.

На другой день на квартиру к Ожогину и Грязнову под видом нищего опять прибежал Игорек. Когда Ожогин вынес ему кусок хлеба, Игорек торопливо передал, что у Заболотько Никиту Родионовича ждут Изволин и Тризна.

Как и раньше, Грязнов пошел за Ожогиним, для того чтобы обнаружить возможную слежку.

Через двадцать минут Ожогин уже стучался в окно знакомого дома.

Оказалось, что переполошил всех старик Заломин. Он явился к Тризне два часа назад начисто обритый и предложил «созвать всех», так как он «будет докладывать рационализацию». Пришлось созвать.

– А где же он сам? – спросил Никита Родионович.

– Побежал что-то уточнять, сейчас вернется.

Заломин пришел через несколько минут.

– Раздеваться не буду, время в обрез, – начал он, ни с кем не поздоровавшись. – Так... Что я безработный, всем известно?

– Ну? – Тризна удивленно поднял брови, не понимая, к чему ведет старик.

– Две бочки у меня управа конфисковала, а две оставила, – сказал Заломин.

Все недоуменно переглянулись. Тризна закашлялся и вышел.

– Погодим малость, – продолжал Заломин, – пусть отдышится. – И он невозмутимо стал попыхивать цыгаркой.

Воцарилась тишина.

Наконец вернулся бледный Игнат Нестерович. От приступа кашля глаза его стали красными и наполнились слезами, он то и дело вытирал их платком.

Заломин сокрушенно покачал головой и снова заговорил:

– А пока и кони и две бочки дома.

Нервный Тризна не выдержал:

– Чего ты болтаешь? Где твоя рационализация?

Заломин неожиданно громко рассмеялся:

– Сейчас и рационализацию выложим. Разведку я не зря провел. Электростанция уже месяц как заявку дала в управу на очистку. Раз! – он согнул один палец. Лица у всех вытянулись. – А мы возьмем с Повелко да ночью и приедем к ним. Два. – Он согнул второй палец. – Ночью никто проверять не будет. Три... Завтра у меня все могут отобрать дочиста. Четыре... Значит, воробей, не робей! Пять... Вот она и рационализация!

В первую минуту от удивления и неожиданности никто не произнес ни слова. Потом Повелко бросился к старику, прижал его голову к груди и поцеловал. Заломин смутился и часто заморгал.

Ожогин подошел к старику и крепко пожал ему руку. Старик расчувствовался, губы у него затряслись, и скупые слезинки скатились по грубым, обветренным щекам.

– Старый конь борозды не портит, – так говорят, отец? – спросил Заломина Никита Родионович.

– Так, сынок... И еще говорят: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Только вот что... Дело надо начинать сейчас, у меня все готово. На дворе станции я бывал до войны разов пять, порядки знаю...

– Прoberетесь? – спросил Ожогин.

– Конечно, проберемся... А вот куда мне потом пробираться?

Решено было, что после операции Заломин будет спрятан в доме Заболотько вместе с Повелко. Все понимали, какому риску подвергает себя старик. Ему надо было пробраться домой, запрячь лошадей и показаться в городе, а это не так просто, когда знаешь, что за тобой возможна слежка. Но Заломин уверенно заявил, что все сойдет благополучно...

В девять часов вечера на улице, где была расположена электростанция, показались две телеги с бочками. На одной сидел Заломин, на второй – Повелко. Телеги двигались с трудом.

Улица была немощеная, вся в воронках от разорвавшихся бомб, в колдобинах и рытвинах. Бочки встряхивало, кренило из стороны в сторону, колеса вязли в сугробах. Повелко чув-

ствовал себя неуверенно в новой роли и с трудом держался на передке. Заломин же энергично правил лошадью.

Вот и электростанция. Здесь Повелко проработал четыре года. Она как будто не изменилась за годы войны, только стены перекрашены из белого в серый цвет. Забор цел, целы железные решетчатые ворота, сквозь которые виден большой двор. Глухо и ритмично постукивают маховики. Света не видно – все замаскировано.

Передняя лошадь уперлась в ворота. Заломин соскочил с передка и постучал. Показался полицейский с винтовкой.

– Гостей принимай да нос закрывай! – пошутил Заломин.

– Фью! – свистнул полицейский. – С поля ветер, с лесу дым...

– Давай шевели, а то нам ночи не хватит.

Полицейский впустил подводы во двор и спросил:

– Знаешь где?

– Не впервой, чай.

– Ну, валяй! – и охранник скрылся в каменной сторожке.

Заломин повел лошадь в поводу до самой уборной.

Повелко огляделся. Просторный двор захламлен. Из-под снега видны штабеля огнеупорного кирпича, вороха ржавого кровельного железа, пустые деревянные бочки, носилки, кучи бутового камня, длинные двутавровые балки...

– Я пошел, – проговорил тихо Повелко. – В случае чего – кашляни.

– Помогай бог! Буду глядеть в оба.

Повелко пригнулся и стал пробираться между штабелями кирпича к задней стене электростанции. Снег был глубокий, и на нем оставался слишком заметный след. Это смутило Повелко – на несколько секунд он остановился, но потом решительно двинулся дальше. Около самой стены он вышел на протоптанную дорожку, ведущую к ворохам угля.

...Восемь шагов от угла. Повелко отсчитал их и повернулся... Теперь восьмой ряд кирпичей снизу. Нагнулся. Раз, два, три... все восемь... Нет, нужного кирпича нет. Стена совершенно гладкая. Игнат Нестерович прав: видимо, причина в снеге. Повелко поднялся, потом опустился на колени и стал быстро разрывать снег. Вот наконец и условное место. Толкнул кирпич носком сапога, и половина его вышла из стены. Повелко вынул кирпич и положил около себя. Рукой полез в образовавшееся отверстие, нащупал детонирующий шнур и вытянул его наружу. Руки дрожали от возбуждения, стало душно. Из кармана вынул два запала с концами бикфордова шнура, наложил их на детонирующий шнур, быстро скрепил резинкой. Затем достал небольшой клеенчатый пакетик с кислотной ампулой и зажигательной смесью, закрепил его на обоих концах бикфордова шнура. Осмотрел внимательно и, убедившись, что сделал правильно, сдвинул пакетик пальцами. Ампула хрустнула. Так, все на месте. Теперь – дело времени. Кислота начнет разъедать оболочку; на это ей определено пятнадцать часов. Когда она просочится на зажигательную смесь, а та воспламенит шнур и пламя дойдет до запалов, тогда все будет исчисляться секундами, долями секунды...

Вложив кирпич обратно в стену и замаскировав это место снегом, Повелко пошел обратно. Он торопился. Сердце билось гулко, радостно, в ушах стоял звон...

– Ну? – спросил Заломин.

– Полный порядок.

– Успеем ноги унести?

– Что ты! – рассмеялся Повелко. – Все произойдет не раньше двенадцати дня...

– Тю!.. – старик взял под уздцы лошадь и стал выводить ее к воротам. – Эй, милай!

Нагостились, и довольно! Выпускай! – крикнул Заломин полицейскому.

Тот, зевая, вышел из сторожки:

– Все?

- Чего – все?.. Наши черпаки не берут. Даром время загубили.
- Замерзло, говоришь? – рассмеялся полицей.
- Пойди полюбуйся.
- Черт его не видел! – ругнулся полицей и открыл ворота.

Стоял воскресный день, на редкость ясный и солнечный. На улицах толпились горожане. Они молча смотрели на проходившие через город немецкие воинские части. Шоссе, пролегающее с запада на восток, делило город на две половины, образуя прямую, как стрела, улицу. Движение по ней не прекращалось ни днем, ни ночью. На восток беспрерывно шли танки, бронетранспортеры, бесчисленные автомашины с различным грузом, бензозаправщики, мотоциклы и даже простые подводы. На них сидели немцы, призванные в армию по тотальной мобилизации, – хмурые, разновозрастные, без свойственной кадровым служакам выправки, с желчными, недовольными лицами, с обвязанными, точно у старых баб, головами.

А обратно, на запад, везли преимущественно раненых солдат.

Горожане осторожно бросали по адресу оккупантов злые реплики.

В городском парке былолюдно. У самого входа, направо, где раньше стояла эстрада, теперь разместилось офицерское кладбище, с ровными рядами однообразных березовых крестов. Кладбище непрерывно росло. Иногда похоронные процессии прибывали сюда два-три раза в день. Умерших везли из местного госпиталя и с фронта.

Сегодня хоронили каких-то видных вояк, и траурное шествие замыкал взвод автоматчиков.

Время перевалило за двенадцать. Маленькая закрытая машина отделилась от процессии и на большой скорости въехала в аллею парка. Из кабины вышел хромой гитлеровец – комендант города. Он постоял, осмотрелся. Сказал что-то адъютанту. Тот услужливо отвернул ему подбитый серым каракулем воротник, и оба направились к кладбищу. У могил хлопотали солдаты с веревками и лопатами. Комендант поочередно заглянул во все восемь ям и восемь раз бросил «гут». Потом посмотрел на сложенные в стороне березовые кресты, толкнул один из них носком сапога и неопределенно покачал головой. Заложив руки за спину, он стал прохаживаться по аллее. Ему предстояло держать речь у могил, и сейчас он наспех, вполголоса, репетировал свое выступление.

Процессия приблизилась к могилам. Комендант подошел и махнул рукой, давая сигнал к погребению. Кожаная перчатка, соскользнув с его руки, упала в яму. Комендант что-то крикнул своему адъютанту; тот уже хотел прыгнуть в могилу, как вдруг грохочущий взрыв встряхнул воздух и прокатился многоголосым эхом по городу. С краев ям посыпалась земля.

Люди бросились вон из парка. Комендант хотел было что-то сказать солдатам, но потом резко повернулся и заковылял к машине.

– Скорее в комендатуру! – бросил он дрожащим от волнения голосом шоферу.

## 14

Сквозь приятную дремоту, которую, казалось, никак нельзя было сбросить, Никита Родионович услышал мелодичные звуки аккордеона. Звуки неслись из гостиной. Андрей играл с увлечением, вкладывая в игру много чувства.

«Киснет парень, – подумал Ожогин, – надо с ним что-то делать». Но что именно делать, Никита Родионович не знал.

Аккордеон смолк. Никита Родионович открыл глаза.

Вошел Андрей. Не глядя на Ожогина, он стал перебирать нотные тетради, лежавшие на окне. Он казался расстроенным, и это сразу насторожило Никиту Родионовича. «Ну-ну,

посмотрим, что будет дальше», – решил Ожогин и, не спрашивая Андрея о причинах его скверного настроения, принялся одеваться.

День начался по расписанию. Завтракали в десять. За столом молчали, так как говорить в присутствии хозяйки не хотелось. Подал термос с кипятком и чайник с заваркой, она наконец ушла.

Андрей, не допив чай, встал из-за стола и подошел к окну. Сдвинув занавеску, он стал все так же молча разглядывать улицу.

Никита Родионович решил наконец вмешаться.

– Что с тобой творится последние дни? – спросил он.

Грязнов обернулся и внимательно посмотрел на Ожогина:

– Ничего особенного.

– А все же?

– Надоела мне эта курортная жизнь! – резко сказал Грязнов.

Ожогин едва заметно улыбнулся:

– А ты, значит, решил ее изменить?

– Да, решил...

Никита Родионович откинулся на спинку стула.

– Так, так... Товарищ Грязнов взял на себя право изменить приказ, данный ему как коммунисту. А? Может быть, со мной поделитесь своими планами?

Андрей посмотрел на Ожогина, и злой огонек мелькнул в его глазах.

– Вам смешно... Вам всегда смешно, когда я говорю о себе! Вам безразлично состояние товарища... А мне... – он запнулся, – а мне тошно тут. Я так дальше не могу...

Андрей отвернулся, но Никита Родионович заметил, как тяжело он дышит. Ожогин встал и подошел к товарищу:

– Это не моя прихоть, Андрей. Задачу, стоящую перед нами, ты знаешь. Знаешь так же, что мне поручено руководить, и ты не волен поступать, как тебе хочется. Я тоже не ради прихоти томлюсь без настоящего дела.

Грязнов опустил голову.

– Допустите меня к боевой работе группы Изволина! Ведь справлюсь же! – в голосе Андрея появились просительные интонации.

– Каждому из нас, Андрей, поставлена определенная цель.

– А я не хочу сидеть сложа руки и киснуть в этой дыре!

– Ну что ж, тогда поступай, как тебе хочется. Но прежде советую подумать: одобрит ли твой план партия?

– Другие активно борются! Чем я хуже их?

– Твой участок фронта здесь.

Андрей отошел от окна и сел на стул. Все это он отлично понимает, и тем не менее он должен действовать. У него нет больше сил пассивно наблюдать происходящее. Пусть дадут ему любое задание. Никита Родионович может попросить об этом Дениса Макаровича. Он согласится. Андрей знает, он уверен в этом.

– Хорошо! Если ты действительно хочешь получить задание...

– Очень хочу.

– Изволь. Первое задание – возьми себя в руки, – Никита Родионович направился к двери. – Я не шучу... Это задание коммунисту Грязнову. А о втором задании поговорим попозже.

Ожогин надел пальто и вышел из комнаты.

Открыв наружную дверь дома, Ожогин увидел на ступеньках крыльца невзрачного по виду, плохо одетого пожилого человека.

– Вы Ожогин? – спросил он. – Вот это вам. – Человек вытащил из рукава пальто сложенный вдвое конверт и подал Никите Родионовичу.

– От кого это?

– Там все сказано... Добавить я ничего не могу... До свиданья.

Незнакомец, спустившись со ступенек, неловко поклонился и быстро засеменял по тротуару.

– Андрей! – громко позвал его Никита Родионович.

– Что? – ответил тот, не меняя позы.

– Встань! Новости есть. Письмо получил.

Грязнов быстро поднялся. Ожогин сел рядом с ним на диван, вскрыл конверт и начал читать вслух:

– «Я уверен, что обращаюсь к товарищам, преданным власти большевиков, и меня не смущает то, что вы состоите на службе разведоргана «Абвер». Это даже лучше для дела. Я возглавляю нелегальную борьбу коммунистической ячейки города и хочу вступить с вами в переговоры, от которых будет зависеть ваша карьера. Прошу одного из вас прийти в четверг к зданию бывшей городской библиотеки в восемь вечера. Пришедшего я признаю в лицо».

Друзья рассмеялись.

– Значит, Юргенс выполняет совет Марквардта, – заметил Грязнов. – Хорошо, что я во время их беседы находился в пекарне.

– Да, но придумали они не особенно умно. Стиль письма явно негодный. Наши никогда не напишут: «власти большевиков», «ячейка», «ваша карьера»...

Андрей взял письмо из рук Никиты Родионовича и прочел его про себя.

– А может быть, сходить в четверг на свиданье? – предложил он. – Посмотреть, что это за руководитель ячейки...

– Ну уж нет! – возразил Ожогин. – Тут не до любопытства. Юргенс, возможно, по секундомеру подсчитывает длительность наших раздумий и колебаний... Сделаем так: я пойду к Денису Макаровичу, а ты – к Юргенсу. Постарайся попасть к нему, покажи письмо и попроси совета, как поступить. Понаблюдай за его физиономией. Это интересно. Понял?

– Понял. Сейчас пойду! – с готовностью ответил Андрей.

– Вот тебе и поручение...

– Молодец, что пришел! Молодец! – радостно встретил Ожогина Изволин и потянул его во вторую комнату.

Денис Макарович был возбужден. Не требовалось никаких объяснений, чтобы понять его настроение. По глазам старика Ожогин научился почти безошибочно определять, что творится в его душе. Посмеиваясь в усы, Изволин усадил Никиту Родионовича и подал ему листок бумаги, исписанный мелким, убористым почерком.

«Грозному, – прочел Ожогин. – Ваши действия и планы на будущее считаем правильными. Постарайтесь связаться по радио с Иннокентием. Разведданные передавайте ежедневно. Юру и всех лиц, с ним связанных, держите постоянно в поле зрения. Немедленно сообщите, кто персонально участвовал в затемнении города. Вольный».

– Так вы, значит, «Грозный»?

Изволин отрицательно покачал головой и улыбнулся.

– А кто же это, если не секрет? – осторожно спросил Никита Родионович.

– Секрет, дорогой, и большой секрет! Тебе я могу сказать одно: «Грозный» – член бюро обкома партии, и в городе с ним связаны только четыре человека, руководители самостоятельных групп. Бережем мы «Грозного» как зеницу ока: ведь он возглавляет подпольный райком и всю борьбу.

– Меня и Андрея он знает?

– А как же! Всех он знает.

– Хорошо, – ответил Никита Родионович, – но, может быть, и мне тогда не следовало говорить о нем?

– Что так? – удивился Денис Макарович.

– Если установлен строжайший порядок конспирации, то зачем его нарушать...

– Значит, можно, коль нарушаю, – произнес Изволин и, вынув из-под кровати поношенные ночные туфли, упрятал радиogramму под стельку одной из них.

Позвав жену, Денис Макарович завернул туфли в газету и попросил отнести их... Куда? Она, видимо, знала сама.

– Принял радиogramму Леонид? – спросил Никита Родионович, когда остался наедине с Изволиным.

– Да. А что?

– Меня интересует, как часто он работает на передаче.

– Леонид проявляет большую осторожность.

– Поймите, Денис Макарович, рано или поздно гитлеровцы запеленгуют работу рации и нагрянут. Нужно перенести рацию в другое место, может быть даже за город, и на некоторое время прекратить передачу и ограничиться только приемом.

Денис Макарович слушал Ожогина и хмурился. Упрятать рацию в другое место – дело несложное, но ведь надо найти укрытие и для Леонида. Это уже труднее. И в то же время нельзя прерывать связь с Большой землей. Правда, имеется вторая, запасная радиостанция, но о ней и о втором радисте не знает никто, кроме «Грозного» и Дениса Макаровича. Сейчас эта рация находится на вынужденной консервации и бездействует из-за отсутствия питания. Питанием, и то с большим трудом, удалось обеспечить одну рацию, на которой работает Леонид.

Прекращать работу по передаче нельзя. Единственный выход – подыскать место и вынести рацию за город.

Пожалуй, лучше всего вынести за город рацию второго радиста, который зарекомендовал себя как сторонник оккупантов и жил легально. Впрочем, все следовало в ближайшие дни тщательно обдумать.

Не высказывая своих соображений Ожогину, Денис Макарович решил перевести разговор на другую тему.

– Как обстоят дела с Родэ? – поинтересовался он.

– Ничего реального, – ответил Ожогин. – Сейчас я еще не представляю себе, в какой мере дочь Тряскина может помочь уничтожению Родэ. Говорить с ней начистоту опасно. Верить тому, что Варвара Карповна ненавидит гестаповца Родэ и боится кары за свою связь с оккупантами, рискованно. Кто может дать гарантию, что Тряскина не ведет провокационную линию по заданию гестапо?

– Эту женщину я вижу насквозь, – сказал Денис Макарович, – и верю, что она раскаивается в своих связях с гестапо. Она не раз говорила об этом и мне, и Пелагее Стратоновне. Правда, Варвара запугана Родэ. По характеру она труслива, как заяц, а Родэ способен на всякую подлость.

– Но почему она ко мне обратилась за советом? – недоумевал Ожогин.

Изволин объяснил:

– Она боится обратиться к первому встречному – раз. Знает со слов горбуна, что Ожогин, как и она, связан с гитлеровцами и, возможно, также в этом раскаивается, – два. Наконец, она видит, что Ожогин дружен с Изволиным, а ему она уже поведала о своем настроении – три. Нельзя также не учитывать, что женщина питает личные симпатии к Ожогину.

В рассуждениях Дениса Макаровича Никита Родионович чувствовал известную логику.

– А Родэ надо убрать, и как можно скорее, – продолжал Денис Макарович. – Он много принес горя нашим людям и продолжает творить гнусные злодеяния. Знаете, что я думаю? –

Изволин поставил стул рядом со стулом Ожогина и обнял его за плечи. – Поговорите с Варварой Карповной начистоту. Разговор будет без свидетелей. Допустим, что она имеет задание вас проверить... Ведь вы тоже можете в случае нужды оправдаться тем, что хотели проверить ее. А?

Изволин был прав. Никита Родионович согласился с его доводами. Имея на счету «разоблачение» горбуна, Ожогин, в случае провала, мог объяснить Юргенсу, чем были вызваны его действия.

Он пообещал Денису Макаровичу переговорить с Тряскиной по душам, рассказал о полученном только что письме и расспрошался.

Удобный случай поговорить с Тряскиной представился Ожогину значительно раньше, чем он мог предполагать. Выйдя из дому, он столкнулся лицом к лицу с Варварой Карповной, которая сидела на крыльце.

– Здравствуйте, Никита Родионович, – подавая руку, произнесла Тряскина.

Ожогин пожал ей руку.

– А я вас поджидала. Видела в окно, когда вы прошли к Изволину.

Помолчали. Потом Варвара Карповна спросила:

– Вы обещали дать мне совет... помните?

– Помню. Но мне еще не ясно, что вас тревожит.

Тряскина заговорила взволнованно, путано, перескакивая с одной мысли на другую. Из всего сказанного ею Ожогин уловил, что она действительно боится заслуженного возмездия и стремится искупить свою вину, но искупить так, чтобы избежать расправы со стороны гитлеровцев. Кроме того, она считала, что и Ожогину надо подумать о своей судьбе: ему тоже не сладко будет, когда уйдут оккупанты. Короче говоря, Варвара Карповна искала прочного союзника.

– Я разделяю ваши настроения, – заметил Ожогин.

– Спасибо, но этого еще недостаточно, – вздохнула Варвара Карповна.

– Понимаю, – согласился Никита Родионович. – Давайте сообща думать, что предпринять. Вы как-то говорили о Родэ, что...

– Будь он проклят! – гневно прервала его Тряскина. – Я не могу вспомнить о нем без содрогания...

– Но вы же его переводчица?

– В этом-то вся беда. Он и со мной поступит так, как поступает с арестованными. Я готова удушить его собственными руками!

По тону, каким это было сказано, можно было поверить в то, что Варвара Карповна всеми силами души ненавидит гестаповца.

– Родэ бывает где-либо, кроме гестапо? – поинтересовался Никита Родионович.

– Да. В городе есть несколько квартир, которые посещает Родэ. А беседы ведутся через меня, как через переводчика, так как Родэ не владеет русским языком.

– Он, конечно, пользуется машиной?

– Пешком Родэ в городе никогда не показывается. Его и меня подвозят на машине за полквартила до нужной квартиры, и лишь каких-нибудь сотню метров он идет пешком. Машина обычно уезжает и возвращается лишь к назначенному Родэ часу.

– Вас заранее извещают, на какую квартиру придется ехать? – спросил он Тряскину.

– Иногда.

– Давайте условимся: как только вам станет известно, по какому адресу вы поедете, предупредите меня хотя бы за три-четыре часа...

– И тогда?

– Тогда буду действовать я.

– Хорошо, – не совсем уверенно ответила Варвара Карповна.

Вечером, по дороге к Кибицу, Грязнов рассказал Никите Родионовичу о свидании с Юргенсом. Грязнов предварительно связался с ним по телефону и доложил, что получено важное письмо, которое надо немедленно показать ему, Юргенсу.

Юргенс при свидании вел себя так, будто и в самом деле видел письмо впервые. Начал расспрашивать, кто его принес и в какое время, каков был посланец и что сказал, передавая письмо. Когда Грязнов предложил сходить на свидание с подпольщиком, Юргенс покачал головой и ответил: «Не стоит. Этим займутся мои люди. Мы, видимо, имеем дело с важной птицей».

В заключение Юргенс поблагодарил Грязнова и передал привет Никите Родионовичу.

## 15

В полдень Игорек постучал, как обычно, в окно и вручил Грязнову заклеенный конверт без надписи.

Грязнов вернулся в дом, вскрыл конверт, прочел несколько строк и ничего не понял.

Это была коротенькая записка. Почерк неровный, буквы пляшущие:

«Ночью будем в Рыбацком переулке, номер шесть. Если хотите знать подробности, заходите; буду дома с пяти до восьми. В.»

Грязнов передал записку Ожогину. Никита Родионович прочел, вложил записку в конверт и спрятал в карман.

– Понимаешь, в чем дело? – спросил Ожогин Андрея.

– Пока нет.

– Это от Варвары Карповны. Я пойду к ней, а ты, Андрюша, иди к Игнату Нестеровичу. Пусть он проверит, что за дом на Рыбацком под номером шесть и как к нему можно незаметно подойти ночью.

Всякое поручение радовало Андрея, поэтому, не ожидая подробностей, он принялся одеваться.

Варвара Карповна Тряскина, укутанная в большую серую шаль, ходила по комнате. Когда вошел Ожогин, она испуганно посмотрела на него и молча протянула руку.

– Что со мной делается, сама не пойму...

– Нервы шалят, – сказал Никита Родионович. – Надо держать себя в руках.

Тряскина подняла на Ожогина глаза.

– Страшно!.. – почти простонала она.

У Никиты Родионовича зародилось опасение: не выйдет ли так, что в самый последний момент Тряскина откажется от всего, не захочет ставить под удар Родэ и, чего доброго, провалит все дело?

– Неужели вы еще не решились? – спросил Ожогин.

– Я хорошо понимаю, что другого выхода для меня нет. Уж скорее бы, что ли...

– От вас все зависит, – заметил Никита Родионович. – Что это за дом в Рыбацком переулке?

– Обычный частный дом. Я была раза два с Родэ в этом доме. Он состоит из пяти или шести комнат, две из которых предоставлены в распоряжение Родэ. В доме живет слепой старик с дочерью.

Варвара Карповна взяла карандаш и набросала на листке план дома.

Никиту Родионовича интересовал вопрос, можно ли проникнуть в дом до приезда Родэ. Варвара Карповна ответила отрицательно: дочь хозяина дома впускает только по паролю.

– А вы его знаете?

– Кажется, «Лейпциг», – ответила Варвара Карповна и предложила такой план: когда они приедут вместе с Родэ, она немного замешкается на пороге и повертит в замке ключом для видимости, но дверь оставит открытой.

Варвара Карповна предупредила, что ставни в доме закрываются изнутри. Если ставня ближнего к парадному окна останется приоткрытой, то, следовательно, все в порядке: дверь не заперта. Об этом она позаботится.

Расставшись с Варварой Карповной, Ожогин зашел к Денису Макаровичу. Старик сидел в раздумье у печи. Он погладил согнутым пальцем аккуратно подбритые седые усы, посмотрел на Ожогина и спросил:

– Что решили?

Никита Родионович передал содержание беседы. Надо поторапливаться. Возможно, что в следующий раз Тряскина не пойдет на такой рискованный шаг.

Денис Макарович протянул руку к печи и задумался.

– Значит, придется забраться в дом, – как бы самому себе, тихо сказал он.

– Да, – подтвердил Никита Родионович, – другого ничего не придумаешь. Родэ и Варвару Тряскину привезет машина, и неизвестно, кто еще в ней будет, кроме них и шофера.

– Поэтому-то я и думал, что поручить дело одному Игнату рискованно: уж больно он горяч. Притом возможна предварительная слежка за домом, – Изволин неторопливо погладил руками колени и нерешительно продолжал: – А что, если привлечь Андрея? Он давно тоскует по настоящему делу.

Андрей вернулся домой только в сумерки. Он молча разделся и сел за стол.

– Ну как? – спросил Ожогин.

Андрей поднял глаза и ответил, что ходил с Тризной в Рыбацкий переулок.

– Нашли?

– Нашли. Под шестым номером – самый приличный дом в переулке, кроме него – мелкота и развалины. Глухое место... Я пойду вместе с Игнатом! – с какой-то отчаянной решимостью закончил он.

Ожогин задумался. Зная характер друга, Никита Родионович опасался, что, уступив ему один раз, придется уступить и в другой. А когда Андрей войдет во вкус боевой работы, оторвать его от нее будет трудно. Возникнет угроза основному заданию, на которое они посланы.

– Мало ли тебе что захочется, – спокойно сказал он.

Грязнов покраснел, прижал руку к груди:

– Поймите, Никита Родионович...

– Прекрасно понимаю. Но мы оба отвечаем за то, что нам поручено.

Сбиваясь, Андрей принялся с жаром доказывать, что уверен в успехе, что отлично выполнит задание.

– Неужели, Андрей, ты не понял, почему я колеблюсь?

– Да... но почему вы сами... – Андрей оборвал фразу на полуслове и подошел к окну, став к Ожогиной спиной.

– Вижу, что не понял, – сказал Ожогин.

Несколько минут длилось молчание.

– Хорошо, Андрей, ты пойдешь с Тризной, – проговорил наконец Никита Родионович, – что с тобой поделаешь. Но это будет твое первое и последнее боевое поручение... Надеюсь, что все сойдет благополучно.

Он подошел к Андрею и крепко обнял его за плечи.

Ночь. Затемненный город кажется вымершим. Ни света, ни человеческой тени. Только снег, снег и снег... Им усыпаны мостовая, тротуары, крыши домов. Он пушистыми комьями

лежит на оголенных ветвях деревьев, тянет книзу провода, образует причудливые шапки на верхушках столбов. Воздух неподвижен и чист. Шаги звонко отдаются в тишине ночи.

Из-за угла выглянул человек. Никита Родионович и Андрей остановились, всмотрелись. Это был Тризна.

Поздоровались молча.

– Что нового? – спросил приглушенным голосом Игнат Нестерович.

Ожогин передал содержание беседы с Тряскиной, объяснил расположение комнат в доме на Рыбацком, рассказал, что предпримет Тряскина.

– Надо проникнуть в дом до прихода Родэ, пользуясь тем, что известен пароль, и встретить гестаповца. Кстати, ночной пропуск не забыли? – вдруг заволновался он, зная, что патриоты ходят ночью с поддельными пропусками, изготовляемыми подпольем.

Игнат Нестерович покачал головой, вынул из кармана маленькую яйцевидную гранату и подал Андрею:

– Спрячь. На всякий случай.

– А может быть Родэ уже в доме?

– Я буду это знать, – сказал Игнат Нестерович, – у меня на улице дежурит человек...

Ну, пошли!

Тризна свернул за угол. Андрей торопливо последовал за ним...

А в это время в подвальном помещении Госбанка, где теперь размещалось гестапо, шел допрос.

В углу небольшой, под мрачными сводами комнаты, освещенной керосиновой лампой, на табуретке сидел человек. Обросший, исхудавший, с кровоподтеками под глазами, он выглядел стариком.

Человек молчал. У стола пристроилась Тряскина. Родэ, заложив руки в карманы, медленно расхаживал по комнате.

– Спроси его, – обратился Родэ к Варваре Карповне, – кто ему дал распоряжение впустить ассенизаторов во двор электростанции.

Варвара Карповна перевела вопрос на русский язык.

Арестованный равнодушно, не меняя позы, не шевельнувшись, ответил, что такого распоряжения ему никто не давал.

– Значит, сам впустил? – зашипел Родэ.

Арестованный утвердительно кивнул. Родэ зло выругался и подошел к столу.

Варвара Карповна опустила голову. Она боялась смотреть в глаза Родэ. Ей казалось, что он прочтет в ее взгляде затаенную мысль, которую она вынашивала эти дни. Сегодня он почему-то особенно пристально и долго смотрел на нее. Тряскиной казалось, что вот-вот тонкие губы Родэ сложатся в злую улыбку и он скажет: «Все знаю, дорогая, все мне известно. Ты хочешь убрать меня... хе-хе... Скорее умрешь ты...» Но Родэ только шурил глаза и молчал. Были минуты, когда Варвара Карповна чувствовала себя близкой к обмороку. «Почему я об этом думаю? Ведь, кроме меня и Ожогина, никто ничего не знает. Разве Родэ может прочесть мысль? Нет, нет... Просто нервы...» Варвара Карповна сжимала губы, старалась отогнать тревожные мысли, но они опять лезли в голову.

А что если сам Ожогин уже выдал ее, пошел и рассказал гестапо, и сейчас же, вслед за этим арестованным...

– Господи! – почти вслух произнесла Тряскина.

– Что ты бормочешь? – спросил Родэ.

Сердце у Варвары Карповны замерло.

– Пусть скажет, кто эти ассенизаторы. Пусть назовет их фамилии, – потребовал он.

Варвара Карповна торопливо перевела.

Арестованный не знал фамилий ночных гостей и никогда их до этого не видел.

– Сволочь, – прохрипел Родэ, и его худое лицо стало страшным. – Сейчас ты у меня заговоришь!

Став против заключенного, он начал медленно засучивать рукава мундира.

– Мне можно идти? – спросила побледневшая Тряскина и поднялась с табурета.

– Иди! – бросил Родэ. – Зайдешь через десять минут – поедем...

Через десять минут она открыла дверь.

Тюремщик-гестаповец держал полотенце и лил горячую воду на руки Родэ. Родэ с брезгливой гримасой смыл с пальцев кровь, смочил их одеколоном и вытер...

Без двадцати минут час от здания гестапо отъехала малолитражная машина. В ней сидели Родэ и Варвара Карповна. Оба молчали. Женщина старалась не дышать, чтобы не выдать своего состояния. От одной мысли, что скоро, через каких-нибудь полчаса, а может быть, и того меньше, произойдет что-то страшное, неизбежное, по всему ее телу пробегала дрожь. Ей казалось, что она стоит на краю бездонной пропасти и что если сама она не бросится вниз, ее все равно толкнут туда. Ожидание было невыносимо, и Тряскина мысленно торопила шофера. А машина, как назло, ползла медленно, карабкаясь по выбоинам дороги.

Наконец она остановилась. Варвара Карповна быстрым движением руки смахнула слезы и вытерла платком лицо. Шофер открыл дверцу. До дома оставалась сотня метров. Родэ отпустил шофера и приказал ему подъехать через час.

На стук никто не отозвался. Родэ постучал вторично – тишина. На третий удар отозвался женский голос:

– Кто там?

– «Лейпциг»... – хрипловатым, надтреснутым голосом ответил Родэ.

... Не более как через минуту в доме раздались один за другим четыре глухих выстрела, – будто кто-то ударил несколько раз палкой по тугому матрацу, а еще через минуту показались Тризна и Грязнов.

Не торопясь, они прошли некоторое расстояние по тротуару, а потом разошлись в разные стороны.

## 16

Юргенс встал с постели, как обычно, в девять утра и занялся гимнастикой. Он любил твердый распорядок дня. Даже война и тревожные события, с ней связанные, не изменили его привычек. Служитель никогда не спрашивал, что ему делать сегодня, завтра, через неделю... Он знал свои обязанности, как таблицу умножения, и выполнял их абсолютно точно.

В столовой ожидал завтрак. Юргенс уже хотел сесть за стол, как вдруг его внимание привлек необычный шум на улице. Он подошел к окну и раздвинул шелковые занавески. Солдаты, наводнившие мостовую и тротуары, брели без всякого порядка. На голове у многих были пилотки, обвязанные сверху женскими платками, шапки-треухи, фетровые шляпы; поверх шинелей – фуфайки, овчинные полушубки, штатские, простого покроя пальто; на ногах – валенки, сапоги, ботинки, а у одиночек даже веревочные или лыковые лапти. Изредка мелькали офицерские фуражки.

– Какая гадость! – процедил сквозь зубы Юргенс, задернул занавески и подошел к телефону.

Начальник гарнизона охотно удовлетворил любопытство Юргенса. Он объяснил, что в город прибыли на кратковременный отдых и переформирование остатки разбитой немецкой дивизии, вырвавшейся из окружения.

Через полчаса в передней раздался звонок, и служитель ввел в кабинет посетителя. Юргенс чуть не вскрикнул от удивления: перед ним стоял его родственник подполковник

Ашингер. Он был одет в куцый, изодранный пиджак. Сквозь дыры в брюках просвечивало грязное белье, на ногах болтались большие эрзац-валенки. Небритый, с лицом землистого цвета и впалыми щеками, он ничем не напоминал того вылощенного, развязного офицера, каким видел его Юргенс в последний раз.

– Что за маскарад? – спросил Юргенс, хотя он уже догадался о происшедшем.

Ашингер молча добрался до кресла, бросился в него и, уронив голову на руки, заплакал, неестественно подергивая плечами.

– Этого еще не хватало! – с досадой сказал Юргенс, выходя из-за стола.

– Не могу... не могу... Какой позор! – выдал из себя подполковник, захлебываясь слезами и по-мальчишески шмыгая носом.

– Что за шутовской наряд?

– Если бы не он, я едва ли остался бы жив, – И Ашингер изложил подробности разгрома дивизии.

– Но нельзя же доводить себя до такого состояния! – укоризненно покачал головой Юргенс.

– Тебе хорошо говорить! – возразил Ашингер. – А я бы хотел видеть твое состояние после того ада, в котором мы находились!

– Хм, – фыркнул Юргенс, – с русскими я познакомился немного раньше тебя, мой дорогой...

– Но если я не ошибаюсь, ты в первом же бою поднял руки и сдался в плен?

– Так надо было... – немного смутившись, ответил Юргенс. – Ванну подполковнику. Быстро! – обратился он к вошедшему служителю.

Ванна оказала благотворное влияние на Ашингера, а бокал вина окончательно привел его в равновесие, и он начал довольно спокойно рассказывать о пережитом.

После третьего бокала подполковник уже с трудом выражал свои мысли; он встал, нервно прошелся по комнате и, чувствуя себя неловко в плохо сидящем на нем штатском платье, опять сел за стол. По его мнению, не надо было связываться с Россией: не надо было лезть в это пекло.

Юргенс пристально посмотрел на подполковника:

– Последнее время тебе стоит только открыть рот, и ты обязательно скажешь какую-нибудь глупость.

– Это не глупость...

– Глупость! У нас еще есть сильнейшее секретное оружие...

– В существование которого ты и сам не веришь! – рассмеялся Ашингер.

Юргенс закусил губу и ничего не сказал. Ему было досадно, что Ашингер говорит то, что он сам думает и чувствует. Ашингер же доказывал, что дело не в оружии, а в том, что к войне с Россией Германия плохо подготовилась. В семидесятом году, перед франко-прусской войной, начальник немецкой полиции Штибер разместил по всей Франции до тридцати тысяч своих людей, преимущественно среди сельского населения. Только по кафе и ресторанам у него насчитывалось девять тысяч женщин-агентов. К началу войны четырнадцатого года в одних гостиницах Парижа немцы имели около сорока тысяч разведчиков, а в России на Германию работало большинство живущих в ней немцев, которых насчитывалось в то время более двух миллионов. А с чем пришли немцы к этой войне? Что они имели в России? И можно ли назвать это хорошей разведывательной сетью? Большевики своевременно нанесли ловкий удар по гитлеровским кадрам. Это не Западная Европа. Там шпионы проникли в армию, в промышленность, в правительство, завладели газетами, стали хозяевами радио.

За окном послышался далекий гул моторов. Шло, видимо, большое соединение бомбардировщиков.

– Не наши, – заметил Юргенс, подойдя к окну и вслушиваясь.

Ашингер побледнел.

Юргенс отошел от окна и рассмеялся.

– Понимай как хочешь, а бомбежек я не выношу, – сказал смущенно Ашингер.

– Понимаю... понимаю, – заметил Юргенс. – Но не будем, дорогой мой, продолжать разговор на эту тему. У меня есть предложение: поедем повеселимся.

Ашингер удивленно посмотрел на своего свояка: серьезно он говорит или шутит?

– В такое время?

– Сегодня мы живы, а завтра... кто знает? Надо брать от жизни все, что она дает...

Особняк стоял в глубине сада, заметенного снегом. От калитки к нему вела хорошо утоптанная узенькая дорожка. Открытый балкон был опутан сетью шпагата, по которому летом, видимо, вился виноград.

Уже стемнело. Юргенс и Ашингер вышли из машины и направились в сопровождении шофера по снежной тропинке к балкону. Здесь Юргенс что-то сказал шоферу и отпустил его.

В комнате, освещенной тремя свечами в подсвечниках, на небольшом круглом столе стояли бутылки с вином, закуска. У стены – кровать, покрытая кружевным покрывалом; в углу – этажерка с книгами. На отдельном столике – радиоприемник.

Ашингер разглядывал комнату и с удовлетворением потирал руки. Это не то, что на фронте.

Юргенс познакомил его с хозяйкой – женщиной лет сорока восьми. Она отрекомендовалась панной Микитюк. Юргенс уточнил, что его знакомая происходит из семьи, раскулаченной советской властью. Очень приветлива с немцами.

Пока Ашингер разговаривал с хозяйкой, Юргенс подошел к приемнику и включил его. Выступал немецкий радиообозреватель – генерал Мартин Галленслебен.

«Погода на Восточном фронте в общем улучшилась, – говорил он, – установился снежный ледяной покров...»

Юргенс досадливо поморщился. Генерал ерунду какую-то болтает. При чем тут снежный покров?

«В районе Ровно и Луцка бои продолжаются...»

– Возмутительно! – не удержался и Ашингер. – И то и другое мы оставили два дня назад.

– Помолчи, – предупредил его Юргенс и отрегулировал настройку.

«Там, где нажим противника был наиболее силен, германские войска продолжали применять оправдавшую себя тактику отрыва от противника... Характерным отличием происходящих оборонительных боев является оставление некоторых территорий, что следует рассматривать как логически необходимое мероприятие...»

– Черт знает, что за эластичные формулировки у этого радиогенерала!

Юргенс прислушался.

«Наше положение является прочным. Мы должны сделать его еще более прочным, укрепить, мобилизуя последние силы».

– Выключи, ради бога! – не утерпел Ашингер.

Юргенс щелкнул переключателем.

Уселись за стол...

В разгар пирушки Юргенс, пользуясь тем, что охмелевший подполковник пригласил панну танцевать, осторожно, кончиками пальцев, извлек из кармана жилета маленькую, хрупкую ампулку и, отломив ее длинную шейку, вылил содержимое ампулы в недопитый бокал Ашингера.

Когда умолк патефон и Ашингер с панной снова сели за стол, Юргенс, деланно улыбаясь, пригласил выпить за здоровье хозяйки. Узкой белой рукой Ашингер взял бокал, поднес его ко рту и... поставил обратно.

Юргенс от волнения чуть прикрыл глаза. А когда открыл их, подполковник уже допивал вино.

– Ну, я поеду. Не скучайте здесь. Рад был бы побыть с вами дольше, да сегодня у меня много неотложных дел.

Улыбаясь, Юргенс распрощался и покинул дом.

В час ночи телефонный звонок разбудил Юргенса. Он с неохотой поднялся с кровати, неторопливо подошел к столу и взял трубку. Говорил начальник гестапо Гунке. Он сообщил, что некая Микитюк, женщина без определенных занятий, отравила подполковника Ашингера. В качестве вещественного доказательства на месте происшествия под столом была обнаружена пустая ампула из-под сильнодействующего яда. Имеются подозрения на ее связь с партизанами.

## 17

Сильная боль в пояснице вынудила Никиту Родионовича лечь в кровать. Все хлопоты, которые обычно распределялись между обоими друзьями, теперь взял на себя один Андрей. Предстояло много дела. Прежде всего надо было сходить к Денису Макаровичу и согласовать с ним текст радиogramмы на Большую землю, потом повидаться с Игнатом Нестеровичем и выяснить, в какое время он заступит на дежурство в пекарне, передать Леониду Изволину радиogramму, а Заломину и Повелко – кое-что из продуктов.

Грязнов любил такие дни. Обилие работы поглощало его целиком: он забывал про еду, про отдых, про необходимость готовиться к занятиям. После операции в Рыбацком переулке он оживился и с еще большим рвением стал выполнять поручения группы.

Выслушав указания Ожогина, Андрей торопливо вышел из дому. Ему хотелось самостоятельно решить стоящие перед ним вопросы. При Никите Родионовиче, внешне всегда спокойном, он чувствовал себя мальчишкой, школьником, робко высказывал свою точку зрения, иногда терялся. С первых же дней их совместного пребывания в городе – да, пожалуй, еще раньше, по пути в город – он почувствовал влияние Никиты Родионовича. После сближения с Ожогиным он часто начинал смотреть на вещи глазами друга. «И всегда Никита Родионович остается прав», – размышлял Андрей.

Андрей так увлекся своими мыслями, что не заметил, как его догнал Изволин.

– Сколько ни думай, пороха не выдумаешь, – приветливо улыбнулся старик. – Куда направился?

– К вам, Денис Макарович. А вы откуда в такую рань?

– Мое дело стариковское... Ревматизм донимает, сидеть не дает. Вот и прогуливаюсь.

Андрей понял, что Изволин уклоняется от ответа. Денис Макарович не из тех, кто будет чуть свет бесцельно бродить по городу.

У Изволиных на дверях висел замок. Денис Макарович, побряхтывая, нагнулся, пошарил рукой под плинтусом и извлек из щели ключ.

– А где же Пелагея Стратоновна? – поинтересовался Андрей.

– Не ведаю...

С содержанием радиogramмы Денис Макарович согласился. В ней сообщались собранные разведданные.

– Игната сейчас дома нет, – предупредил Изволин. – Ты иди к Заболотько и подожди его. Он туда явится.

– Хорошо, – ответил Андрей. – Мне им, кстати, кое-что передать надо. – И он показал на сверток.

– Ты подробности насчет Тряскиной слышал? – спросил Изволин.

– Знаю только, что она была ранена, что два раза был у нее в больнице начальник гестапо Гунке: подробно расспрашивал, велел поместить в отдельную палату. Не будь ранений, Тряскина, очевидно, так и не выкрутилась бы. А Родэ? Наповал? – в свою очередь поинтересовался Грязнов.

– Наповал! – махнул рукой Денис Макарович. – Игнат вlepил в него три штуки.

Единственный сын Игната Нестеровича Тризна Вовка, в котором и мать, и отец не чаяли души, болел брюшником и лежал сейчас в нетопленной комнате. Сама Евгения Демьяновна готовилась снова стать матерью. За ее здоровье Тризна опасался. Евгения Демьяновна часто теряла сознание и подолгу не приходила в себя: сказывались голод, нужда и вечные волнения, вызванные боязнью за мужа, шедшего на самые опасные предприятия.

Игнат Нестерович и Андрей стояли у постели больного. Малыш бредил. Его ввалившиеся щеки пылали жаром, глаза напряженно, но бессмысленно перебегали с одного предмета на другой. Вовка то и дело высвобождал из-под одеяла худые руки, силился встать, но Игнат Нестерович укладывал его на место и укрывал до самой шеи.

– Спи, карапуз мой... закрой глазки, родной...

Мальчик опять сбрасывал одеяло, бормотал что-то про скворцов, жаловался на убежавшего из дому кота Жулика, просил пить...

Бледная, едва стоявшая на ногах Евгения Демьяновна поила его с ложечки кипяченой водой.

– Женя скоро ляжет в больницу. Кто же с Вовкой останется? – сокрушался Тризна. – Придется, видимо, отнести к деду.

Дед – отец Евгении Демьяновны, шестидесятидвухлетний старик, разбитый параличом – жил недалеко от них в собственном домике. Тризна не раз упрашивал старика оставить домишко и перебраться к нему, но тот наотрез отказывался. «Тут моя подружка померла, – говорил он, – тут и я богу душу отдам».

– Сможет ли он за Володей ухаживать? – с сомнением покачал головой Грязнов.

– Дать лекарство и покормить сможет. Старик он заботливый и по дому без посторонней помощи передвигается... Ну, что же, полезем к Леониду, – вздохнув, предложил Игнат Нестерович. – Женя, пойдй к калитке, посмотри...

Леонид Изволин обрадовался приходу Андрея, так как давно уже его не видел.

– Какой тебя ветер принес? – крепко пожимая Грязнову руку, спросил он.

– Дела привели.

Андрей уселся на жесткую койку Изволина и только тут заметил стопку уже отпечатанных и окаймленных аккуратной узенькой рамкой листовок.

«В Полесской области, – прочел Андрей, – гитлеровцы полностью уничтожили населенные пункты: Шалаши, Юшки, Булавки, Давыдовичи, Уболять, Зеленочь, Вязовцы. В Пинской области только в трех районах сожжено сорок три деревни и умерщвлено четыре тысячи стариков, женщин и детей. В селе Большие Милевичи фашисты убили восемьсот человек, в Лузичах – семьсот, в деревне Хворостово в церкви во время служения были сожжены все молящиеся вместе со священником...»

– Мерзавцы! – прерывая чтение, прошептал Грязнов. – А насчет освобождения Новгорода, Красного Села и Гатчины тебе известно?

– Конечно. У меня же связь с Москвой.

– А насчет второго фронта что там, в эфире, слышно?

Кожа на лбу Леонида собралась в морщинки.

– Пока ничего... Но мы как-нибудь одолеем Гитлера и без союзников, – добавил он.

– Безусловно одолеем. – Андрей вынул текст телеграммы и передал ее Леониду: – На сегодняшний сеанс.

Изволин быстро пробежал текст глазами и, присев к столику, начал зашифровывать.

Андрей осмотрел погреб. Все было по-прежнему: в нишах лежали взрывчатка, боеприпасы, капсюли, запальный шнур; на стене висели винтовка и автоматы. Только в углу он заметил что-то новое. Там стояли большие кумачовые флаги на длинных древках.

– Для чего это? – полюбопытствовал Андрей, обращаясь к Тризне, сидевшему рядом с ним.

Но ответа не последовало. Игнат Нестерович, упершись локтями в колени, и положив голову на руки, казалось, дремал. Его большие, широко открытые глаза смотрели в одну точку. Может быть, он размышлял о сыне, мечущемся в жару, или о жене, подавленной нуждой и горем. «Совсем плохо», – подумал Андрей и отвернулся.

В глубокой тишине слышалось только постукивание ключа передатчика. Леонид принял две телеграммы и передал одну.

– Все! – сказал он наконец и сбросил с головы наушники. – Теперь расшифруем, что говорит Большая земля.

Игнат Нестерович встряхнулся и обвел глазами погреб.

– Давай закурим, – предложил он Андрею. Грязнов достал пачку немецких сигарет и подал их Тризне. Тот поморщился и брезгливо отодвинул.

– Возьми кисет под подушкой! – рассмеялся Леонид. – Вот уж привык к махорке...

Андрей встал, достал кисет с самосадом и подал его Тризне. Тот скрутил большую цыгарку и собрался закурить, как вдруг раздался радостный возглас Леонида:

– Братцы! Товарищи!

Тризна и Грязнов насторожились и вопросительно посмотрели на Изволина.

– Это же праздник! Настоящее торжество!

– Что такое? Читай! – резко сказал Игнат Нестерович.

– Без ведома «Грозного» расшифровываю военную тайну. Слушайте! «Грозному точка По вашему представлению награждены двоекочие орденом Красного Знамени тире Тризна Игнат Нестерович, орденами Красной Звезды тире Повелко Дмитрий Федорович и Заломин Ефрем Власович точка Вольный точка».

Игнат Нестерович встал, выпрямился во весь рост, сделал несколько шагов и тут же, схватившись за грудь, опустился на топчан, стараясь сдержать кашель.

Леонид и Андрей перепугались. Изволин подбежал к другу и наклонился над ним:

– Игнат... родной...

– Подожди, Леня... подожди... – Игнат Нестерович говорил глухо, прерывисто.

Приступ был тяжелый, мучительный. Бессонные ночи, напряженная работа окончательно подорвали здоровье Игната Нестеровича.

Наконец он поднялся и сел на кровати, судорожно глотнув воздух. Леонид и Андрей уселись по бокам. Игнат Нестерович с трудом перевел дух и обнял друзей:

– Нет, это еще не конец! В такой день умирать нельзя, мои славные ребята! Мы еще поборемся!

Он встал, прошелся по погребу и уже своим обычным тоном спросил, что пишут во второй телеграмме.

Леонид ответил:

– Сегодня в двадцать три часа советская авиация будет бомбить железнодорожный узел.

## 18

Доктор не разрешил Никите Родионовичу подниматься с постели. Все книги, которые нашлись на полках шкафов, были перечитаны, но и это занятие надоело. В последнее время все чаще возникали думы о брате.

На Большую землю послали две радиограммы, объясняющие положение дела. Их, конечно, поняли и приняли меры. «Гостя» встретят, как полагается. Константин, вероятно, уже все знает и поможет устроить посланцу Юргенса достойный прием.

Никита Родионович улыбнулся при мысли о том, что Юргенс и на этот раз просчитался. Да, многого Юргенс не знает.

Не знает он, что отец и мать Никиты Родионовича были честными советскими людьми и вместе с двумя сыновьями до двадцать второго года жили здесь, в этом городе, а затем переехали на Украину, где их и застала война. Старики погибли одновременно: машина, на которой они эвакуировались из Харькова, попала под бомбежку.

Младший брат Никиты Родионовича, Константин, после ранения на фронте попал в Ташкент. Последнее письмо от него Никита Родионович получил перед самой выброской в тыл врага, к партизанам. Константин сообщал, что левая рука его не сгибается – поврежден локтевой сустав, поэтому пришлось остаться в тылу и опять взяться за геологию.

Вошел Андрей.

– Никита Родионович! – прошептал он над его ухом. – Чрезвычайные новости!

Не раздеваясь, Андрей сел на диван и рассказал о награждении товарищей. Никита Родионович вскочил и сделал несколько шагов по комнате:

– У меня, кажется, и спина перестала болеть!

– Ну, в это я не поверю. Придется вам еще полежать в постели... А я побегу к товарищам – поздравлю и предупреджу о визите наших летчиков.

Противовоздушная оборона гитлеровцев узнала о приближении советских бомбардировщиков, когда они были еще на подходе к городу. Их встретили зенитным огнем. Но самолеты уверенно шли к цели.

Осветительные ракеты повисли над вокзалом. В воздухе зазвенело, зарокотало.

Грязнов, подошедший к дому Юргенса, чтобы сообщить Кибицу и Зоргу о том, что Ожогин на занятие не придет, застыл в недоумении: из ворот вылетела на полном ходу легковая автомашина. За ней последовали вторая, третья. Когда ворота закрылись, часовой, узнавший Грязнова, сказал:

– Никого нет. Разбежались.

Андрей удивленно пожал плечами и повернул назад. На углу улицы, у пекарни, его нагнал Игнат Нестерович.

– Нам нечего бояться. Город не будут бомбить... Идем ближе к вокзалу – посмотрим, что там делается, – шепнул он Грязнову.

Прижимаясь к стенам домов, чтобы не попасть под осколки зенитных снарядов, Тризна и Грязнов заспешили к вокзалу.

Когда они добежали до здания Госбанка, где размещалось гестапо, к воротам подкатила крытая, окрашенная в белый цвет машина с заключенными. Из кабины выскочил гестаповец и, ругаясь, забарабанил кулаками в железную обшивку ворот. Вопреки установленным порядкам, ворота не открыли. Поразмыслив секунду, гестаповец вошел в парадное и скрылся в помещении. Вылез, не заглушив мотора, и шофер. Боязливо поглядывая в небо, он спрятался в нишу у ворот.

Решение пришло мгновенно. Игнат Нестерович одним прыжком оказался около шофера и, схватив его обеими руками за шею, свалил на мерзлую землю.

– Утонишь машину? – бросил он отрывисто Андрею.

Андрей торопливо кивнул головой. Мгновенно забрались в кабину. Грязнов включил сцепление и пустил машину полным ходом. Сзади раздались крики, затем выстрелы. Вдруг Андрей почувствовал обжигающую боль в плече и увидел кровь, струйками бегущую из рукава. Крепко стиснув зубы, он рывком поднял руку и положил на руль.

Машина неслась по улицам города на бешеной скорости. Тризна указывал направление: направо, потом налево, еще поворот, еще один... Шумно дыша, он нечаянно схватил Грязнова за раненую руку. Андрей вскрикнул и, скрипнув зубами, со стоном проговорил:

– Осторожнее... что ты!

Машина опять повернула налево, пошла прямо, потом повернула направо. На полном ходу влетев во двор на краю города, она сбила небольшой деревянный столб, вкопанный в землю, и встала у кирпичной стены.

Игнат Нестерович выскочил из кабинки и, взглянув на дверку тюремной машины, окликнул Грязнова. Андрей с трудом вылез из кабины. Его пошатывало от потери крови.

– Эй! – крикнул Грязнов и застучал кулаком здоровой руки в стенку кузова. – Ломайте изнутри! Бейте!

– Не поможет! – с досадой проговорил Тризна.

Но это помогло. Внутри машины раздался шум, глухие удары, и наконец задняя стена целиком отвалилась. Из кузова выпрыгнули один за другим девять мужчин.

– Спасайтесь! – глухо крикнул им Игнат Нестерович. – Спасайтесь, не медлите!

– Спасибо, братцы!

Люди горячо благодарили Грязнова и Тризну. В районе вокзала ухали разрывы бомб, и огромное зарево освещало город, превращая ночь в день.

## 19

Член бюро областного комитета партии, коммунист «Грозный» до войны был в этом городе всего один раз, и, собственно, это обстоятельство и позволило оставить его для организации подпольной борьбы с фашистскими захватчиками.

«Грозный» имел среднее медицинское образование и после оккупации города без особых трудов устроился техником-рентгенологом на немецкий рентгенологический пункт, обслуживавший ряд военно-полевых госпиталей.

Жил он вместе с женой и трехлетней дочерью на окраине города, на берегу реки. Гитлеровцы считали его уроженцем города Тамбова, попавшим в здешние края в начале войны, во время возвращения из отпуска, проведенного на Рижском взморье.

Настоящая фамилия «Грозного» была известна лишь четырем руководителям самостоятельных подпольных групп, и в их числе Денису Макаровичу Изволину.

Поэтому, когда «Грозный» изъявил желание увидеть Ожогина, Денис Макарович несколько удивился. Произошло это на второй день после бомбежки вокзала и ранения Грязнова. Может быть, «Грозный» хочет выслушать соображения Ожогина о рации, с которой орудует Леонид? Ведь Денис Макарович докладывал «Грозному» точку зрения Ожогина. Или, может быть, «Грозный» решил включить Ожогина и его друга в активную работу подполья?

...Никита Родионович шел по городу, уже окутанному сумерками, и старался не потерять из виду Игорька.

Никита Родионович радовался, что увидит наконец того, кто держит в своих руках все нити боевой работы патриотов города.

Игорек задержался на углу улицы, повозился со своими ботинками и тронулся дальше лишь тогда, когда расстояние между ним и Ожогиным значительно сократилось. Никита Родионович сообразил: видимо, цель недалеко.

Вдруг Игорек исчез.

«Куда же он пропал?» – подумал Ожогин, но, не сбавляя шага, пошел дальше.

– Пройдите вперед и вернитесь. Дверь будет открыта, – раздался из дверной щели небольшого, крытого тесом дома голос мальчика.

«Умница! – подумал Никита Родионович. – Прекрасно усвоил конспирацию. Просто молодчина!»

Ожогин прошел до перекрестка, повернул обратно. Впереди виднелась одинокая женская фигура. Но вот исчезла и она. Никита Родионович сделал вид, что поскользнулся, и оглянулся назад – никого. Он открыл дверь и натолкнулся на Игорька.

– Там никого нет? – мальчик показал рукой на улицу.

– Никого.

– Тогда я пошел, – и Игорек шмыгнул за дверь.

Никита Родионович остался один в темном коридоре, не зная, как поступить: закрыть ли дверь или оставить, как она была, открытой.

В это время из дома вышла женщина со свечой в руках:

– Проходите в комнату, я сама закрою.

Дом состоял из двух небольших комнат. Во второй комнате около стола сидел мужчина.

При появлении Никиты Родионовича он встал:

– Товарищ Ожогин?

– Так точно.

– Садитесь. Если курите – курите. Я через минутку освобожусь... Давай, Зина, закончим, – обратился он к вошедшей в комнату женщине. – На чем мы остановились?

Только сейчас Никита Родионович заметил на столе портативную пишущую машинку.

Молодая женщина – видимо, жена «Грозного», – с гладко зачесанными назад светлыми волосами, присела к столу, всмотрелась в лист бумаги, заложенный в машинку, и сказала:

– «...каждый, способный держать в руках оружие...»

– Так, пиши дальше, – заметил «Грозный» и начал диктовать текст листовки.

Никита Родионович воздержался от курения и внимательно разглядывал «Грозного».

Вот он каков, руководитель борющихся в подполье советских людей! Откровенно говоря, он ожидал встретить рослого, сильного, широкоплечего человека. «Грозный» же, пожалуй, даже ниже его ростом, со слегка посеребренной головой. Темные продолговатые глаза спокойны и глубоко. Говорит грудным, мягким голосом, не понижая и не повышая его.

Когда окончилось печатание листовки, Зина накрыла машинку чехлом и вышла. «Грозный» зажег спичку, спалил несколько листов копирки, завернул пепел в клочок газеты и положил у лампы.

– Ну, я схожу? – спросила женщина, вернувшись в комнату.

– Сходи, Зина.

Женщина накинула на себя легонькое, совсем не зимнее, серое пальто, повязала голову шалью и, засунув в рукав стопку листовок, удалилась.

«Грозный» привел в порядок стол, убрал чистую бумагу и прикрыл дверь в первую комнату, выходящую окнами на улицу. Потом сел напротив Никиты Родионовича и спросил:

– Как по-вашему, Юргенс умный разведчик?

Начало разговора было необычным.

– Скорее всего, умный, – ответил Ожогин.

– Тогда зачем же вы ведете себя так, будто считаете его идиотом?

Ожогину стало не по себе. Он отвык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

– Вы, надеюсь, поясните свои слова?

«Грозный» ответил не сразу. Он как бы ощупывал собеседника глазами. Никита Родионович не выдержал его взгляда и потупился.

– Запомните раз и навсегда, – начал «Грозный», – поведение любого разведчика определяется заданием. Если разведчику сказали: смотри и слушай, он должен делать только это. Если перед ним стоит задача взорвать объект врага, он обязан все силы отдать этой цели и не

отвлекаться другими делами. Если разведчику сказали достать «языка», – он должен все свои действия подчинить этой задаче. Ясно?

Никита Родионович кивнул головой. Он уже начал догадываться, к чему сведется разговор. Недаром он все время старался сдерживать Андрея.

– Человек, не понимающий этой простой истины, – продолжал «Грозный», – никогда не сможет быть разведчиком. Он погубит и себя, и людей, и дело, ему порученное. Мы не пошлем разведчика-радиста уничтожать эсэсовцев, ибо он тогда не сможет выполнять свою основную задачу. Мы не поручим Изволину взрывать электростанцию, так как ему определен иной круг обязанностей. Мы не заставим Тризну сидеть на одном месте и быть радистом-подпольщиком – этим занимаются другие товарищи... Зачем вас и Грязнова направили в разведывательный пункт Юргенса?

Ожогий ответил, что их задача заключается в том, чтобы закрепиться у Юргенса, выявить вражескую агентуру, по возможности выведывать замыслы военной разведки, собирать разведывательные данные, интересующие партизан и Большую землю.

– И все? – строго спросил «Грозный».

– Да, все.

– А чем вы занимаетесь?

Никита Родионович промолчал, и «Грозный» продолжал:

– Как вы скрыли от Юргенса, при каких обстоятельствах был ранен Грязнов?

– Объяснили, что это произошло в ночь налета русской авиации. Грязнов попал под пулю патруля, предназначенную для кого-то другого. Ранение оказалось легким. Грязнов уже на следующий день стал ходить.

Но ответ Ожогина не удовлетворил «Грозного»:

– Кто вас просил посылать Грязнова с Тризной на ликвидацию Родэ? Чего ради Грязнов уселся за руль арестантской машины? Хорошо, что пуля угодила ему в руку, а не в голову. Ведь это просто случай. А кто был в машине, Грязнов и Тризна знали? Может быть, там сидели уголовники! Хотя вы и сказали мне, что не считаете Юргенса дураком, но ваши дела опровергают это. Оказывается, он глупец, а вы умники... Недалеко смотрите, товарищ Ожогин, очень недалеко! Время такое, что надо смотреть дальше.

«Грозный» говорил спокойно, ровно, не повышая голоса.

– От имени партии я запрещаю вам вмешиваться в боевую работу. Ясно?

– Да, – ответил Никита Родионович. Он чувствовал всю правоту руководителя подполья.

– Мы знаем вас, товарищ Ожогин, и вашего друга как настоящих коммунистов, выполняющих важное задание, а поэтому не допустим, чтобы вы занимались не тем, чем вам следует заниматься. Ваша роль четко определена; ведите ее, свыкайтесь с ней, не обращайтесь за помощью, что иногда чешутся руки. Хотите помочь советом – пожалуйста; возникнет острая необходимость встретиться с товарищами из подполья – пожалуйста, но будьте осторожны, не забывайте, что вы не в лесу, а в городе.

«Грозный» встал. Ожогин тоже поднялся, считая, что беседа окончена.

– Вы торопитесь? – спросил «Грозный» и взглянул на висевшие на стене «ходики».

Никита Родионович также перевел глаза на часы и сказал, что временем располагает, до занятий еще более часа.

– Если так, то посидите.

«Грозный» прошелся по комнате, открыл дверь во вторую, прислушался, потом закрыл и сел на прежнее место.

– Там дочурка спит, – сказал он и улыбнулся.

– Большая?

– Нет. Самый большой возраст – три года...

Много вопросов можно было задать «Грозному», человеку, посвятившему себя работе, полной опасности и лишений. Хотелось бы узнать, как он живет, в чем нуждается, куда отправилась его жена.

– Вам сколько лет? – спросил вдруг «Грозный».

Ожогин ответил.

– О, да мы с вами ровесники!.. Ну, а теперь давайте побеседуем насчет работы радиостанции Леонида Изволина. Вы считаете, что держать ее там нельзя?

Никита Родионович изложил свою точку зрения. Он по-прежнему считает, что на стационарном положении рация безусловно будет запеленгована и обнаружена. И не спасет даже то обстоятельство, что передачи на ней проводятся редко. У гитлеровцев она, видимо, давно на учете. Еще два-три сеанса, и Леонида накроют.

– Да, вы правы, – заметил «Грозный». – Придется ограничиться только приемом и в эфире не появляться.

– Но у меня возник один вариант... Разрешите?

«Грозный» немного прищурил свои умные, внимательные глаза. Ему нравился Ожогин. Впечатление о нем после знакомства совпало с представлением, которое сложилось у него со слов Изволина. Такие люди могут идти уверенно к цели и добиваться ее. Такой человек может быть разведчиком. А ошибки бывают у всех.

– Я вас слушаю, – произнес «Грозный».

Никита Родионович высказал свою мысль.

Под домом Юргенса сделан подкоп. Ожогину прекрасно известно расположение комнат. Там есть несколько нежилых. Подкоп надо усовершенствовать с таким расчетом, чтобы радиостанцию водворить под одну из нежилых комнат, а Леонида определить на жительство в пекарню под видом рабочего. Под домом Юргенса на рации можно работать более спокойно. В случае запеленгирования нити приведут к дому Юргенса, и этим все дело окончится, так как те, кто занимается пеленгацией, безусловно, осведомлены, что у Юргенса есть радиоцентр и несколько тренировочных станций. А аппарат Юргенса рацию не сможет обнаружить, поскольку не располагает средствами пеленгации.

– Под дом Юргенса? Интересно! Очень интересно! – «Грозный» ходил по комнате и как бы рассуждал сам с собой. – Правильно... Риск оправданный. Пожалуй, мы осуществим это.

Когда Никита Родионович стал прощаться, «Грозный» задержал его руку в своей и, глядя в глаза, сказал:

– Вот видите, умный совет порой дороже иных подвигов, хотя угон машины я и не считаю подвигом. Да и с Родэ можно было управиться без участия вашего друга. Уж если быть откровенным, то я могу сознаться, что иногда и мне хочется взять в руки гранату или пистолет и пойти вместе с Тризной. Есть такое желание, но мы все – и я, и вы – должны помнить, на что нас поставила партия. Вот так... А теперь всего хорошего. Желаю успеха...

## 20

Единственная в городе больница находилась на бывшей улице Чехова. Чтобы добраться до нее, Игнату Нестеровичу надо было пересечь весь город.

Ночь Игнат Нестерович провел беспокойно. Он не спал: то неподвижно сидел у опустевшей кровати сына, то ходил из угла в угол, то молчаливо смотрел в окно. Уже под утро, примостившись на жестком деревянном диване, он попытался забыться. Но сон не приходил, сердце тревожно билось, грудь болела. Игнат Нестерович думал о сыне, о жене. Евгения Демьяновна вторые сутки лежала в городской больнице и, возможно, сегодня уже родила. Вчера она чувствовала себя плохо, очень плохо, но Игнат Нестерович все-таки надеялся, что роды пройдут благополучно.

В неприветливой, с облезлыми стенами приемной Тризну встретила дежурная сестра. Он назвал свою фамилию и попросил узнать, родила ли его жена. Сестра внимательно посмотрела на Игната Нестеровича, словно что-то припоминая, потом предложила ему сесть.

– Я позову доктора Шпигуна.

Тризна опустился на низкую широкую скамью и, откинувшись на спинку, вытянул вперед длинные ноги. С истоптанных сапог на каменный пол стекала вода, образуя лужи. Игнат Нестерович смотрел на сапоги, на лужи и думал о докторе Шпигуне. Позавчера он запросил с Игната Нестеровича большую плату за то, что принял к себе Евгению Демьяновну. Больница Шпигуна была в городе единственной, и Тризне пришлось согласиться, хотя он не знал, чем будет расплачиваться.

Нехорошие слухи ходили про Шпигуна по городу. Говорили, что с его помощью врачигитлеровцы производят таинственные эксперименты над советскими военнопленными, что по его инициативе в села и деревни, расположенные в партизанской зоне, завозят вшей, снятых с тифозных больных, что Шпигун оформляет актами все «непредвиденные» смерти в застенках гестапо.

Игнат Нестерович помнил жаркий августовский день сорок первого года, когда из немецкой комендатуры его послали на медицинский осмотр. Тогда Шпигун сказал Тризне: «В Германию вас не пошлют, жить вам осталось года два – не больше...»

Вошла дежурная сестра, а за ней Шпигун. Увидев лужи вокруг ног Тризны, он сделал брезгливую гримасу и, не поднимая головы, сказал:

– Сам дохлый, жена дохлая, а еще вздумали плодить потомство! Незачем было и приводить ее. Она еще вчера вечером, задолго до родов, отдала богу душу.

Игнат Нестерович поднялся со скамьи. Стало нестерпимо душно, тяжело. Чтобы не упасть, он вцепился рукой в спинку скамьи.

– Я же вас предупреждал, – сдерживая себя, сказал Тризна. – Вы могли ее спасти...

– А зачем? – злобно проговорил Шпигун. – Толк от этого какой? Не вчера, так во время родов, все равно.

Тризна вздрогнул. Злоба и ненависть вспыхнули с новой силой, и он тяжело пошел на попятившегося Шпигуна...

Вечером к Ожогину и Грязнову прибежал Игорек. Глаза его были заплаканы.

Пользуясь отсутствием хозяйки, Никита Родионович увел мальчика в коридор и быстро развернул листок бумаги: «Я погиб и погубил дело. Спасайте Леонида и присмотрите за сыном. Домой ко мне не заходите – там засада. Тризна».

– В чем дело, Игорек? Что случилось?

Игорек рассказал то, что слышал от взрослых: тетя Женя умерла в больнице, а Игнат Нестерович, узнав об этом, убил доктора, и теперь его разыскивают.

– Где Игнат? – с тревогой спросил Ожогин. Игорек ответил, что сейчас Тризна лежит у Заболотько и ни с кем не разговаривает.

– Денис Макарович знает об этом?

– Да.

Дело произошло так. Мальчик нес радиogramму Леониду. Войдя во двор Тризны, он столкнулся в дверях дома с гитлеровцами. Чтобы не вызвать подозрений, Игорек притворился нищим и, сняв шапку, попросил хлеба. Немец дал ему пинка ногой и выгнал.

Уже по пути к Изволину Игорек встретил Игната Нестеровича, рассказал ему обо всем, и они вместе пошли к Заболотько. По просьбе Игната Нестеровича Игорек сбегал к Изволину и сообщил ему обо всем случившемся...

– Дядя Игнат очень просил посмотреть за Вовкой, – добавил Игорек и расплакался.

– Ну что же ты плачешь? – Ожогин растерянно погладил мальчика по голове.

Отпустив Игорька, Никита Родионович рассказал обо всем Андрею и зашагал в волнении по комнате. Прежде всего, видимо, нужно было выяснить подробности.

– Пойду к Изволину, – сказал он. – Подумаем вместе...

Андрей остался один. Рана его быстро заживала. Юргенс поверил рассказу о том, что Андрей был ранен около самого дома в ночь налета советской авиации, и даже трижды присылал на квартиру врача-немца, который делал Грязнову перевязки.

Постояв в раздумье около окна, Андрей вернулся к столу и развернул тетради Никиты Родионовича с записями по радио и разведке. Надо было взять себя в руки и подготовиться к занятиям.

Изволина дома не оказалось. Ожогина встретила Пелагея Стратоновна. Она сообщила, что Денис Макарович только что ушел к Заболотько.

– Ничего не сказал и ушел. И вообще, смутный он сегодня какой-то. Видно, что на душе у него кошки скребут, а молчит. Молчит и вздыхает.

– Это вам, наверно, показалось. Все идет хорошо, – попытался рассеять подозрения женщины Никита Родионович. – Советская Армия освободила Ровно, Луцк, Шепетовку. Вести радостные...

– Так-то оно так... – ответила Пелагея Стратоновна и смолкла.

Ожогин уже собрался уходить, когда она сообщила новости о Варваре Карловне. Тряскина выздоравливает. Всё книги читает да про Ожогина спрашивает: как там Никита Родионович да почему он не придет проведать ее.

Ожогин подумал, что придется действительно как-нибудь сходить к Варваре Карповне и поговорить с ней.

Простившись с Пелагеей Стратоновной, Никита Родионович поспешил к Заболотько.

Там были Тризна, Повелко, Заломин, мать и сын Заболотько. Игнат Нестерович неподвижно лежал на большой скамье. У него только что был тяжелый приступ. Анна Васильевна вытирала с пола кровь.

Всех мучил один вопрос: что делать? Укрыть Тризну в доме Заболотько не составляло никакого труда. Где находилось двое, там мог поместиться и третий. Это полдела. Другой вопрос: как отвести угрозу от Леонида Изволина, от радиостанции подпольщиков, от хранилища документов, оружия, взрывчатки?

Ожогин высказал мысль, что все будет зависеть от того, как долго намерены гестаповцы сидеть в засаде.

– Они будут ожидать Игната, – сказал Изволин.

– Его они не дождутся, – добавил Повелко.

– Дождутся! – громко проговорил Игнат Нестерович и, приподнявшись, сел на скамью. – Дождутся! Выслушайте меня спокойно, – сказал он и вытянул руку вперед, как бы предупреждая возможные возражения.

Все переглянулись.

Тризна с полминуты посидел молча, собираясь с мыслями, затем встал:

– Выход есть. Сейчас я пойду домой, и к утру там от гестаповцев и следа не останется.

– Не понимаю, – сказал Ожогин.

– Чего же тут непонятного! – с нескрываемой досадой проговорил Игнат Нестерович. – Гестаповцам нужен я, и я явлюсь.

Стало тягостно тихо. Всем было ясно, что пожертвовав собой, Тризна хочет спасти Леонида. Гитлеровцы схватят Игната Нестеровича, произведут, на худой конец, обыск в доме и уйдут.

– А ты подумал о том, кто тебе разрешит так поступить? – сурово спросил Денис Макарович. – За кого же ты нас принимаешь?

– Я обязан так поступить, – быстро заговорил Игнат Нестерович. – Вы, наконец, сами должны заставить меня это сделать. Я совершил ошибку и должен исправить ее. Мне недолго жить... Вы же сами знаете...

Он встал, подошел к стене и, сняв с гвоздя ватник и шарф, стал одеваться.

– Пока я и мои друзья живы, этому не бывать! – резко сказал Денис Макарович и взял Тризну за руку.

– Правильно, – поддержал Никита Родионович. – Будем искать другой выход.

– И найдем его, – добавил Повелко.

Игнат Нестерович стоял, опустив голову.

– Ждать нет времени, – заговорил он хрипло. – Катастрофа может произойти каждую минуту. Если не разрешите, я сделаю сам, как подсказывает совесть. Я же не брал у вас санкции убивать Шпигуна...

– Это не довод, – прервал его Никита Родионович. – Возможно, что на твоём месте всякий другой поступил бы так же. Сейчас об этом судить трудно.

– Не знаю... не знаю... – замотал головой Тризна и тихо добавил: – Я пойду... Я вас понимаю... хорошо понимаю... Но другого выхода нет, и вы его не найдете. А если и найдете, то будет поздно. Я думаю...

Он не окончил фразы. Ватник и шарф выпали из рук. Горлом хлынула кровь. Его подхватили под руки Ожогин и Повелко, но удержать не смогли. Тризна упал на колени, закрыл руками рот.

Друзья подняли его и перенесли в соседнюю комнату. Анна Васильевна выбежала во двор и вернулась с миской, наполненной снегом, но было уже поздно.

– Товарищи... Вовка... Простите... – выдохнул Игнат Нестерович и затих.

Утром к Леониду никто не спустился, не принес хлеба и кипятку, не передал радиogramмы. Это было необычно. Леонид попросил Большую землю перенести сеанс на полдень. Не пришел Игнат Нестерович и в полдень. Сеанс перенесли на вечер. Леонид волновался не на шутку. Что могло произойти? Ему было известно, что Евгения Демьяновна в больнице, что Вовка у деда, дома один Игнат. Но куда он девался? Какие причины вынудили его забыть о Леониде, сорвать работу?

Как и большинство людей, проводящих время в одиночестве, Леонид разговаривал сам с собой вслух.

– Неужели попался? – размышлял Изволин. – Не может быть! На время болезни жены и сына отец запретил Тризне заниматься боевыми делами. Тогда в чем же дело? Может быть, заболел, лежит в пекарне или у Заболотко?

Леонид с тревогой ожидал наступления темноты. Стрелка на часах подошла к восьми, но ни Игната Нестеровича, ни обычных сигналов не последовало. Леонид начал нервничать. Он включил приемник и надел наушники. Долго вертел регулятор настройки, но так и не мог унять растущего беспокойства.

«А если он лежит дома и с ним так плохо, что он не может встать? Чего же я жду? Может быть, ему самому нужна моя помощь?» – вдруг подумал Леонид.

Дважды Леонид сам выбирался наружу. В обоих случаях все сошло удачно. Собственно говоря, выйти из погреба не составляло особого труда: надо было только приподнять тяжелое творило, сдвинуть с него будку с Верным – и выход открыт. Другое дело – обратное возвращение. Тут без помощи Игната Нестеровича или Евгении Демьяновны Леонид никогда не обошелся. Они водворяли на место собачью будку и закрывали творило.

Терзаемый сомнениями и думами, Леонид вышел в переднюю часть погреба, отделенную дверью, поднялся по лестнице, приложил ухо к творилу и прислушался. Ничто не нарушало тишины. Леонид осторожно нажал головой на творило – оно легко подалось, и образовалась узкая щель, в которую он просунул кисти рук. Повеяло холодом. Леонид опять вслушался:

по-прежнему тихо. Сквозь щель были отчетливо видны снежный покров, часть неба с яркими звездами и кусочек дома – самый угол.

– Верный! Верный! – шепотом позвал собаку Леонид, но она не шла на зов и ничем не обнаруживала своего присутствия.

Послышался шорох, будто кто-то прошел мимо. Видимо, Верный был где-то недалеко. Леонид позвал собаку громче. По-прежнему тишина.

Он постоял еще несколько минут, вдыхая ночной морозный воздух и чувствуя, как щемящий холодок проходит через руки во все тело. Он хотел уже приподнять творило и выбраться наружу, но раздумал и решил подождать.

Прошло еще пять напряженных минут. Нигде ни шороха, ни стука, ни голоса. Далеко-далеко пролаяла собака, ветерок донес гудок маневрового паровоза...

Руки уже начинали застывать, по телу пробежала дрожь.

«Чего же я жду? Так можно и всю ночь простоять», – подумал Леонид. Он поднялся еще на ступеньку, уперся головой в творило, и оно повалилось на скатившуюся собачью будку. Леонид высунулся до пояса – он захотел осмотреться, но не успел: что-то тяжелое обрушилось на его голову. На мгновение мелькнули перед глазами звездное небо, двор, покрытый снегом, потом все рассыпалось на мириады огней...

## 21

Уже вечерело, когда к дому Юргенса подкатил окрашенный в белый цвет лимузин. Шофер резко затормозил и, не выключая мотора, открыл дверцу.

Из машины вышел Марквардт. На нем были пальто с меховым воротником и меховая шапка.

Появление шефа было для Юргенса неожиданным. Гость застал Юргенса в кабинете, где тот, сидя за столом, делал записи в блокноте.

Марквардт был серьезен и холоден.

– Надеюсь, вы догадываетесь о причине моего внезапного визита? – не ответив на приветствие Юргенса, заговорил он официальным тоном.

Тревога возникла мгновенно, и Юргенсу стоило усилий скрыть ее. Он попытался предупредить расспросы:

– Полагаю, что ваше посещение связано со смертью подполковника Ашингера. Это произошло так нелепо, так неожиданно...

– Отчасти и ради этой грязной истории...

Юргенс покраснел, что не укрылось от пристального взгляда шефа.

– Вы, оказывается, еще не потеряли способности краснеть. Это замечательно... – он обошел стол, уселся на место Юргенса, вырвал из блокнота листок и взял карандаш. – Видимо, в Германии есть еще люди, сохранившие некоторые черты порядочности. К числу их, вероятно, принадлежите и вы, господин Юргенс. При вашем характере, при ваших делах – и краснеть! – Он развел руками и расхохотался.

Выходка шефа озадачила Юргенса. Он не знал, как реагировать на тон и обращение Марквардта. Решил, что лучше всего обидеться, но шеф опередил его маневр и спросил, известно ли господину Юргенсу, как на фронте поступают с людьми, фабрикующими подложные документы.

Теперь наконец Юргенс понял, в чем дело.

– Половина вашего денежного отчета за год построена на грубо подделанных расписках. А вы знаете, чем это пахнет?

Юргенс театральным жестом обхватил голову руками и опустился в кресло.

Марквардт иронически улыбнулся. Он может успокоить Юргенса: отчет дальше не пошел, он привез его с собой. Им они займутся позже. Однако он надеется, что Юргенс не станет больше злоупотреблять его доверием...

Шумный вздох облегчения вырвался из груди Юргенса. С благодарностью посмотрев на шефа, он вытер платком лоб.

– Докладывайте новости и все, что мне следует знать, – предложил Марквардт и, наклонившись над столом, начал что-то чертить на листке бумаги.

Юргенс рассказал о взрыве электростанции, убийстве Родэ, поимке подпольщика.

Марквардт, не отрываясь от бумаги, слушал.

Юргенс уже спокойно, обычным деловым тоном, доложил о ходе подготовки агентуры, предназначенной к переброске за линию фронта. Следя за рукой шефа, Юргенс машинально остановил взгляд на листе бумаги и затаил дыхание: на уголке было крупно и отчетливо вычерчено дробное число «209/902». Не поднимая головы, шеф обвел дробь кружком и поставил справа от него большой вопросительный знак.

Юргенс взволнованно отвел глаза в сторону и уже не так уверенно продолжал доклад. В голове зародилось подозрение. Если за отчет он получил лишь предупреждение, то раскрытие этой цифры сулило арест, следствие, военно-полевой суд.

– Довольно... Скучно... – прервал доклад Марквардт и, отложив в сторону карандаш, спросил: – Ну, а с Ашингером как?

– Полагаю...

– Полагать тут нечего. История грязная и задумана неумно.

– То есть?

– Точнее – глупо. Вы, надеюсь, догадываетесь, что я располагаю не только вашей информацией.

Юргенс растерялся. «Гунке донес», – мелькнула у него тревожная мысль.

– Мне все-таки непонятно... – начал он и смолк, не зная, что сказать.

– Сегодня вы почему-то особенно непонятливы. А между прочим, эта история может принести вам большие неприятности. Полковник Шурман заинтересовался ею.

– При чем же здесь я? – теряя самообладание, почти крикнул Юргенс.

Марквардт встал.

– Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле! – сказал он резко. – И не считайте меня идиотом.

Юргенс побледнел от досады, гнева и страха, а Марквардт продолжал говорить, и его слова били по взвинченным нервам Юргенса, точно удары палкой.

И как только хватает, мягко выражаясь, смелости у Юргенса спрашивать, причем здесь он! Было два претендента на наследство тестя, выражающееся в кругленькой сумме, а теперь остался один.

Марквардт прошелся по комнате. Он дал Юргенсу понять, что не заинтересован в его разоблачении, но ведет себя Юргенс по меньшей мере глупо. Создается впечатление, будто он задался целью сам накинуть себе на шею петлю.

– Только эта цифра, – Марквардт ткнул пальцем в листок бумаги, – вынуждает меня вытягивать вас из петли.

– Вы знаете?... – вскрикнул Юргенс.

– Без вопросов, – оборвал Марквардт. – Не время. Но учтите, если вы, вопреки здравому смыслу, полезете дальше в петлю, я за вами следовать не намерен. Надеюсь, поняли?

Юргенс кивнул головой и, вынув из кармана платок, снова вытер влажный лоб и покрывшиеся испариной руки.

Марквардт опустил на свое место. Теперь эту тему он считает исчерпанной. Пусть лучше Юргенс расскажет, какой ветер дует с фронта.

Юргенс подробно проинформировал о положении на фронте. Он говорил более уверенно, даже с подъемом, так как теперь видел в лице Марквардта не только шефа. Юргенс старался обрисовать положение немецкой армии в самых мрачных красках. Он уверен, что русские не ограничатся освобождением своей территории: они придут в Германию.

– Это не ново, – возразил Марквардт. – Но они не придут, а приползут, истекая кровью. Приползут обессиленные, не способные твердо стоять на ногах и говорить во весь голос. Ситуация крайне оригинальная: Россия и Германия обе победят и обе будут побеждены.

Юргенс сдвинул брови:

– Конечно, такое равновесие возможно, но лишь в том случае, если союзники России не высадятся в Европе. Оно нарушится в пользу русских, как только откроется этот пресловутый второй фронт. Тогда Германии будет хуже.

– Ерунда! – безапелляционно заметил Марквардт. – Но вообще говоря, с Россией связываться не следовало. Одно дело Чехословакия, Франция, Польша, но Россия – это совсем другое. В июне сорок первого года фюрер сделал страшную ошибку. Но то, что произошло, должно было произойти.

Марквардт прошелся по комнате и остановился около висевшей на стене большой карты Германии. Заложив руки за спину, он долго и сосредоточенно вглядывался в паутину красных, голубых, черных линий.

– Этот город вам знаком? – Марквардт ткнул пальцем в черную точку.

– Отлично.

– Я выбрал его для вашей будущей резиденции. Местечко удобное.

– Это в том случае, если... – начал Юргенс.

– Да-да-да... именно в том случае! – и Марквардт громко рассмеялся.

## 22

Очнулся Леонид Изволин на каменном полу. Голова горела от мучительной тупой боли. С трудом открыв глаза, он стал осматриваться. Перед ним – серая стена, вероятно цементная, в углу на скамейке – два немецких солдата с автоматами. В комнате тихо...

Леонид закрыл глаза и попытался восстановить в памяти то, что произошло. Но боль не давала возможности сосредоточиться. Леонид тихо застонал. Мозг заволокло туманом.

Один из солдат нагнулся, чтобы поднять Леонида, но он напряг все силы и поднялся сам. Голова закружилась, боль стала еще острее. Он закачался и в то же мгновение ощутил на запястьях холодок металлических наручников. Его толкнули в двери и повели по длинному коридору. Шли медленно. Навстречу попадались конвоиры с арестованными, откуда-то доносились вскрики, стоны. Леонид зашагал быстрее, чтобы не слышать этих звуков.

Вот лестница – ступеньки ведут на второй этаж. Опять крики и стоны. Горло сжали спазмы. Через несколько минут с ним случится то же, что с этими несчастными.

– Сюда, – приказал конвоир и втолкнул Леонида в небольшую комнату.

В комнате было светло, очень светло. Глаза жмурились сами собой, не выдерживая яркого потока электрических лучей. Солдаты посадили Леонида на высокий табурет и замерли по бокам. К Леониду подошел гестаповец маленького роста.

– Фамилия? – пристально посмотрев в лицо арестованного, произнес он по-русски.

Леонид сдержал дыхание. Начинается... И вдруг он ощутил прилив решимости и энергии, будто вступил в единоборство с этим маленьким человеком, нагло и злобно глядящим на него.

– Не помню, – спокойно ответил Леонид и, чтобы подтвердить свое равнодушие, обвел глазами стены и потолок комнаты.

– Что?!

– Не помню, – тем же тоном повторил Изволин.

– Не валяй дурака!

Изволин промолчал.

– Я тебя в земле сгною, живьем! – гестаповец вскочил с места.

– Это не особенно страшно: земля своя, родная.

– Отвечай только на мои вопросы! – крикнул гестаповец и занес кулак над головой Леонида. – Я тебя согну в бараний рог.

– Не все гнется, господин фриц, – кое-что ломается. А я не должен быть сломлен. Вам надо очень многое узнать от меня. Не так ли?

– Ты назовешь себя?!

– Нет!

– Назовешь?!

– Нет!

Гестаповец подошел к Леониду и, схватив арестованного, с силой ударил его головой о стену.

Леонид очнулся снова на холодном каменном полу.

– Как в могиле, – невольно пробормотал он и, с трудом поднявшись, стал обследовать мрачную камеру.

Она была очень мала, с низким, не дающим возможности выпрямиться, потолком, со скользкими, мокрыми стенами. В углу настойчиво скреблись и противно попискивали крысы. Леонид кашлянул. Крысы смолкли. Но через минуту они снова принялись скрести, еще сильнее, упорнее...

На второй допрос Изволина привели к другому следователю – полному, коренастому мужчине лет сорока. Голова с короткими волосами, торчащие усы, круглые глаза – все в гестаповце напоминало Леониду откормленного кота. Даже движения у него были мягкие, кошачьи.

Следователь распорядился накормить арестованного, но Леонид от еды отказался.

– Сыты? – спросил гестаповец с любезной улыбкой.

– По горло.

– Вчера вы сказали моему помощнику, что хорошо знаете свое будущее?

Леонид утвердительно кивнул головой.

– Свое и даже ваше, – добавил он.

– Вы оракул! – и гестаповец поднял вверх указательный палец.

Леонид улыбнулся.

– Прошу вас, говорите все, что чувствуете, и требуйте, что хотите. Это неотъемлемое право любого арестованного. И лишить вас этого права ни я, ни кто другой не в силах. Закон есть закон. Не стесняйтесь.

– И не думаю, – ответил Леонид. – Вас интересует будущее? Вы господина Родэ, надеюсь, знали?

– Да, знал.

– Вот и хорошо. Многих из вас ожидает такая же участь.

– Не в вашем положении говорить об этом, – холодно произнес гестаповец. – Вы упустили из виду одну маленькую деталь. Германская армия не только в России, но и еще кое-где. В наших руках Чехословакия, Австрия, Бельгия, Польша, Франция – почти вся Европа.

– Ну, из России-то вы, положим, еле уносите ноги. На Россию замков вам не надеть – ни замков, ни наручников, ни намордников...

– Мы отклонились от темы, – спокойно заметил следователь.

– От какой? – удивленно спросил Леонид.

– От главной. Меня зовут Роберт Габбе. Как называть вас?

Леонид усмехнулся:

– Не выйдет.

– Что не выйдет?

– Насчет знакомства.

Следователь пожал плечами и склонил голову набок.

– Напрасно вы так себя ведете. Совершенно напрасно. Это не оправдывающая себя тактика. Я советую вам изменить линию поведения. Все зависит от вас.

– Уговаривать бесполезно. Да и насколько мне известно, гестаповцы меньше всего способны на уговоры.

– В мою обязанность входит объяснить вам, что ваша жизнь зависит от вас же, от вашего поведения во время следствия. Так, например, в погребке, где вас арестовали, был обнаружен вот этот списочек. В нем четырнадцать фамилий. Вам он знаком?

Изволин утвердительно кивнул головой.

– Вот и замечательно! Я считал и считаю вас человеком рассудительным. Я глубоко уверен, что мы найдем общий язык.

– Попытаемся, – в голосе Леонида прозвучала ирония.

– Это подлинные фамилии или вымышленные?

– А как вы думаете?

– Я? Я думаю, что это подпольные клички.

– Похвальная сообразительность.

– А кто такой «Грозный»?

– «Грозный»?

– Да-да.

– «Грозный», наверно, человек и патриот.

– А звать его как?

– Это военная тайна. Этому никому знать не положено.

Следователь резко поднялся со стула и заходил по комнате.

– Оказывается, я ошибся: с вами нельзя сговориться.

Он шумно выдохнул из лёгких воздух и, приблизившись к Изволину, положил ему на плечо руку. Леонид поморщился. Лицо гестаповца изобразило улыбку.

– Вы очень молоды и очень горячи. Я не могу вас понять.

– И никогда не поймете. Есть вещи, недоступные вашему пониманию.

Следователю начала надоедать роль уговаривающего, но он сделал еще одну попытку:

– Когда же господин русский поймет наконец, что правдивые ответы дадут ему не только освобождение, но и нечто большее! Есть у вас умные люди, которые предпочитают...

– Это не советские люди, – перебил его Леонид.

– Хм! Вы очень самоуверенны. Я предполагал...

Раздался телефонный звонок. Следователь подошел к аппарату и стал слушать.

– Да, есть... Да-да...

Он положил на место трубку и, вызвав из коридора двух солдат, торопливо покинул комнату...

Начальник гестапо Гунке, высокий, подчеркнута прямой, гладко выбритый, метался по своему кабинету. С тех пор как в стены его учреждения попал Леонид Изволин, Гунке не находил себе места.

Следователь Хлюстке, который первым допрашивал Изволина, стоял перед начальником, вытянув по швам руки.

– Вам бы только с громилами возиться! – неистовствовал Гунке. – Настоящий преступник способен водить вас за нос. Черт знает что получается! Взяли человека с кличками, свя-

зями, паролями, рацией, взрывчаткой, оружием – и до сих пор не знаем, кто он такой! Позор! За такую работу с нас шкуру спустят. И правильно сделают... Ну, а вы? – Он резко повернулся ко второму следователю. – Вы, кажется, претендуете на звание опытного детектива. Как у вас?

Второй следователь растерянно развел руками.

– Фамилию узнали? – допытывался Гунке. – Я уже не прошу о большем...

– Нет.

– А что узнали?

– Ничего.

Гунке закусил нижнюю губу и снова зашагал по кабинету. Левая щека его подергивалась.

– Где ваш хваленый метод? Вы болтали всем и всюду, что можете очень быстро устанавливать с арестованными психологический контакт. Где этот контакт?

– Я только начал с ним работать, – оправдывался гестаповец.

– И сколько вам потребуется времени, чтобы дойти до конца?

– Это на редкость упрямый арестованный...

– Вы знаете, чего я требую от вас, и должны добиться этого, – Гунке стукнул кулаком по столу. – Вам за это деньги платят! Будете ли душить, грызть, жечь, – меня это не касается. Вы обязаны развязать ему язык, иначе... иначе в течение двух суток вы оба окажетесь на передовой! Идите!

... В этот раз допрос длился несколько часов. Избитого Изволина снова оттащили в темную камеру. Сквозь проблески сознания Леонид чувствовал, как ему кололи руку повыше локтя и впрыскивали что-то под кожу. Очнулся он уже от холода.

В эти часы томительного одиночества Леонид ясно представил себе не только то, что его ожидает, но и то, что он должен сделать. Все личное, мелочное ушло на задний план. Родилось чувство, побеждающее и страх, и боль, и смерть. Когда юношу снова повели на допрос, к самому Гунке, лицо его выражало спокойствие и упорство.

Два битых часа издевался над Леонидом взбешенный до предела Гунке. И снова, полуживого, юношу погнали в каменную могилу, где он должен был ждать очередных пыток.

Леонид понимал, что гестаповцы своими изощренными пытками способны довести его до состояния невменяемости. Даже из бреда его они постараются узнать какую-то частицу тайны, и она погубит всех.

Увидев перила лестницы, Леонид почувствовал волну прилив сил и смело зашагал вперед. Когда один из солдат хотел остановить Леонида, юноша ударил его головой в лицо и бросился на верхний, третий этаж. Бежать мешали скованные стальными кольцами руки. На лестничной площадке третьего этажа один из солдат, настигнув пленника, дал по нем три выстрела рядом.

Почувствовав смертельную боль, Леонид повис на перилах и слабо улыбнулся.

– Вот и все... Этого я и хотел, – прошептал он одними губами.

Тело его накренилось, вздрогнуло и рухнуло вниз.

Снег стал пористым, темнел и оседал. По утрам его поедали густые белесые туманы, а днем изводило солнце.

На голых ветвях деревьев с криком громоздились галки, шумно обсуждая свои весенние птичьи дела. Лес за городом потемнел.

Пасмурными сумерками открытый гроб с телом Леонида, грубо сколоченный из необтесанных досок, был выставлен под охраной гестаповца на городской площади, около церковной ограды.

В изголовье воткнули деревянную жердь с фанерной дощечкой, на которой крупными буквами было написано:

«Опознавшим умершего разрешается взять и похоронить его с соответствующими почестями».

Это была последняя уловка гестаповцев, рассчитанная на то, что кто-либо признает Леонида и тем самым поможет размотать весь клубок.

А через несколько часов, ночью, патриоты по приказу «Грозного» пробрались на площадь, убрали охранника-гестаповца и выкрали тело товарища. Юношу похоронили в лесу, на живописной открытой поляне, на берегу небольшой речушки.

На следующее утро горожане, пришедшие на площадь, увидели курган из черной свежей земли и гроб с телом охранника.

Над курганом виднелась палка с дощечкой. На дощечке была свежая надпись:

«Здесь похоронен герой-патриот, замученный фашистами. Имя его скоро будет знать вся страна. Смерть фашистским захватчикам!»

Немецкая администрация всполошилась. Когда был увезен труп охранника, гестаповцы принялись разрывать могилу в надежде извлечь оттуда труп Леонида, но закончить работу им не пришлось: грохнул взрыв. Двоих гестаповцев разорвало, третьего ранило: Леонид Изволин, мертвый, продолжал мстить врагам.

## 23

Наступила весна. Снег остался лишь в оврагах, глубоких распадках, в местах, закрытых тенью высоких зданий. Теплый восточный ветер разводил утренние туманы, гнал по небу большие, похожие на мыльную пену облака. От земли струился и полз понизу пар. Бурно прибывающая вода до краев заполнила русло реки. Наконец лед взломался и с шумом понесся по реке.

Возбужденные горожане толпились на берегу. Казалось, что вместе со льдом река уносит и человеческое горе, тяжелое и холодное.

Денис Макарович и Игорек встречали весну по-хозяйски. Изволин помог мальчику склотить скворечник. Мальчик был переполнен радостью, которая приходит в детстве к каждому, кто прислушивается к весеннему пробуждению природы.

Опухшие веки, глубокие морщины, побелевшая голова и грусть в уставших стариковских глазах свидетельствовали о бессонных ночах, о мучительных думках, терзавших Дениса Макаровича.

Говорят в народе, что горе, которым нельзя поделиться с близким человеком, переносится вдвое тяжелее. Это испытывал на себе Изволин. Смерть Леонида была тяжелым ударом, и он скрывал ее от жены, зная, что та не перенесет утраты. А чуткое материнское сердце, казалось, чуяло беду. Пелагея Стратоновна делилась с мужем своими думами и опасениями, рассказывала, что часто видит сына во сне.

Денис Макарович, как умел, старался рассеять тревогу жены.

Вслед за арестом Леонида других арестов не последовало. Можно было без опасений возобновить временно прерванную деятельность подпольщиков.

Сегодня, после большого перерыва, Изволин решил возобновить встречу с участниками подполья и в первую очередь узнать, что делают Ожогин и Грязнов.

Как и прежде, для связи требовался Игорек. Сегодня Игорек решил добраться до квартиры Ожогина и Грязнова коротким путем и поэтому воспользовался проходом, образовавшимся при бомбежке в здании Медицинского института.

Он уже пересек загроможденный развалинами двор и хотел выскочить на соседнюю улицу, как вдруг его остановил окрик:

– погоди, малец! Эйн минут... ком гер...

Игорек оглянулся. Мужчина, обросший бородой, в немецком теплом мундире с нарукавником полицейского, пальцем подзывал его к себе.

Мальчик узнал «полицая». Это был тот веселый Сашутка, который уже однажды приходил к Денису Макаровичу в прошлом году и с которым они выследили предателя Зюкина. Игорек отлично помнил, как, расставаясь с гостем, Денис Макарович крепко обнял его и расцеловал. Игорек тогда удивлялся, почему взрослого, усатого дядю называют Сашуткой.

Сейчас мальчик из предосторожности решил скрыть, что узнал «полицая». Он удивленно посмотрел на него и опустил глаза.

– Не узнаешь? – приветливо спросил тот.

Игорек прикусил губу и отрицательно помотал головой.

– Плохо! Очень плохо! С виду парень, а память, как у девчонки.

Игорек насупил брови. Такой комплимент ему явно не понравился, но он решил не менять тактики.

– А я вот тебя помню, – сказал после небольшой паузы «полицай». – Даже знаю, что Игорьком зовут.

Мальчик понял, что упорствовать не следует.

– Это я так... – ответил Игорек. – Это я нарочно сказал, что не помню...

– Ишь ты! – засмеялся «полицай». – Денис Макарович дома?

– Дома.

– Ну, пойді скажи ему, что я пришел...

Стоя в раздумье у окна и глядя на улицу, Денис Макарович увидел торопящегося к дому Игорька. Он посмотрел на часы. Нет, так быстро выполнить поручение мальчик не мог. В чем же дело?

Улыбка на веснушчатом лице мальчика рассеяла тревогу Дениса Макаровича.

– Сашутка появился, – шепнул Игорек.

– Где он?

– Около Мединститута меня ожидает... Я вначале испугался его: он опять, как немец...

– Вот что, – перебил Игорька Изволин: – беги, зови его сюда, а сам – быстро на Административную, к Никите Родионовичу. Расскажи, какой гость пожаловал, и пусть он и Андрей идут к нам.

Появление связного от командира бригады обрадовало и взволновало старика.

– Полюшка! – обнимая жену за плечи, сказал Изволин. – Придется тебе к Заболотько сходить насчет картошки. Гость ведь пожаловал... от Иннокентия...

– Сашутка? – догадалась Пелагея Стратоновна.

– Он самый.

– За мной дело не станет, – И Пелагея Стратоновна начала торопливо одеваться.

Встреча боевых друзей была радостной. Сашутка подробно рассказал Ожогину, Грязнову и Изволину о жизни партизанской бригады, рассказал о том, что частями Советской Армии освобождены Винница, Бельцы, Николаев, Черновцы, Одесса. Наши войска перешли государственную границу и освободили ряд румынских городов.

Он предполагал, что скажет новость, но оказалось, что Ожогин и Грязнов уже знают об этом: проводя практические занятия по радиоделу, они слушали советские станции.

– Теперь уж скоро и к нам пожалуют! – сказал взволнованно Изволин. – Недолго осталось ждать...

Сашутка рассказал о целях своего прихода.

В двадцати километрах от города, в лесу, есть заводик по изготовлению чурок для немецких газогенераторных машин. Немцев на заводе нет: они боятся такой глуши. Директором чурочного завода совсем недавно назначили «надежного», по мнению немцев, Владимира Борисовича Сивко. Владимир Борисович – один из людей командира партизанской бригады Кривовяза. Через него нужно наладить связь партизан с городом.

– А мы стоим в тридцати километрах от завода, – сказал Сашутка. – Шесть дней назад получили приказание от командования фронта всей бригадой приблизиться насколько возможно к городу. Что-то, видать, готовится. Комбриг просил передать, чтобы вы информировали «Грозного» и подыскали людей, подходящих для связи с нами через завод: обо всем, что творится в городе, мы должны знать. По всем данным, – заключил Сашутка, – гитлеровцы здесь долго не удержатся. Надо быть наготове.

На столе появился горячий картофель. Все с аппетитом принялись за еду. Когда первый голод был утолен, Денис Макарович вскочил и с досадой хлопнул себя по лбу:

– Батюшки! Совсем забыл!

Он торопливо вылез из-за стола, вышел в другую комнату и вернулся оттуда с глиняной бутылкой. Обтер с нее пыль и разлил по стаканам остатки густой настойки.

Никита Родионович поднял стакан и встал. Его примеру последовали остальные.

– За тех, кто погиб смертью храбрых, и за живых, которые отомстят за них и доведут борьбу до конца!

Молча выпили.

При выходе из квартиры Изволина, в коридоре, Ожогин и Грязнов столкнулись с Тряскиным. Он был сильно пьян, еле держался на ногах. Встретив старых знакомых, Тряскин обрадовался, засуетился.

– Ко мне! Ко мне! – тянул он друзей за руки. – Знать ничего не хочу! Теперь не выкрутитесь.

В комнате никого не было. Тряскин, натыкаясь на мебель, с трудом добрался до буфета и стал шарить по полкам. Наконец он обнаружил бутылку водки и поставил ее на стол. Потом на столе появились куски засохшего хлеба и квашеная капуста. Хозяин усадил гостей на стулья и объявил:

– Выпьем!

Однако не оказалось рюмок, и Тряскин снова полез в буфет. На этот раз ноги его подвели: он споткнулся и уронил рюмки. Со звоном разлетелись по полу осколки.

– Черт с ними! – достав стаканы, он трясущейся рукой разлил в них содержимое бутылки. – Пей, братва, – приглашал он, – всё равно пропадать! Бегут, вояки проклятые, бегут!.. А мы, дураки, надеялись на них. Бургомистр, собака, и тот лечиться поехал в Германию. Заболел, боров...

Он подпер голову руками и на мгновение умолк.

– А мы? А мы что будем делать? – Тряскин замотал головой, будто хотел сбросить одолевший его хмель. – Хотя вам что, вы одинокие, а вот мне какво? А? Жена, Варька, имущества полон дом – куда податься? Ха-ха-ха! – закатился он. – Выслужился, выстарался, шею гнул – и догнулся! Влез в хомут и не вылезу... Тьфу, дурак! – Тряскин сплюнул. – Знать бы заранее... Да разве узнаешь! Ведь сила какая была! Диву давались... До Волги шагали, и всё – тьфу! Комендант сегодня говорил, что отступать дальше не будут, а сам торопит меня ящики сколачивать... Сволочь! О своей шкуре печется...

Он опрокинул в рот стакан и залпом выпил. Пользуясь тем, что Тряскин впал в пьяное забытие, друзья покинули дом.

В эту ночь впервые под домом Юргенса заработала запасная радиостанция подпольщиков, находившаяся на консервации.

Потоком шли на Большую землю разведывательные данные, добытые Ожогиним, Грязновым и другими патриотами города. Радистом был Швидков – совладелец пекарни.

## 24

В застекленное окошко над дверями в комнату золотистой полоской лился утренний свет. Полоска двигалась с предмета на предмет: со стула, покрытого брезентом, на рабочий стол, с него – на стену, на кровать, на спящего Василия. Скоро она дойдет и до него, Игорька.

Игорек быстро слез с кровати, бесшумно оделся, вышел на улицу и зажмурился.

Яркие лучи солнца ослепили глаза. Игорек закинул голову: далеко в небе одинокое облачко, гонимое ветром, плыло на восток, меняя формы. Оно превращалось то в барашка, то в гуся, то в человека. Игорек долго провожал облачко взглядом, пока оно не растворилось в синеве неба.

Потом его внимание привлек птичий гомон. Игорек повернулся. На уцелевших, тянувшихся вдоль тротуара серебристых тополях гнездились беспокойные грачи. Почки на ветвях тополей уже округлились, набухли – вот-вот начнут лопаться.

Увидев шагающих по противоположной стороне улицы гитлеровских солдат, Игорек вспомнил, что ему пора приступать к делу.

Он вернулся в свою каморку под лестничной клеткой. Василий уже проснулся и сидел на койке.

Игорек надел нищенские лохмотья и повесил через плечо котомку.

– Уже уходишь? – спросил Василий.

– Да, надо идти, – коротко ответил Игорек. – На обратном пути зайду к Пелагее Стратоновне.

– Ладно, – сказал Василий, – тебе виднее.

Сегодня утром предстояло явиться к «Грозному» за запиской для Швидкова. Никто из близких Игорьку людей никогда не посвящал мальчика в дела подпольщиков, но наблюдательный паренек многое понимал сам. Он знал, что сегодняшняя записка – радиограмма и что все, что в ней написано, будет передано на Большую землю – советским людям.

... Вот и набережная. Подсохла уже под горячими лучами весеннего солнца незамошенная улица, поднялась вода в реке от дождей и стаявшего снега. Нет, нельзя не пойти на берег и не поглядеть на широкое речное приволье!

Игорек прикрыл ладонью глаза от солнца, всмотрелся в мутноватый речной плес, в противоположный берег и вспомнил слова Пелагеи Стратоновны: «На реке-то лед ушел с водой, а на сердце людей остался».

Ничего, скоро и этот лед уйдет!..

Шагая по набережной, Игорек не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то неотступно следует за ним по пятам. Хотелось оглянуться и посмотреть – кто, но мальчик сдержал желание. Идти прямо к «Грозному» было нельзя.

– Подайте кусочек хлеба сироте! – жалобным голосом нараспев произнес Игорек, постукав в первую попавшуюся дверь.

Он прождал с минуту и, получив в руки заплесневелую корку, направился к соседнему дому.

– Подайте кусочек хлеба! – вновь раздался его плачущий голос.

Кладя подаяние в котомку и слегка повернув голову, Игорек успел заметить, что по тротуару медленной походкой, заложив руки в карманы пальто, идет неизвестный.

Как быть? Миновать дом «Грозного» или постучаться? Если он пройдет мимо, то тому, кто наблюдает за ним, это может показаться подозрительным. Если же он постучит, и жена «Грозного» передаст ему с хлебом записку, будет еще хуже.

Дом «Грозного» был уже совсем рядом, когда неизвестный, приблизившись, позвал:

– Мальчик, а мальчик!

Не отозваться было нельзя. Игорек повернулся, изобразив на лице страдальческую мину, и увидел полного мужчину небольшого роста, с расплывшимися чертами лица, с мягким женским подбородком. Маленькими влажными глазами, тонувшими в щеках, он ласково смотрел на Игорька.

– Вы меня? – спросил мальчик.

– Ну, конечно, тебя, – ответил незнакомец и склонил голову набок.

«Видел я его когда-нибудь или не видел? – напряженно думал Игорек. – Нет, кажется, не видел».

– Я вам нужен? – решился он задать вопрос.

– Много насобирал? – в свою очередь, участливо спросил незнакомец.

Игорек отрицательно помотал головой и, раздвинув края котомки, показал ее содержимое.

– И всегда так? – продолжал интересоваться незнакомец.

– Какой день выпадет... Да и улицы разные, смотря кто живет. Здесь, на набережной, плохо. Есть такие, что и дверь не откроют, ругаются, – уже смелее заговорил мальчик.

Незнакомец слушал и участливо качал головой.

«Что ему надо?» – с тоской подумал Игорек и, осмелев, спросил:

– Можно идти?

– Нет. Шагай за мной. Я тебе помогу, и ты не станешь больше побираться. И ругать тебя никто не будет. Иди и не теряй меня из виду. Не бойся, не скушаю тебя. Я человек хороший. Шагай! – и незнакомец, не оборачиваясь, пошел вперед.

Игорек несколько мгновений стоял в нерешительности: идти или не идти? Если этот мужчина следил за ним, то уйти не удастся, он догонит. Может быть, он даже знает местожительство Игорька...

Внешний вид незнакомца как будто не вызывал у мальчика подозрений, да и говорил он с подкупающей искренностью.

«Пойду... Будь что будет. Хорошо, что не дошел до квартиры «Грозного», – решил Игорек и последовал за незнакомцем.

А тот шел, не останавливаясь и не оборачиваясь, видимо, уверенный в том, что мальчик следует за ним.

На Базарной улице, у небольшого кирпичного дома, мужчина замедлил шаги, обернулся и поманил Игорька рукой.

...В просторной комнате за небольшим голым столом сидели несколько мужчин. Как только Игорек переступил порог комнаты, говор, доносившийся в коридор, мгновенно стих, и глаза всех недружелюбно уставились на него.

– А ну-ка, освободите место, – обратился сопровождавший Игорька человек к двум мужчинам, сидевшим в самом углу на топчане. – Живо!

Те быстро встали, не сказав ни слова.

– Садись сюда, рядом, – ласково пригласил незнакомец Игорька. – Как тебя зовут?

– Игорь.

– Чей ты?

– Терещенко, – соврал, не моргнув глазом, Игорек.

Он с первых дней, по договоренности с Василием, выдавал себя за его родного брата.

– Кто у тебя есть из родных?

– Кроме брата никого.

– А брат что делает?

– Он калека, безногий, ничего не делает... Он маленьким ногоу отморозил... Я его кормлю.

– Ц... ц... ц... – зацокал сочувственно незнакомец и покачал головой. Потом он наклонился к самому уху мальчика и тихо спросил: – А если я сделаю так, что ты не будешь больше побираться, а? Все у тебя будет...

– Н-не знаю, – запинаясь, ответил Игорек и повел глазами по стенам: на них висели картины из немецких иллюстрированных журналов: танки, идущие в колонне; обнимающиеся гитлеровцы; большое, охваченное огнем здание; переправа войск через реку...

Незнакомец положил руку на плечо Игорьку.

– Эх ты!.. – сказал он и усмехнулся. – Сейчас я тебе покажу, что ты будешь иметь каждый день.

Незнакомец удалился в дверь направо. Он отсутствовал минут десять-пятнадцать, и Игорек заметил, что никто из сидящих в комнате не обращает на него никакого внимания.

Вернулся незнакомец с картонной коробкой в руках.

– А ну, раскрывай свою котомку! – сказал он и бросил туда банку консервов, сушеную рыбу, белый батон и кружок колбасы.

Котомка мгновенно раздулась.

– Донесешь до дому?

– Донесу.

– Да, ты ведь недалеко живешь, я знаю! И знаю, по каким улицам просить ходишь, знаю даже, что ты – хитрый! – как вернешься домой, одежку эту сбрасываешь. Ну и правильно делаешь, а то ведь никто ничего не даст. Голь на выдумки хитра, – и он покровительственно похлопал мальчика по плечу.

Игорьку стало вдруг жарко.

Конечно, не напрасно задаривал его продуктами этот тип с жирными щеками, не напрасно шел за ним следом. Он все, оказывается, знает.

– Вот что, дружок, – продолжал между тем незнакомец: – хочешь иметь каждый день столько харчей?

– А вы кто?

Вопрос, заданный мальчиком, был неожидан.

Незнакомец откашлялся и ответил, что он и его товарищи – хорошие люди: они ловят жуликов, бандитов, грабителей, которые по ночам нападают на мирных горожан. Мальчик должен помогать им выслеживать таких людей.

Он убеждал Игоря долго. Тот слушал, изредка кивая головой.

– Понял меня? – спросил наконец незнакомец.

– Понял.

– Ты ходишь на Административную, сто двадцать шесть?

– Хожу. За хлебом... – пытаюсь не выдать волнения, пробормотал Игорек. – Там живут два дядьки... добрые...

– Так уж и добрые?

– Правда...

– А чего они тебе, кроме хлеба, дают?

– Ничего.

– Вот тебе и добрые! – человек рассмеялся, и щеки совсем закрыли его маленькие глаза. – А с кем они дружат? Ходят к кому?

– К господину Тряскину ходят...

Человек, сидевший у окна, присвистнул, встал и вышел из комнаты.

– А еще к кому?

– Не знаю...

– А ты узнай. Нарядись вот в эту одежку и узнай. Присмотри за ними. Как узнаешь, приходи ко мне, я тебе опять полную котомку насыплю.

- А что, как не узнаю? – смело спросил Игорек.
- Тогда ничего и не получишь. Опять побираться будешь. Понял?
- Да...
- Вот так. Найдешь этот дом?

Игорек пожал плечами.

- Найдешь, – уверенно заключил незнакомец. – Ну, ступай...

Оказавшись на улице, Игорек испытал чувство человека, свалившегося с десятого этажа и чудом оставшегося в живых. Ноги рвались вперед. Котомка почти не ощущалась. Он шел легко, бодро, сознавая, что не только выбрался из затруднительного положения, но и узнал, что какие-то люди интересуются Ожогиным и Грязновым.

Ему казалось, что встречные прохожие понимают его настроение и как-то особенно приветливо смотрят на него, что солнце греет теплее, чем обычно, что улица выглядит наряднее, да и травка молодая начинает пробиваться у самого тротуара, чего не было, кажется, когда он шел сюда.

...Василий внимательно выслушал своего юного друга, и недобрый огонек мелькнул в его глазах.

– Ишь чего захотели, сволочи! – зло сказал Терещенко. – Ах, гады!.. Ну ничего, немного осталось ждать – прополоскаем их всех... А ты теперь гляди в оба. Ходи, да оглядывайся. Поди-ка расскажи все Денису Макаровичу.

...Этой же ночью начальник гестапо Гунке принимал человека, одарившего Игорька продуктами. Рядом с Гунке сидел переводчик.

Посетитель подробно изложил всю историю, даже слишком подробно, потому что Гунке начал морщиться. Он терпеть не мог длинных докладов и не переносил людей, страдающих многословием. Только неприязнь к преуспевающему Юргенсу и зависть, подогреваемая неудачами в личных делах, вынуждала начальника гестапо терпеливо слушать этого обрюзгшего, с маленькими глазками, сотрудника местной полиции.

Гунке слушал, откинувшись на спинку кресла. До чего же высокомерен и чванлив этот абверовский майор Юргенс! Как независимо держит он себя на территории, подведомственной ему, Гунке! Он совершенно не считается с гестапо. Вызывает нужных ему людей, занимает подходящие помещения, командует начальником гарнизона, комендантом города, бургомистром. И все с него как с гуся вода! Даже из такого щекотливого дела, как отравление подполковника Ашингера, Юргенс смог выкрутиться. Почему так везет человеку? А про историю с горбуном не хочется и вспоминать. Как глупо, по-дурацки все получилось...

Наконец сотрудник полиции кончил свою информацию, и мрачное настроение у Гунке немного рассеялось. Начальник гестапо понял, что, кажется, полиция не ошиблась, сделав ставку на мальчика-нищего. Возможно, что из этой комбинации что-нибудь и получится. Гунке страстно желал скомпрометировать негласных сотрудников Юргенса – Ожогина и Грязнова. Теперь его интересовали кое-какие детали.

- Кто приглашал мальчишку к вам? – спросил он.
- Я сам взял его, с набережной, – ответил полицейский.

Брови у Гунке приподнялись.

– Да вас же каждая собака в городе знает! – сдерживая нарастающее раздражение, произнес он.

Полицейский слегка улыбнулся:

- Я осторожно... никто не видел.
- А в какое время это происходило?
- Утром.

Глаза у Гунке округлились. Он долго не мигая смотрел на сотрудника полиции каким-то тоскливым, безнадежным взглядом.

– Где вы беседовали с ним?

– В дежурной комнате.

Из груди начальника гестапо вырвался стон, будто ему выдернули больной зуб. Он оторвался от спинки кресла, обхватил голову руками и уперся ими в стол.

– Я же предупреждал вас, что следует быть крайне осторожным, а тут днем... дежурная комната... Кто вас учил так работать?

Полицейский молчал. Он лишь тяжело вздохнул и изобразил на лице покорность.

– Что вы поручили этому побирושке? – вновь спросил Гунке.

– Я ему поручил выяснить, кого посещают оба эти молодчика.

– О... о... о!.. – простонал Гунке и замотал головой. – Да я об этом знаю не хуже мальчишки. Все вы мне испортите с этим оборванцем! Понимаете?

Полицейский встал и начал мять фуражку в руках.

– Убирайтесь ко всем чертям! А если я узнаю, что вы встречаетесь с этим сопляком-нищим, я и с вас, и с него семь шкур спущу!

Не дожидаясь, пока переводчик доведет его мысли до обескураженного полицейского, взбешенный Гунке вышел из кабинета, хлопнув дверью.

## 25

Лес залила талая вода. Размягченный серыми обволакивающими туманами, напившийся досыта земной влаги, он отяжелел и ждал тепла. Волнующая весна бродила ветерком среди берез и сосен, кленов и осин.

Заломин и Повелко шли лесом, пробираясь к чурочному заводу. Вода то и дело преграждала путь, и им приходилось или обходить лужи и ручьи, или перескакивать с пня на пень, с кочки на кочку. Повелко прыгал легко, а старику Заломину явно не везло: вот уже третий раз он оступился в холодную воду.

– Опять промок! – ворчал он, выбираясь на сухое место. – Не рассчитал.

Повелко смеялся:

– Не годишься ты, вижу, в лесные жители, а еще партизанить хотел!

– Ничего, научусь! Еще молодой, – отшучивался старик.

Ходить по весеннему лесу становилось все труднее, и каждый раз, возвратившись на завод, Повелко и Заломин вынуждены были весь вечер сушить сапоги и портянки. Сегодня воды прибавилось; она закрывала бугорки, стояла в низинах, под стволами деревьев. Путь был тяжелый. Километр, отделявший завод от мостика, который ремонтировали Повелко и Заломин, занимал более часа ходьбы.

Наконец показалась поляна. У самого края ее стояли три новых деревянных барака с крохотными подслеповатыми оконцами. Чуть поодаль – кособокая рубленая избенка. Ее двускатная тесовая, почерневшая от времени крыша поросла мохом, покрылась лишайником. Оконца, застекленные осколками, глядели неприветливо. На поляне высились огромные бунты строевого, мачтового леса, подготовленного к вывозке, лежали вороха пиловочника, подтоварника, горбыля, реек...

Это была территория чурочного завода. Ни высоких труб, ни цехов, ни ограды. Все производство – пилорама. Она стояла на открытом воздухе и приводилась в движение двумя старенькими путиловскими тракторами. Тракторы тархтели с утра до ночи; им вторили визг циркулярных и двуручных пил и стук топоров.

Когда Повелко и Заломин вышли на поляну, завод работал. Несколько человек сгребали чурки в вороха и грузили на подводы. Утром их должны были отправить в город.

Друзья направились к избушке, выделенной им под жилье. Из трубы вился веселый дымок. Не успели Повелко и Заломин поравняться с бараком, как им навстречу вышел дирек-

тор завода Сивко. Это было необычно: Сивко редко бывал на заводе и всегда в середине дня, в обед.

– Повелко, – сказал сухо директор, – зайдешь ко мне вечером в сторожку.

Повелко кивнул головой в знак согласия и, не ожидая разъяснений, зашагал к избушке.

– Что это он? – поинтересовался Заломин, когда они зашли в избу и принялись торопливо стягивать с ног сапоги и разматывать мокрые портянки.

– Понадобился, – улыбнулся Повелко. – Без меня, брат, он никакое дело решить не может.

– Ну?! – с деланным удивлением переспросил старик. – А я думал – сор от его избы убирать или из козы прошлогодние репы вытаскивать.

Оба засмеялись. Однако вызов директора заинтересовал и даже взволновал их. Вот уже две недели, как Повелко и Заломин работали на заводе, и до сих пор к ним обращались только с вопросами, касающимися производства.

Сивко принял их на завод по паролю и сам определил им место для жилья. Он же выдал документы, в которых значилось, что они являются рабочими чурочного завода акционерного общества и проживают на территории предприятия. В избушке друзьям было удобно. Кроме них, здесь жила старушка-повариха, большую часть дня проводившая в хлопотах по хозяйству. Повелко и Заломин спали на огромной печи, занимавшей почти половину комнаты. Утром они получали наряд на работу, которая обычно сводилась к ремонту мостов на лесной дороге, ведущей к городу. Наряды давал прораб Хапов. Фактически он руководил всем предприятием, так как Сивко редко заглядывал на завод. Рабочие почти не знали своего директора, зато Хапова недолюбливали и называли между собой «жилой», «продажной шкурой» и «душегубом». Знали о связях Хапова с немцами. Видимо, он был не из пугливых: никто из ставленников оккупантов не решался жить в лесу, а Хапов вот уже более года находился на заводе и часто посещал лесосеки.

С Повелко и Заломиним прораб почти не разговаривал и не делал им замечаний. Две недели друзья прожили мирно, спокойно.

Как только стемнело, Повелко оделся и вышел. Сторожка лесника находилась в шести-стах метрах от завода, на возвышенном месте. К ней вела хорошо утоптанная дорожка.

Сивко был в сторожке один. Когда Повелко зашел, он, так же, как и днем, сухо сказал:

– Садись.

Повелко сел и вопросительно посмотрел на директора.

– Ты когда-нибудь сок березовый пил? – спросил Сивко.

Повелко удивленно посмотрел на Сивко. Он не понимал, какое имеет значение, пил ли он сок.

– Да, пил, и много раз.

– А как добывается сок, знаешь?

Пришлось сказать, что и этот секрет известен с малых лет.

– Хорошо, – улыбаясь, заметил директор завода и угостил Повелко немецкой сигаретой.

Закурили. Несколько секунд прошло в молчании. Прервал его Сивко:

– Видишь бутылки? – он показал пальцем на шесть бутылок, стоявших на полу у стены. – Забери их и завтра чуть свет иди в лес, сделай зарубки, стоки и подвесь бутылки. Но не это главное. Идти надо до родника и затем по течению ручья километра четыре, пока не увидишь по правую руку на опушке старый деревянный крест. Под ним похоронен лесник. Сядь около креста и жди, пока к тебе подойдет человек от командира партизанской бригады Кривовяза.

Сивко назвал пароль, отзыв, которым должен Повелко ответить, и подробно проинструктировал, что и как сказать партизану.

– Если он что-нибудь передаст, хорошенько запомни. Потом расскажешь.

Уходя от директора завода, Повелко спросил:

– А как с Хаповым? Что он подумает?

– Ладно, иди! Обмозгуй, как получше выполнить задание, и поменьше беспокойся, что подумает Хапов. Да, в конце концов, не так и важно, что он подумает.

Повелко связал бутылки веревочкой, повесил на плечо и ушел.

Рано утром, когда Заломин еще спал, Дмитрий Повелко собрал бутылки и тихо вышел из избы. Добравшись до родника, он зашагал вдоль лесного ручья. Ручей не признавал ни троп, ни дорог и, выбирая наклон почвы, иногда вовсе не заметный для глаз, устремлялся вперед с веселым звоном. Километра через три он уже превратился в небольшую речушку.

Повелко шел не меньше часа, прежде чем увидел черный, сколоченный из двух толстых сосновых бревен крест, одиноко стоявший на лесной опушке. Повелко огляделся – кругом ни души.

Он уселся на едва пробившуюся из земли зеленую травку, уперся спиной в крест и закурил. В лесу щебетали какие-то птицы, солнце поднялось и пригревало сквозь одежду.

Прошло не меньше часа. Дмитрия потянуло ко сну. Голова его склонилась на грудь, и он задремал.

Когда Повелко, проснувшись, с усилием поднял непослушную, точно налитую свинцом голову и раскрыл глаза, перед ним стоял человек.

– Продай березового соку, – сказал незнакомец.

– Да разве он продается? Так угостить могу, – ответил Повелко.

– Тогда будем знакомы: Александр Мухортов, – и Сашутка – это был он – протянул Повелко руку.

Повелко назвал себя и всмотрелся в партизанского связного. Он дал бы ему лет двадцать семь – двадцать восемь. В плечах широк, волосы кудрявые, глаза смелые и веселые. Парень как парень, а ростом подгулял. «Не более ста шестидесяти, – прикинул Повелко. – Пожалуй, на полголовы ниже меня».

– Тут говорить будем? – спросил Повелко.

– Можно и тут, – согласился Сашутка.

Они уселись друг против друга. Сашутка предложил партизанского «горлодера». Задымили. Начал Повелко:

– На завод должны пригнать большую партию военнопленных из лагеря. Сивко сам поднял этот вопрос перед управой и комендантом города, и с ним как будто согласились. Обещают дать человек двести. Люди нужны для выкатки леса и погрузки его на автомашины. Сейчас машины не ходят, а как только подсохнет дорога – пойдут. Тогда и людей пригонят. Сивко говорит, что военнопленных можно отбить, но сделать это надо не на территории завода, а по пути, чтобы заводские рабочие не попали под подозрение. Какая будет охрана, Сивко узнает заранее и сообщит. Он просит партизан до пригона военнопленных в этих краях не появляться и не настораживать фашистов, а то как бы не изменили планов.

– Ясное дело, – согласился Сашутка. – Ребят определенно отобьем. Комбриг такие операции любит... Ну, а что еще твой Сивко наказал?

Повелко сказал, что директор завода просит совета, как выманить из города начальника гестапо Гунке. Подпольная организация патриотов города вынесла Гунке смертный приговор, и его надо привести в исполнение.

Сашутка расхохотался:

– Вынести приговор – одно дело, а привести его в исполнение – другое. Так можно и Гитлера, и Геринга, и Гесса, и Гимmlера, и всех прочих приговорить к смерти, а вот как им веревку накинуть на шею – это вопрос.

Повелко возразил: подпольщики редко выносят смертные приговоры, но уже если выносят, то приводят их в исполнение. И он назвал несколько фамилий гестаповцев, уничтоженных патриотами.

– Ну, а ты передай кому надо, – заговорил, в свою очередь, Сашутка, – что дела на фронте совсем хорошо разворачиваются. Наши вошли в Тернополь, почти весь Крым освободили, осталось дело за Севастополем. Потом скажи: нам на днях с воздуха боеприпасов, взрывчатки, соли подбросили, и если что крайне необходимо, маленький заказик сможем принять и выполнить. Понял?

Повелко утвердительно закивал головой.

– Сегодня пятница, в понедельник опять встретимся. А теперь прощай! Мне, брат, обратно шагать да шагать...

Связные пожалы друг другу руки и разошлись.

Ночью около сторожки лесника дежурил часовой – один из рабочих завода. Напряженно всматриваясь в темноту, он ходил взад и вперед по большой поляне, на которой находилась изба.

Однокомнатный домик был набит до отказа. Табачный дым туманом висел в воздухе. Люди сидели на скамье, на подоконниках, на полу и внимательно слушали директора завода.

Сивко говорил негромко, немного хриловатым голосом:

– ...И мы должны быть готовы ежечасно, ежеминутно... Кривовяз обещает подбросить взрывчатки...

– Нам автоматиков бы с десятков... – сказал кто-то из темного угла.

– Ясно, какие перед нами ставят задачи? – продолжал Сивко. – Мы должны – я еще раз повторяю! – разобрать по команде все мосты в лесу, сорвать вывоз древесины, так как она спешно вывозится на стройку рубежей за городом, снизить до минимума заготовку чурок, чтобы газогенераторные машины встали. Большого от нас пока не требуют. А когда поставят другие задачи, тогда дадут и оружие.

– Ясно! Понятно! Чего в ступе воду толочь! – раздались отдельные голоса.

– Теперь насчет деревень... – продолжал Сивко. – Путько пойдет в Столбовое, Панкратов – в Рыбицу, Оглядько – в Троекурово, Заломин – в Пасечное. Выйти надо до рассвета. Своих людей знаете. Расскажите через них народу, что Советская Армия в ста километрах от города, что партизан в лесу около пяти тысяч. Предупредите, что фашисты всех стоящих на ногах попытаются угнать. Им рабочие руки нужны и здесь, и в Германии. Кто не пойдет, того расстреляют. Примеры есть, и вы напомним о них. Призывайте весь народ подниматься, бросать дома и идти в лес. Места сбора известны. Растолкуйте всё попонятнее. Ну, и несколько слов относительно связи с городом и с бригадой... Повелко! – обратился он к сидящему на полу Дмитрию. – Это тебя больше всего касается. Слушай, да внимательнее.

Директор проинструктировал Повелко. Вопросов не возникло, и люди начали расходиться. Сивко открыл окна, дверь, и дымный угар потянуло наружу.

– Повелко! – снова окликнул он уходившего последним Дмитрия. – Зайди в контору и позови мне Хапова.

– Хапова?

– Чего же переспрашиваешь? Иди зови, и сам с ним вернись.

Через полчаса Повелко вернулся в сопровождении Хапова. По дороге у него возникло предположение, что Сивко намерен, очевидно, прикончить предателя и определенно при его, Повелко, помощи. По мнению Повелко, такое решение было бы правильным и своевременным: дальше терпеть присутствие на заводе Хапова было опасно. Все без исключения рабочие знали о том, что Хапов регулярно посещает гестапо в городе, и давно собирались расчитаться с ним.

Хапов шел впереди, тяжело дыша: он был в годах и страдал одышкой.

«Подлец! – думал Повелко. – Знал бы он, кто за ним следом идет, наверно, не шел бы так спокойно...»

Сивко ожидал около избы, сидя на пороге, и пригласил обоих войти. Повелко остановился около дверей и пропустил в избу Хапова. Он ожидал команды и был крайне разочарован, когда Сивко угостил прораба сигаретой и закурил сам. Оба мирно уселись за стол. Воздух в комнате уже очистился от табачного дыма, пламя свечи горело ярко.

– Садись, – сказал Сивко, обращаясь к Повелко.

Повелко уселся за стол.

– Ну, ты думал? – спросил директор Хапова. Тот бросил косой взгляд на Повелко и как-то неестественно закашлял.

«Начинается!» – мелькнуло в голове у Дмитрия.

– Думал, – спокойно ответил Хапов и ожесточенно подул на огонь сигареты.

– Ну?

– Встретим их в шести километрах отсюда, у Желтых песков... – Хапов опять взглянул на Повелко. – Я осмотрел место: лучше не найдешь. Можно хорошо замаскировать хоть сотню человек.

Повелко ничего не понял, и в голову полезли самые противоречивые мысли...

Сивко не вникал в подробности и не задавал вопросов.

– Хорошо, – согласился он, – тебе виднее. Вопрос будем считать решенным... А ты запомни, – он повернулся к Повелко, – что дело будет на шестом километре от завода. Какое – скажу после.

Повелко кивнул головой. Он по-прежнему не понимал, о чем идет разговор.

– Теперь насчет озера, – продолжал Сивко. – Сходите туда вместе с Повелко. Он специалист по взрывам. Если электростанцию поднял на воздух, то уж с озером справится...

Сивко объяснил: за озером начинается низина, через которую идет дорога к фронту. Дорогу требуется затопить, а для этого необходимо спустить воду из озера. Подготовить эту операцию надо быстро.

– Есть! – сказал Хапов. – Завтра с утра поедем, если вы свою двуколку дадите...

И только сейчас Повелко понял: Хапов не гитлеровский пособник, а подлинный патриот – свой!

## 26

Кибич нервничал. Его раздражала медлительность учеников. Он то и дело прерывал Грязнова или Ожогина и сам садился за телеграфный ключ. Он работал быстро, но сегодня работа не увлекала. Кибич думал о чем-то своем. Окружающее злило его, вызывало гнев. Временами он прекращал занятия, подходил к окну и прислушивался. Весь день и всю ночь на улице не умолкал шум: через город проходили немецкие части – проходили поспешно, беспорядочно. На гитлеровцев, живших в городе, это действовало удручающе.

Сухой, замкнутый Кибич, казалось, понимал, о чем думают в эту минуту его русские ученики, и старался не встречаться с ними взглядом. Может быть, они смеются над ним, над Кибичем, потому что знают о позорном отступлении, о поражении германских войск? Русские, которых он ненавидит и презирает, смеются! Это невыносимо!

Он отходил от окна, снова кричал, требовал, ругался, выискивал неточности в передаче и мелочными придирками мстил за боль, которую причиняло ему сознание того, что он бессилен.

– Плохо, совсем плохо! – оценивал Кибич работу учеников. – Надо работать вдвое быстрее, втрое быстрее... Вы слишком ленивы.

Друзья молчали и старались не смотреть на преподавателя.

– Если бы моя власть, – брюзжал Кибич, – я бы заставил вас круглые сутки сидеть за ключом, все двадцать четыре часа!

Было без пятнадцати двенадцать, когда дверь отворилась и на пороге комнаты показался служитель Юргенса. Всегда спокойный, сегодня он казался растерянным и встревоженным.

– Господин майор просит вас пожаловать к нему немедленно.

Кибиц замолк и с недоумением посмотрел на служителя.

– Меня? – переспросил он.

– Да, вас, господин Кибиц, – тихо повторил служитель.

Никогда прежде Юргенс не вызывал Кибица во внеурочное время.

Служитель стоял в ожидании.

– Вас ждут, – повторил он через минуту и почему-то кашлянул, будто хотел этим дать понять, что надо торопиться.

Кибиц схватил со стула пиджак и, накинув его на плечи, почти выбежал из комнаты.

Друзья переглянулись. Они остались одни в квартире Кибица и не знали, что предпринять: ждать или уйти. Ожогин предложил ждать, тем более, что время урока не истекло. Несколько минут они сидели не двигаясь. Однако это было утомительно. Никита Родионович встал и принялся ходить по комнате. Изредка он останавливался около стола или шкафа, присматривался к разбросанным вещам и радиодеталям – все было хорошо знакомо и, кроме неряшливости хозяина, ни о чем не говорило. Единственное, что заинтересовало Никиту Родионовича, – это этажерка с книгами. Не притрагиваясь к ним, он прочел названия на корешках обложек и убедился, что Кибиц читает только политическую литературу. Тут были томики Гитлера, Геббельса, Шахта. Вынув наобум один из них, Ожогин стал перелистывать его. Почти на каждой странице красовались пометки синим карандашом: подчеркнутые фразы, зигзагообразные линии на полях, вопросы, восклицательные знаки.

– Кибиц размышляет... – улыбнулся Ожогин.

Карандашные пометки были и в других книгах. Среди томиков оказалась толстая, хорошо переплетенная тетрадь, в которой рукой Кибица были сделаны многочисленные записи. Никита Родионович заинтересовался ими.

На первой странице, кроме даты, ничего не было. Текст начинался со второго листа. Первой оказалась цитата из брошюры Яльмара Шахта:

«Первым шагом Европы должна быть борьба с большевизмом, вторым шагом – эксплуатация естественных богатств России».

«Историю мира творили только меньшинства. Адольф Гитлер».

«Мое дело не наводить справедливость, а искоренять и уничтожать. Геринг».

Никита Родионович стал читать вслух:

– «Наши враги могут вести войну сколько им угодно. Мы сделаем все, чтобы их разбить. То, что они нас когда-нибудь разобьют, невозможно и исключено. Гитлер. 3.10.1941 года».

Сбоку цитаты рукой Кибица были поставлены три огромных вопросительных знака.

– «Сегодня я могу сказать с уверенностью, что до зимы русская армия не будет более опасна ни для Германии, ни для Европы. Я вас прошу вспомнить об этом через несколько месяцев. Геббельс. Заявление турецким журналистам 15.10.1942 года». И надпись поперек: «Я вспомнил об этом ровно через год. Турецким журналистам не советуем вспоминать».

– Критикует начальство! – рассмеялся Андрей.

– Да, похоже на это... «Можно уже мне поверить в то, что чем мы однажды овладели, мы удерживаем действительно так прочно, что туда, где мы стоим в эту войну, уже никто более не придет. Гитлер. 10.11.1942 года». И добавление Кибица: «Мой фюрер! А Сталинград, Орел, Харьков, Донбасс, Брянск, Киев?! Несолідно получается»... «Отступление великих полководцев и армий, закаленных в боях, напоминает уход раненого льва, и это бесспорно лучшая теория. Клаузевиц». И постскриптум Кибица: «Теория не в нашу пользу». Не завидую фюреру: подчиненные у него не совсем надежные, – заметил Никита Родионович. – Ну, хватит, а то, неровен час, вернется сам Кибиц. – И Ожогин положил тетрадь на полку.

– А может, с собой прихватим? – вырвалось у Андрея.

Никита Родионович покачал головой: нельзя.

Друзья подождали с полчаса. Кибиц не возвращался.

– Ну, пойдем, уже первый час... Зорг, наверно, беспокоится.

...Друзей приняла жена Зорга. Самого его не оказалось дома. Она объяснила, что мужа минут двадцать назад вызвал к себе Юргенс, и провела друзей в свою комнату.

В углу стоял прекрасный, почти в рост человека, трельяж, отделанный красным деревом. На туалетном столике, на этажерке, на пианино была расставлены затейливые статуэтки, изящные флаконы с духами, всевозможных размеров баночки, пилочки и прочие принадлежности кокетливой и придиричливо относящейся к своей внешности женщины.

Жена Зорга села за пианино и бурно заиграла вальс из «Фауста».

Через несколько минут вошел Зорг, очень расстроенный, и объявил друзьям, что занятий не будет.

Ожогин и Грязнов, не вступая в расспросы, раскланялись и ушли.

– Что-то приключилось, – сказал по дороге домой Никита Родионович.

– Да, и необычайное, – согласился Андрей.

Дома друзья заговорили о тетради Кибица. Из пометок Кибица выходило, что он считает виновником неизбежного поражения Германии нынешних ее руководителей, которые завели Германию в тупик.

– Эта тетрадь нам пригодится, – сказал Никита Родионович. – Мы ее используем против него.

– Каким образом?

– Сразу сказать трудно. Надо обдумать все хорошенько и не торопясь.

В полдень в парадное кто-то постучал. Никита Родионович вышел открыть дверь и увидел Варвару Карповну.

– Вы удивлены моему приходу? – спросила Тряскина.

– Удивлен.

– У вас, конечно, будет тысяча вопросов, как и что произошло?

– Пожалуй, нет.

– Почему? – несколько разочарованно произнесла Тряскина и опустилась на диван.

– Потому что я знаю все: отец навещал вас, вы рассказывали ему, он – соседям, а те – нам.

Никита Родионович пытливо разглядывал Тряскину. В ее поведении, как ему казалось, появилось что-то новое: она стала спокойнее, похудела, исчезло дерзкое выражение глаз.

– Знать бы вот только, случайно в меня пуля попала или нет, – прищурился глазами, проговорила Варвара Карповна.

– А зачем это знать? Ну, допустим, вам скажут, что не случайно, что вы предпримете? – спросил, чуть заметно улыбнувшись, Ожогин.

– Что?

– Да.

– Поблагодарю от всей души... Если бы пуля обошла меня, тюрьмы мне не миновать. Кто бы поверил в то, что я тут не замешана!

– Стрелявший в Родэ не имел ни малейшего намерения нанести вам хотя бы царапину, – заверил Никита Родионович. И, желая переменить тему разговора, задал новый вопрос – что Тряскина собирается предпринять в дальнейшем.

Варвара Карповна уже думала над этим и поделилась своими мыслями. Она считала невозможным в данный момент сидеть дома без дела, тем более что Гунке, посетивший ее в больнице, сказал, что ждет ее в гестапо. Тряскина знала также, что на ее место никто еще не принят.

Ожогин тоже считал, что рвать отношения с гестапо сейчас невыгодно, но промолчал.

– Я согласна подождать, – сказала Варвара Карповна. – Но у меня так много неясностей, в голове – сумбур...

– То есть?..

Тряскина нахмурила лоб, сделала над собой усилие, будто что-то припоминая, и заговорила вдруг быстро, горячо:

– Как нам удастся реабилитировать себя, оправдаться перед советской властью? Мы уничтожили Родэ. Вы жертвовали собой, а я приняла пулю. Но кто же поверит, что убили, допустим, вы, а убийству содействовала я? Подобное может заявить любой, тем более что виновник не найден. Чем же мы докажем то, что сделали?

– На этот вопрос я вам уже отвечал, – спокойно произнес Ожогин. – Положитесь целиком на меня.

– Хорошо, – вздохнула Тряскина, – я согласна, но меня волнует и другое: достаточно ли того, что мы сделали для искупления нашей вины?

– Нет, пожалуй, недостаточно. Точнее, очень мало.

Тряскина прислонила голову к стене и задумалась.

– Да, – произнесла она тихо, – но что я могу еще сделать?

– А вот об этом давайте подумаем сообща.

## 27

Пришел яркий май, с нежной зеленью распутившихся деревьев, с ароматом цветущей черемухи, с соловьиными трелями на зорьках, со звоном разноголосых птиц. Перестала дымиться земля, просохла, прогрелась, покрылась ярко-зеленым ковром.

Все ожидали дождя, но его не было. Бездождной оказалась большая половина апреля. Бездождем начался и май.

Сегодня с утра на горизонте появились темные облака, загромыхали первые раскаты далекого грома, дохнуло свежестью, но дождь так и не пошел.

– Плохо дело: засуха будет с весны, – сказал Кривовяз, внимательно осматривая чистое небо. – Вот смотри. – Он сорвал едва возвышавшийся над зеленым покровом лесной полянки стройный одуванчик и подал его начальнику разведки Костину. – Он в эту пору должен быть в два раза больше, а не таким карапузом...

Начальник разведки посмотрел сквозь очки на поданный ему цветок, но ничего не сказал.

Кривовяз и Костин обогнули маленькое озеро. Его зеркальная гладь отсвечивала перламутром. Над водой летали стрекозы. Пугливые бекасы, увидев людей, вспорхнули и исчезли на другом берегу.

– И озеро недолго проживет без дождя, – заметил Кривовяз, – иссохнет...

Костина удивляли слова командира. Почему его беспокоит отсутствие дождя, судьба никому не нужного лесного озера, все эти одуванчики, стрекозы и бекасы? Сейчас не до этого. Настала третья партизанская весна, и чем суше она, чем меньше слякоти и сырости в лесу, тем лучше для партизан, тем подвижнее и боеспособнее они будут. При чем тут эта весенняя лирика?..

Под низкорослой, но развесистой сосной на разостланной плащ-палатке спал Сашутка.

– Вернулся, – тихо сказал командир бригады, увидев своего ординарца. – Ну, пусть подремлет еще маленько, поговорить успеем.

Кривовяз опустился на траву, достал трубку и кисет. Рядом сел начальник разведки. Набив трубку махоркой, Иннокентий Степанович передал кисет Костину. Тот взял его, но не закурил: на голодный желудок курить не хотелось.

Привязанный к березе конь жадно щипал траву. На ногах и на груди у него подсыхали куски желтовато-белой пены. Видать, торопился парень. Иннокентий Степанович задержал

взгляд на спящем ординарце. Ему и жаль было будить уставшего Сашутку и в то же время не терпелось узнать новости. Кривовяз осторожно тронул Сашутку за плечо, и тот моментально вскочил, протирая глаза.

– Ну? – коротко бросил Иннокентий Степанович.

Сашутка рассказал о второй встрече с Повелко. Сто русских военнопленных выведут утром во вторник из городского лагеря с таким расчетом, чтобы в середине дня пригнать на завод. Конвоировать пленных должны двадцать автоматчиков. Встретить колонну надо в шести километрах от завода.

Кривовяз выслушал Сашутку молча. Когда тот кончил, Иннокентий Степанович встал и поправил кобуру с пистолетом.

– Что же, надо встретить... Как ты думаешь, успеем подготовиться? – обернулся он к Костину.

Костин, как и обычно в тех случаях, когда ему приходилось что-либо решать, снял очки, слегка протер стекла и ответил неторопливо, одним словом:

– Конечно.

На другой день, на рассвете, сводная группа партизан под командованием Костина вышла к лесной дороге и остановилась в шести километрах от завода. Оглядев местность, Костин приказал залечь в двадцати метрах от дороги и укрыться, а сам, с двумя командирами взводов, начал тщательно изучать участок предполагаемой операции. Место ему понравилось. Появление колонны можно было заметить на значительном расстоянии, что давало возможность нанести удар наверняка. Группу разбили на две части по тридцать человек и расположили по обеим сторонам дороги.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.